

ПИОНЕР

ОКТАБРЬ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 02959544 *

Фамилия

Тагарин

Имя и отчество

Юрий Алексеевич

Год рождения

1934

Время вступления в ВЛКСМ

декабрь 1949

Наименование организации,

выдавшей билет

политотдел

1 ЧВКУЛ

КОМСОМОЛУ!

Ты называешь себя ЛЕНИНСКИМ, потому что ленинское слово, обращенное к комсомольцам первых лет Советской власти, стало программой для всех комсомольских поколений, а жизнь и дело Ильича—примером служения народу.

Ты называешь себя КОММУНИСТИЧЕСКИМ, потому что целиком посвятил себя борьбе за самый высокий и светлый идеал человечества. В этой борьбе ты всегда рядом с партией коммунистов-ленинцев.

Ты называешь себя СОЮЗОМ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, потому что всегда был единым, крепко организованным, стойким отрядом бойцов.

Тебе сегодня пятьдесят.

Во все суровые и трудные, военные и мирные времена ты, комсомол, был верен своей цели и своему делу.

Мы поздравляем тебя, комсомол!

Тебе—смелому, тебе—рабочему, тебе—солдату, тебе—вожатому наш пионерский салют!

Это первая страница юбилейного номера и первая страница комсомольского билета. Билет этот всегда лежал в кармане Юрия Гагарина, первого космонавта и славного комсомольца.

Короткая, яркая, как вспышка, героическая его жизнь прошла на наших глазах, на глазах восхищенных людей всего земного шара.

Вот совсем еще молоденький курсант смотрит с фотографии на тебя, читатель. Ведь и ты, как и он, будешь скоро в комсомоле, а может быть, и тебя ждет космос...

Помни слова, с которыми Юрий Гагарин обратился к молодым оренбуржцам, вступающим в ряды ВЛКСМ:

«Мы уверены, что и сегодняшнюю молодежь, которая родилась и выросла в условиях победившего социализма, объединяют и ведут вперед те же идеалы, которые поднимали на борьбу за счастье народа миллионы и миллионы бойцов революции».

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ОКТАБРЬ 10

Издательство «Правда»

1968 г.

Б. МЕДОВОЙ и
Т. ЯКОВЛЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Повествование, основанное на дневниках и письмах Ирины Лапиной, девчонки из Нижнего Тагила

«Вперед! Вперед! И не сдавайся!» — вывела на тетрадной странице четырнадцатилетняя школьница Ира Лапина. Завершив оформление первой страницы, она удовлетворенно вздохнула: теперь можно начинать записи о своем житье-бытье.

Произошло это в сентябрьский вечер, очень, очень давно — двадцать девять лет назад. В дневнике Ира не скрывала своих слабостей или пристрастий.

Читая ее записи, вы можете обнаружить, допустим, заявление о том, что Ира любит больше всего: «Геологию, собак, книги и сыр».

Вы узнаете также, что она терпеть не может: «Математику, трусов, касторку и кошек».

Хоть в шутливой форме, но все же признается Ира и в разных своих грехах: «Лентяйка я, каких поискать. Но, благодаря живому характеру, лень распространяется только на учебу и на домашнюю работу. Требовательная к другим, я спускаю себе эту слабость и благодаря этому живу с ленью душа в душу».

Полная откровенность во всем — это примечательная черта дневника.

За первой тетрадью последовали другие. Шли годы. Ира росла, переходила из класса в класс, стала комсомолкой, фронтовиком, но по-прежнему продолжала вести записи в дневнике. Девять ее тетрадей перед нами.

Выдержки из них вы сейчас и прочтете.

Глава, в которой вы найдете краткое описание
Ириногo характера, а также узнаете об эпидемии
влюбленности в школе

Итак, Ире Лапиной четырнадцать лет. В ту пору она была человеком суровым. Во всяком случае, ей нравилось так выглядеть. Многократно и с немалой гордостью она упоминает о такой замечательной детали своей внешности, как «раздувающиеся от гнева ноздри».

«Ноздри подвижны. Когда я сержусь, они округляются, как у казаков. Вспыльчивая, горячая, часто ссорюсь».

Не знаем, как там у казаков, но у девчонок этого возраста причин для праведного гнева всегда предостаточно. Вот и сейчас вы увидите раздувающиеся Ирины ноздри в действии:

«Сегодня перед уроком геометрии Фор-

шик стал в проходе между партами и не пропускал меня к своему месту.

— Давай помиримся навсегда? — Форшик протянул руку.

— Отстань! — ответила я. — Пропусти!

— А вот не пропущу! А вот не пропущу! — кричал Форшик. — Ууу! Начала свои ноздри раздувать!

Форшик скорчил рожицу и попробовал сам раздуть ноздри. Но это у него не получилось, и он сел на свое место, ужасный человек».

Ох, уж этот Форшик, возмутитель спокойствия! Много-много раз встречается он на страницах дневника.

«Форшик заголовок для стенгазеты, конечно, так и не написал. Он заявил, что я его зову крысой, а крысы писать заголовки не умеют. И вдобавок надел мне табулет на голову».

Как-то Форшик набедокурил на вечере вместе со своим приятелем Сафоновым. Негодованию Иры не было предела.

«К концу урока пришел директор и стал нас ругать за поведение на вечере. Сафонов, когда директор заставил его сознаться, заявил, что выпил только стакан пива. Я отлично знала, что он пил вино. Сафонов все время тревожно посматривал на меня. Во мне боролось чувство долга и в то же время чувство «товарищества». Если бы я сказала правду про ребят, меня бы большинство стало ненавидеть. И, наконец, победило чувство «товарищества» (искаженное понятие), и я ничего не сказала. Но настроение у меня стало отвратительное. Сафонов сидел как на иголках, он каждую минуту ожидал, что я скажу правду про него. Когда урок кончился, он благодарно взглянул на меня. Мне стало стыдно за свою трусость. Я еле сдержалась, чтобы не подойти к директору и не рассказать все».

Мы прервем на минуту ваше чтение дневника, чтобы сказать несколько слов вот о чем: в дневнике все чаще появляются тревожные нотки. Одноклассники Иры один за другим становятся жертвой тяжкого недуга:

«Скачков влюбился в Риту Мазлову и уже охладил к ней. На все это ему потребовалось лишь две недели. Да и не странно. Наш Саша недолго думает над такими вопросами. Ему ничего не стоит влюбиться и через два дня охладеть. И это называется любовью!!! Как глупо!

Сегодня Алка спросила меня на физике, почему я такая гордая? Я и сама не знаю, почему...»

«На собрании было очень оживленно. Когда стали выяснять причины низкой успеваемости, оказалось, что многие ребята и девочки занимаются гаданием. Скачков чистосердечно признался, что был увлечен

редакция 24 сентября 1939г

Вперед, Вперед! И
не сдавайся!

Тип. 14 лет

Дневник
Латиной Иры.

Мой лучший друг, спокойный
малыш

одной особой и поэтому гадал. Форшик паясничал, острил, как всегда.

Нинка спросила его, не влюблен ли он. — Влюблен, — ответил Форшик».

«Кирьянова доказывала, что ни один мужчина не может не изменять.

Я стала спорить, доказывая обратное.

Дальше Кирьянова заявила, что Форшик страшный хвостун и что она решила его исправить. Но она добавила, что на успех этого дела не надеется, так как она сама влюблена. Это она сказала так просто и как будто с сожалением. Я никак не ожидала, что о любви можно говорить так спокойно».

«В классе происходит страшная неразбериха. Атмосфера пропитана любовью. Все влюбляются, ссорятся, разочаровываются. Ко всему этому еще какая-то пошленькая лекция читается с большим интересом. Бужинский предлагал дружбу четверем девочкам, и все они отшили его. Форшик попросил Гальку «найти подходящую девчонку», а то «все с девчонками ходят». Галька предлагала Ирке «дружить» с Бужинским. Одним словом, полная картина всеобщей любви. Все это дошло до ушей директора. Он знает положительно все, даже содержание записок. Мы просто представить не можем, как это он узнал. Кто-то слабый на язычок разболтал.

Сегодня на большой перемене мы оживленно обсуждали эту тему.

— Ты, Скачков, ловелас, — заявила я.

Все ожидали, что Скачков взбесится, но он спросил меня, чем я это докажу.

— Ты в скольких влюблялся? — спросила я, вызываясь посмотреть на него.

— Ты понимаешь, я не влюбляюсь, а просто дружу.

— И ты это считаешь дружбой? — насмешливо спросила я.

— Ну конечно.

— У тебя превратное понятие о дружбе. Ты, очевидно, перепутал, что любовь, а что дружба.

Я говорила очень спокойно, и Скачков поэтому не обозлился.

Сегодня я поссорилась с Бужинским, он грозно посмотрел на меня и сказал:

— Я когда-нибудь отомщу тебе, ненавистница!

Я засмеялась и ответила: «Пожалуйста, не смотри на меня такими прозными глазами, а то я в тебя влюблюсь!»

Бедный Бужинский даже растерялся от неожиданности. Он просто меня ненавидит. Я его злю страшно!

А вот такие записи:

«Сегодня я задумалась о нашей дружбе. Ленка, Валька, Аня и я учились вместе с четвертого класса. Мы дружили. Тогда нас сближали разговоры о куклах, о кукольных нарядах. Мы вместе катались на санках, играли в снежки. Часто ссорились, но это были короткие маленькие ссоры. Мы тогда были одинаковы.

А теперь!

Все выросли, и стало видно, что мы совершенно непохожи друг на друга. У всех

разные характеры. Вот теперь-то и рвется наша дружба. Валька любит приказывать другим, обожает, когда за ней бегают. Держит себя важно. Вмешивается в любовные истории. Лена желчная, вредная. Она всегда радуется несчастью других. Любопытная и как-то по-особенному хихикает, когда расспрашивает о горе подруги. Очень хозяйственная.

Аня — простушка. Она мало читает. Ей нравится больше ходить по очередям, чем читать. В свободное время вяжет и вышивает. В будущем из нее выйдет хорошая хозяйка. Добродушная и скоро забывает обиды.

Что я могу сказать о себе?

Я очень изменилась за эти годы. Вспыльчивая и страшно гордая. Очень люблю читать. Держу себя независимо от девчонок, но не задаюсь.

Теперь, когда обнаружили наши характеры, стало видно, что у нас нет ничего общего. С Валькой мы из-за этого и разошлись».

Не надо, однако, думать, что Ира обособлялась от одноклассников. Дневник ее наполнен описанием школьных дел: спектаклей, занятий с малышами, редактирования газет, вечеров, экскурсий, в которых всегда участвовала Ира.

Прочитайте следующий отрывок из дневника, и вам станет ясно многое. Помните Сашу Скачкова из Ириного класса? Ну, тот самый, который часто влюблялся. Так вот этого Скачкова исключили из школы:

«...В классе стало тихо. Все сразу замолчали. Было неприятно и тяжело. У некоторых девочек навернулись слезы. В гробовом молчании Скачков вышел из класса. После уроков мы пошли домой. В коридоре на окне сидел Скачков. Вид у него был подавленный. Мы подошли к нему.

— Куда ты теперь? — спросил кто-то.

— Не знаю, — ответил Скачков.

— Тебе дома попадет? — спросила Ирка А.

— Еще как! Отец меня до смерти набьет. Да я домой и не пойду.

— А куда пойдешь? — поинтересовалась я.

— Я и сам не знаю.

Нам стало жалко товарища. Что с ним будет, если его действительно исключат? И мы решили взять Скачкова на поруки. Директор был на комитете, и нам пришлось дожидаться его. Часов в пять пришел завхоз и велел взять шубы с вешалки и унести в класс. Долго еще мы ждали директора. Сидели и шутили.

Вдруг в класс вбегает Милька с криком: «Идет, идет!!!» Скачков в классе, а если директор его увидит, дело вряд ли выгорит. И тут мы придумали!.. Скачков лег на скамейку. И мы закидали его шубами. Получилась огромная гора из шуб. Вошел директор. Мы с ним долго и серьезно разговаривали.

— Скачков, наверно, задохся! — хихикнула возле меня Катька.

Когда директор спросил, где Скачков, в классе произошло замешательство.

Зоя Маркова посмотрела на шубы, но ничего не сказала. Когда директор ушел, мы все бросились к Скачкову. Из-под шуб с трудом вылез взлохмаченный, потный Скачков. «Ну, теперь тебя не исключат!» — сказали мы. И действительно, благодаря нашей просьбе Скачкова оставили в школе. Вот что значит сила коллектива!»

Коллектив Ира любила. Но это не мешало ей всюю трудиться над своим собственным характером. Вот как именно это происходило:

«Я начинаю обрабатывать свой характер. Например, я поспорила с сеструшками, что могу сходить в нашу баню в двенадцать часов ночи. Ну, они не поверили и заявили, что я просто хвастаюсь.

Мы договорились, что я, если не трусиха, то схожу в баню и положу на подоконник записку (в знак того, что я была там).

В двенадцать часов ночи я оделась, взяла спички и пошла. Открыла огородную

дверь. В огороде темно. Мне, по совести говоря, было страшновато. Я стыдила себя: «Ну, как тебе, трусиха, не стыдно!»

Твердыми шагами направилась я к бане. Сжала письмо. Открыла дверь. Окно чуть светлело. Я зашла, чиркнула спичку, положила письмо, взяла вазелин (вазелин сюда специально принесла Вера). Я совсем успокоилась. И все? Я зашла в самую баню. Вынула затычку из отдушины. Потом быстро вышла».

А вот и другой способ «обработки» характера:

«Я надела купальный костюм и поплыла на ту сторону пруда. Это была моя давнишняя мечта. Переплыть пруд трудно. Он широкий, и немногие решаются его одолеть. А я поплыла, хотя папа запретил. Какая радость! Как здорово! Лодка плыла вблизи меня. И мне иногда приходилось делать Лийке (она сидела за веслами) замечание, чтобы она меня не задевала веслом. Лийка смотрела на меня такими глазами, как будто я обречена на смерть, и все вре-

мя спрашивала, не устала ли я. Я решила, что, как бы я ни устала, за лодку хвататься не буду. Доплыла благополучно. Потом я оделась и села в лодку. Ну, на сегодня я победитель».

Такой была Ира в четырнадцать лет, в тот год, когда она начала вести дневник.

Глава, в которой рассказывается о МОПРе и шпионе в шляпе

Ира сидит на берегу.

Задумчивый взор ее устремлен вроде бы на водную гладь, но в мыслях Ира унеслась далеко. Совсем далеко. За пределы родной страны, туда, где в застенках мучают борцов за рабочее дело, туда, где от голода тускнеют детские глаза.

Трудно, думает Ира, невероятно трудно народам тех стран освободиться от полицейских пут, стряхнуть с себя тяжкое иго. Страстно хотелось бы девчонке помочь своим далеким братьям. Но как?

Ира вступила в члены МОПРа — Между-

народной организации помощи борцам революции. Книжечка МОПРа хранится рядом с дневником. Ира знает, что МОПР помогает и узникам, томящимся в тюрьмах, и семьям забастовщиков во всем мире.

У Иры есть фотопортрет, изданный МОПРом. На снимке юное гордое лицо. Это руководитель кубинской компартии Хулио Антонио Мелья, зверски замученный в тюрьме палачами. На обороте карточки Ира написала: «Мой идеал». Сколько он рождает у нее дум и мечтаний...

«Хулио Мелья, Хулио Мелья... темпераментный, страстный революционер. Неуловимый Хулио, смелый Хулио, красивый Хулио. Как же ты попался жандармам, прекрасный ты человек? Уж я-то, — уверена Ира, — сумела бы уберечь тебя от врагов, будь я там, на далекой Кубе».

У Иры есть записная книжка. На корочке ее изображен дирижабль и лозунг: «Дадим стране мощные дирижабли».

К выпуску мощных дирижаблей Ира, естественно, прямого отношения не имела. Но вот на одном из листиков сохранились написанные ее неровным, детским почерком строчки:

«Наметка глаз и меткость рук стране
необходима,
Стрелять умеет юный друг
Осоавиахима».

Уметь стрелять надо. Ира из газет и фильмов знает, сколько лазутчиков капитализма появляется в нашей стране. Ира и об этом тоже писала стихи. И послала их в газету. Но из редакции «Всходы коммуны» ответили так:

Редакция газеты пионеров и
школьников
Свердловской области
«ВСХОДЫ КОММУНЫ»

Дорогая Ира!

Твои стихи «На границе» и «Джек и шляпа» мы получили.

Стихотворение «На границе» мы поместили в газете № 9.

А второе — менее удачно. Неправдоподобно, чтобы собака Джек так случайно, только по шляпе, обнаружила шпиона.

С приветом!

Отдел литературы и досуга.

Наверно, думает Ира, действительно неправдоподобно получилось с этой шляпой. Известно, как изворотливы и хитры шпионы. В той же газете «Всходы коммуны» Ира читала повести о шпионах: «Опасный номер», «Тайна профессора Макшеева», «Рассказы майора Пронина»... А повесть Гайдара «Судьба барабанищика» о том, как пионер выследил шпиона! Ира видела также фильмы «Граница на замке», «На границе», «Высокая награда», «Ошибка инженера Кочина».

Однажды Ира и сама чуть не поймала шпиона. И в дневнике затем подробно описала это событие:

«У нас в Тагиле начинают появляться шпионы, да это и не странно, так как здесь имеется много заводов. Я тоже ловила «шпиона»! Занималась однажды на сарае и вдруг слышу мужской кашель. Признаться, я струсилась. Кашель доносился из другой половины сарая. Кто мог там быть? Я открыла дверь, ведущую в огород, и села на самом краю, зорко глядя туда, откуда мог появиться «он». Кто «он», я не знала, но ведь в наше время вполне возможно, что это шпион. Кашель повторился. Да, в сарае кто-то был!

В голове быстро созрел план: спрыгнуть с крыши, рассказать обо всем Вере и установить наблюдение за сараем. Я посмотрела вниз. Высоко. Прыгать опасно, можно свернуть шею. Но иначе поступить нельзя. Спускаясь по лестнице, я могу спутнуть «его». Я прыгнула. Ничего, обошлось благополучно. Нашла Веру и рассказала обо всем.

Мы решили тихонько подняться на сарай и посмотреть, кто там. Так и сделали. Вера осталась на лестнице, а я, сняв туфли, отправилась за перегородку. Я старалась не шуметь, ступала осторожно, неслышно. «В случае чего захлопывай западную и держи крепче», — прошептала я едва слышно Вере. «А ты?» — испуганно спросила она. «Я выпрыгну в огород», — ответила я. Вера кивнула. Я дошла до перегородки, осторожно заглянула. Никого! Я сделала еще шаг вперед. И у стены заметила... Захарова Сережку, который сладко спал!»

Конечно, со «шпионом» получился явный казус. Но вообще-то оснований для беспокойства действительно много. Тревожно, очень тревожно на границах Родины. Были жестокие бои у озера Хасан, потом в Монголии, на Халхин-Голе. Лишь весной, совсем недавно, закончилась война с Финляндией. А поражение республиканской Испании Ира восприняла как личное несчастье. И не только она. Ира переписывается с ребятами из разных городов и сел страны. Они пишут: «Учимся стрелять. Осваиваем противогаз. Проявляем бдительность».

Глава горестная, из которой вы узнаете о несчастье, постигшем Ирину семью

С самого утра шел холодный дождь, а когда дети отправились в школу, мокрыми хлопьями повалил снег. В тот осенний серый день Ира записала в дневник: «Мама все еще болеет».

Скоро маму — Марью Ивановну положили в больницу. «Прошел всего один день, а я уже по ней соскучилась», — тоскует девочка.

Старшие — отец Феодорит Иванович,

обе тети — Нюра и Зоя старались скрыть от детей, что врачи их не обнадеживают. Ира с Людой навестили мать в больнице. Она им ласково улыбнулась, но девочки ушли, убитые ее видом. Потом больную после хлопот мужа повезли из Нижнего Тагила в Свердловск. Профессор ничего утешительного не сказал родным. Мать Иры, фармацевт по образованию, сама все понимала. Марья Ивановна сразу же согласилась на операцию, скорее всего в угоду родным, для их успокоения. И в этом еще раз сказалась сила доброты и мужества Ириной мамы. Старшие тут вспомнили: в годы гражданской войны, когда белогвардейская банда повела Феодорита Ивановича с другими заложниками на расстрел, молодая жена прорвалась сквозь штыки конвоя и стала рядом с мужем.

«Сегодня получила письмо от мамы, — заносит Ира в дневник, — она успокоилась и отдохнула, чувствует себя хорошо. Беспokoится насчет моих желез. Скорее бы поправилась».

Сколько могла, старалась Марья Ивановна отвлечь детей от горьких мыслей. Но через два дня после своего успокоительного письма девочкам больная, почувствовав, что остаток сил покидает ее, поспешила послать детям свой завет.

Ира переписывала в дневник письмо мамы, не догадываясь в те минуты, что оно последнее.

«Дорогие мои Люда, Ира и Верочка!

Любите друг друга и слушайте папу, тетю Нюру и Зою.

Воспитывайте в себе новых людей, разумных и воспитанных.

Учитесь хорошо, это ваша дорога. Пользуйтесь возможностями, пока папа работает.

Любите его и берегите. Много еще хотела сказать, но устала писать.

Целую вас, Людочка, Ирочка и Верочка.
Ваша любящая мать».

Пришла тетя Нюра и дала понять детям, что они могут потерять мать. Тогда-то Ире открылся смысл маминых слов:

«Письмо мамы похоже на завещание. Я сейчас пишу и плачу. Людка бредит. Я ее разбудила. Спать не хочется. Страшно!»

...Операция не помогла. Девочка раскрыла дневник, обвела края страницы траурной черно-красной каймой и написала на всей странице одну-единственную строку:

«23 НОЯБРЯ В 7 ЧАСОВ УТРА
УМЕРЛА МАМОЧКА».

...Ира долго после этого болела и не брала в руки перо. Из больницы ее выписали в канун нового, 1940 года. Дома она достала дневник и написала:

«Вечер. 9 часов.

Тяжело! Очень тяжело. Хочется плакать, а слез нет».

Все слезы она выплакала.

...А жизнь брала свое. Даже маленькая мохнатая лошадка, на которой Иру везли из больницы, показалась ей, по собственному признанию, рысаком, так хотелось скорее домой, домой. И в школу. Она не пошла на новогоднюю елку, куда ее звали ребята, но к классным новостям, которыми делятся с ней подруги, начинает прислушиваться. Рана еще открытая.

Глава, почти протокольная, в которой Ира проявляет интерес к камушкам.

Ире еще в младших классах нравилось собирать камушки (в отличие от младшей сестры Веры, отдававшей предпочтение бабочкам). Как-то летом сестры условились обмениваться трофеями и договорились о порядке взаимных расчетов. Можете познакомиться с этим документом, который сохранился между страницами дневника:

«Условия договора Иры и Веры ИРА

1. За два камня — бабочку или жука.
2. Непринятые бабочки оплате не подлежат.
3. Заявления о непригодности камней после обмена не принимаются.

ВЕРА

1. За бабочку — два камня.
2. Непринятые камни оплате не подлежат.
3. Заявления о непригодности бабочек после обмена не принимаются.
4. (Общий). Если должником в течение десяти дней долг не будет выплачен, то он должен заплатить в двукратном размере.
5. (Общий). Отмена договора или изменения каких-либо пунктов, а также внесение новых может быть с общего согласия обеих сторон.

За нарушение правил — штраф: для Веры — десять камней, для Иры — десять бабочек.

ИРИНА, ВЕРА».

У юных договаривающихся сторон был достойный арбитр — старшая сестра, Людмила. Она скрепила договор своей подписью.

Однако к окончательному решению о том, что разведка полезных ископаемых ее истинное призвание, Ира приходит не сразу. На рубеже седьмого и восьмого классов подруги все чаще и настойчивее задаются вопросом: кем быть?

«Сегодня, как всегда, мы ломали голову над вопросом о выборе специальности. Вот это серьезный вопрос. Увидев кино «Истребители», Лийка твердо решила стать врачом, но потом опять начала колебаться. На полдороге нас догнала Розка. Лийка спросила, кем она будет. И Розка ответила, что будет врачом. Ну, Лийка прямо расцвела. Мне они посоветовали учиться на летчика. Лийка обещала вылечить мне глаза (я ведь близорукая). Роза обещала меня вылечить,

если я упаду с самолета и разобьюсь. Так что мне можно падать, расшибаться, слепнуть, глохнуть — меня все равно вылечат. Хорошо иметь своих врачей. Они и меня просили учиться на врача, но я категорически отказалась. Меня это вовсе не интересует. Всю жизнь возиться с больными, слушать их стоны, резать! Нет уж! Но вопрос «кем быть?» остается.

Я хотела быть инженером, потом полярной летчицей. Но теперь я об этом не думаю, потому что в первом случае у меня математика хромает на обе ноги, а во втором — я близорукая.

Недавно мне пришла мысль: «Почему бы не стать поэтом?» И я ухватилась за нее, как утопающий за соломинку. Но хватит ли у меня таланта, чтобы стать знаменитой? Да-да, именно знаменитой. Я не хочу быть незаметным журнальным поэтишкой. Летом я серьезно займусь поэзией и постараюсь написать что-нибудь дельное. А потом вступлю в переписку с советскими поэтами. Спрошу у них, есть ли у меня настоящий талант и стоит ли посвящать себя поэзии».

Мы достоверно знаем, что летом Ира не вступила в переписку с поэтами и добровольно отказалась от заманчивой перспективы занять почетное место на Парнасе. К тому времени Ира все чаще представляет себя с геологическим молотком и компасом.

«Надька доказывала, что профессия геолога очень трудная и грязная и что я непременно поседею к двадцати пяти годам. Поля заявила мне: «Тебе бы, Ира, нужно идти на журналиста. Специальность интересная и хорошо оплачиваемая. У тебя есть литературный талант, и ты бы стала хорошим журналистом». Но я изо всех сил защищала специальность геолога.

Нет! Я буду геологом. Непременно геологом. И постараюсь быть хорошим геологом».

Еще одна страстная реплика в пользу своего выбора:

«Честное слово, я влюблена в свою будущую профессию. Лучше ее нет во всем свете. Все, кому я говорила, что хочу быть геологом, не советуют и даже отговаривают. «Это очень трудная работа», «Это мужская работа», «Женщинам она не подходит», «Это очень грязная работа», «Да вы постареете там к тридцати годам, так что вам пятьдесят будут давать», «Опасная работа. Того и гляди голову сломаешь». Вот что приходится слышать от окружающих. Эти люди просто не знают хорошенько этой замечательной профессии».

Себя убеждать ей уже не приходилось. Но как убедить домашних? Она пишет письмо академику Ферсману. И вот что он ответил Ире Лапиной:

«Получил Ваше письмо и спешу сообщить, что глубоко уверен в том, что профессия геолога, геохимика и минералога вполне подходит для женщины, чему мы имеем блестящие примеры в лице В. А. Варсановичевой, О. Д. Воробьевой, Е. Е. Костылевой, Бонштеде и других.

Смело идите по этому пути, он вам принесет удовлетворение, и вы окажете огромную пользу родному Уралу.

Привет,
академик А. Е. Ферсман».

Ира заводит особую тетрадку, куда записывает свойства различных минералов. Не терпится приложить руки к делу. Не хочется терять время. Она и Бина агресуются в геологическое управление Урала: так, мол, и так, две школьницы, будущие геологи, желают свои каникулы провести с поисковой партией и, разумеется, готовы выполнять там любую работу. Ответ инспектора управления Хохрякова был благожелательным. Девочки получили адрес поисковой партии (Малая Лая, Кушинский район, Свердловской области), сюда они могут поехать на... экскурсию. Но такая

роль Ире не по душе. Она приступает к составлению собственного проекта, получившего наименование:

«Экспедиция геологов и собаки Нельки»

Серьезное соседствует с курьезным. «Цель — поиски радия», — пишет Ира. Драгоценный элемент, открытие которого принесло в начале века мировую славу супругам Кюри, заинтересовал нашу школьницу. План экспедиции не был ею разработан в деталях, нам удалось получить лишь некоторые его намеки, с которыми и вы можете познакомиться.

Состав экспедиции:

1. Лапина Ирина (начальник геологоразведочной партии).
2. Мельникова Бина.
3. Лапина Вера (завхоз).
4. Нелька (собака, порода неизвестная).

Снаряжение:

Рюкзак — 3, плащ-палатка, спальные мешки — 3, ружье, браунинг — 1, определитель минералов, котелок — 1, компасы — 3, кружки — 3, ложки — 3, термос — 1, молотки — 3, перочинные ножики — 3, зажигалки — 2, спички — 3 десятка, фонари — 3, запасные батарейки к ним, «Лейка» — 1, лент — 3 коробки. Продукты: консервы, шоколад 3 кг, галет — 3 кг, мелочи (соль, сахар и т. п.).

Приблизительный маршрут:
Соликамск — Чердын — Чечора — устье Ылыч — Шугор — Усть-Кожва, — река Уса — Амдерма».

Экспедиция за радием трех непризнанных геологов и собаки Нельки не состоялась. Впрочем, автор проекта отдала себе отчет, что строит его на довольно зыбкой почве. Но это обстоятельство не повлияло на решение Ирины.

Глава наиболее серьезная из всех предшествующих, поскольку Ира предстает в ней уже шестнадцатилетней

Приходит время, и человеку исполняется шестнадцать лет.

Шестнадцать.

Это ведь не просто очередной год жизни. К шестнадцати годам зреет характер, формируется личность. Человек взрослеет. Ира записала такую фразу:

«Завтра — Первого мая — мне исполнится шестнадцать лет. Шестнадцать! Сегодня лягу еще пятнадцатилетней, а завтра встану уже совершеннолетней. Совсем взрослая».

В том же году Ира пишет о своей подруге.

«Я безвозвратно потеряла свою любимую подругу. Много хорошего было между нами. Мы вместе учились, вместе мечтали о будущем. И как хорошо мечтали! Дорога от школы до дому казалась нам ко-

роткой. Часто уходили мы в сквер и там, сидя на любимой скамеечке «Фантази», мысленно уносились в неизвестное будущее.

Затем встречи стали все реже и реже. Я начала замечать, что Райка тяготится ими и о будущем говорит неохотно. Перемена в Райке с каждой встречей становилась все резче и резче. Я окончательно поняла, что Райку потеряла. Между нами появился враг, который и отнял у меня подругу. А враг этот — религия. Вот уж никогда не думала, что религия встанет у меня на дороге. Райка целиком прониклась верой в потусторонний мир, в бога. Мне жутко становится от этого».

И дальше много-много страниц. Ира страстно обрушивается на религию, доказывает, почему вера губит человека, подавляет мозг, убивает светлые порывы.

«Верующий человек лишен самого дорогого — горячей любви к жизни, любви, благодаря которой, кажется, готов обнять весь мир и для которой нет границ. Вера высушивает мозг, превращая человека из хозяина своей жизни в жалкого раба.

Сколько гнетущего, мрачного и подавляющего в религии!

Никакой загробной жизни не существует. Жизнь дается только один раз, и надо ее прожить так, чтобы даром не проходила ни одна минута. Я страшно люблю жизнь. Ведь жить так хорошо, так интересно!

Не знаю, насколько это верно, но мне кажется, что жизнь — канва, а красота и яркость вытканного на ней рисунка зависят от человека, которому она принадлежит. Если человек верит в себя, если имеет силу воли и горячо добивается своей цели, то рисунок получается и яркий и красивый. Если же человек надеется больше на окружающих и на судьбу, чем на себя, и не умеет добиться своего, то рисунок получится и бледный, и путанный, и некрасивый.

А судьба — это просто миф, созданный воображением людей. Леню человеку по-настоящему взяться за устройство своей жизни, махнет он рукой, собьется с дороги, а потом и хнычет: «Вот, мол, какая у меня несчастная судьба!».

Проморгаешь жизнь, проведешь ее в молитвах перед «святыми угодниками», а второй жизни так и не вымолишь, хоть лоб разбей. И съедят твою «святую», чистую от грехов душу черви, даже не заметив, что она «святая».

Все это мне кажется очень простым и ясным. А вот у Райки совсем другой взгляд на жизнь и на мир.

О своих убеждениях она говорила со спокойствием человека, которому бесполезно доказывать обратное. Голос у нее был ровный, тихий, глаза смотрели спокойно и

невозмутимо. И я поняла, что в этих глазах никогда не вспыхнет огонь настоящей человеческой радости, они не заискрятся прежним детским весельем. Я поняла, что Райка для меня мертвец, хотя она жива, но для меня и для жизни умерла».

Таков окончательный приговор шестнадцатилетней тагильчанки.

Глава, повествующая о весьма печальных событиях в жизни будущего геолога, о поездке в другой город, а также о некоторых крутых решениях

С математикой у них были старые счеты. С математикой Ира всегда находилась в ссоре. Эта борьба между строгой, холодной наукой и темпераментной, мятежной девчонкой была, как показали события, неравной и закончилась она для Иры довольно плачевно. Математика победила гордо и неумолимо. Это произошло во время испытаний.

Десятилетка — геологоразведочный институт — и затем работа по избранной любимой профессии. Казалось бы, все ясно, все привлекательно, все достижимо. Но вот стройность этой программы нарушена:

«Новости очень печальные: физику и литературу я сдала с блеском, а на математике засыпалась как миленькая. Теперь о девятом классе и думать нечего. Вначале я приходила в ужас от одной мысли об этом, а сегодня решила обдумать все здраво. И, наконец, решила летом готовиться к экзаменам в геологоразведочный техникум.

Итак, в моей жизни намечаются большие перемены. Поеду в Свердловск и там буду учиться. Я буду геологом-разведчиком.

Мои домашние еще не знают, что я засыпалась. А узнают, так устроят мне сцену!»

Несколько дней спустя в дневнике появилась еще более мрачная запись:

«Настроение ужасное, хуже некуда. Сколько тяжелых сцен и истерик со стороны тетюшек. И сколько еще предстоит мне перенести! Сейчас мне нужно собрать всю волю, всю энергию, всю твердость характера, чтобы устоять и добиться своей цели, то есть уехать в Свердловск и поступить в техникум. Тетюшки возмущены тем, что я не советуюсь с ними, решила идти в техникум. Особенно их бесит мое заявление «я решила». По их понятиям необходимо посоветоваться со взрослыми, то есть с ними, а потому уж смиренно заявить о своем желании поступить в такой-то техникум. Дудки! Не на такую напали!

Тетя Зоя заявила, что они ни копейкой не помогут мне учиться, и вообще она наговорила мне массу разных неприятностей. Произошла серьезная ссора между мной и тетюшками».

Ира держалась крепко. Родня не устоя-

ла перед ее решимостью и твердостью. После серии бурных семейных совещаний было, наконец, вынесено решение: ладно, бог с ней, пусть едет в техникум эта самая беспокойная, самая несуразная и непонятная из всех дочерей Феодорита Ивановича Лапина! А уж коль скоро было так решено, то и подготовка к отъезду приобрела достойный размах и выглядела внушительно. Иру щедро снабдили провизией, деньгами, постельными принадлежностями, а пуще всего советами и наказами. И в один прекрасный день весь род Лапиных вместе с подружками Иры явился на вокзал про-

«Как мне тяжело! Вчера я чувствовала себя замечательно, я уезжала в Алапаевск, в техникум. Меня все провожали! Как я была счастлива! А теперь!!! Все пропало? Все напрасно?! Все сборы! Все мечты! Оказалось, первого курса в Алапаевске теперь нет! Что делать?! Что?! Как ехать назад? Тяжело. Тяжело, как еще никогда мне не было тяжело! словно безумная, вышла я из канцелярии после беседы с директором. Куда идти?! Куда?! Я ходила по незнакомому городу одна, совершенно одна! Страшно ныло в груди. Несколько раз слезы подступали к глазам, и я еле сдержива-

вожать Иру в путь, правда, не в Свердловск, а в город Алапаевск, где, как выяснилось, и находился геологоразведочный техникум. В чемодан Ира положила и дневник.

А ровно через сутки после отъезда дневник был раскрыт, и в нем появилась запись, которую вы сейчас читаете. Запись, орошенная слезами Ирины. И находилась при этом Ира не в общежитии техникума, а в алапаевском доме колхозника. Ира, всхлипывая, писала:

ла их. Мама! Mamочка, если бы ты знала, как тяжело мне! Что теперь делать?? Почему жизнь такая трудная? Почему так мало радостей и так много горя? Когда наконец с радостью скажу, что я счастлива? Тяжело! Тяжело! Тупая, ноющая боль не исчезает из груди.

Вот тебе и геологоразведчик! Куда теперь? Мне стыдно, страшно ехать домой. Истратила столько денег и теперь явлюсь! Какое тяжелое горе и для всех наших! Особенно для папы. Он так надеялся, что я поступлю в этот техникум. Бедный папа!»

Деться было некуда — Ира, подавленная, вернулась в родной Тагил. Но это вовсе не означало, что она утихомирилась.

После возвращения Ира некоторое время еще строила смелые планы уехать в какой-нибудь среднеазиатский геологический техникум. Ее манила Средняя Азия, и она мечтала учиться в благословенном «краю солнца».

Так размышляла Ирина. И, конечно, она бы выполнила свои планы. Потому что не такая это была девчонка, чтобы не добиться задуманного.

И тем не менее на одной из страниц дневника Иры мы можем найти короткую, решительную и совершенно неожиданную фразу. Вот эта фраза. Она кажется невероятной:

«Все взвесила и сделала вывод: выбросить из головы мысль о поступлении в геологоразведочный техникум в этом году».

И несколькими строчками ниже:

«Ну вот, приняла решение — и сразу стало легче. А в этом отчасти помог дневник. Высказала свои мысли на бумаге, и картина стала яснее. Когда начинала писать, голова кругом шла. А теперь как рукой сняло. Спасибо тебе, дружище дневник!»

Что же стряслось такое, что напрочь опрокинуло все мечты, думы и планы Иры?

На нашу страну обрушилась война.

И Лапина Ира даже на минуту не могла представить себе, что в такой трудный для Родины час можно заниматься устройством личных дел.

Глава, в которой рассказывается, как Ира стремилась помочь фронту, о гранатах, донорстве, раскаленном гвозде, а также о новых стихотворениях

Запись Иры о начале Отечественной войны напоминает десятки других воспоминаний о дне 22 июня.

Тоже безоблачный, радостный день. Тоже поход за город в компании сверстников. Только Ира вышла с грузьями в свое путешествие еще двадцатого июня, за два дня до войны:

«...В пять часов я была уже на ногах, быстро оделась и, закинув за плечи рюкзак, пошла к школе. Ребята собирались медленно, и поэтому мы отправились в дорогу только в семь часов.

Шутки и смех не замолкали ни на минуту. Весело и быстро шли мы в лес. Смеялись над всем: над Гогой, над его калошами, над Васей, над шутками ребят. Гога, он был начальником экспедиции, то и дело подгонял нас возгласами: «А ну, божьи скотинки, пошевеливайтесь! Торопитесь, деточки мои, торопитесь».

Мне бы очень хотелось подробно описать два дня, проведенные в лесу, но нет времени. Произошли важные события мирового

значения. Дело в том, что, возвращаясь из леса, мы узнали потрясающую новость. Я и еще несколько девчонок шли впереди других. Вдруг мимо нас стрелой проносятся двое велосипедистов, ученики 10-го класса. Они еще кивнули нам и промчались дальше. Вскоре нас догнали отставшие товарищи. «Новость слышали?» — спросил Гога. «Нет», — за всех ответила я. «Война с Германией», — сказал Гога. «Брось, Гошка, с этим не шутят», — недовольно отозвалась я. «Какие тут шутки!» — махнул рукой Гога. Его поддержала Зина: «Гошка не шутит. Вы видели, проехали наши ребята, они нам и сказали, что сегодня в четыре часа утра Германия без объявления войны напала на СССР и бомбила наши города». Мы несколько минут шли молча, потом горячо принялись обсуждать положение».

«...Итак, мы воюем с Германией. Германия захватила у нас Латвию, часть Литвы и Белоруссию. Идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вопрос стоит остро: мы или они.

Немцы жгут наши деревни, убивают детей и стариков, насилуют наших женщин и девушек, пытаются раненых бойцов. Но они жестоко поплатятся за это. Мы с корнем вырвем фашистскую коричневую чуму».

Никто еще не понуждал Иру-школьницу искать практического применения своим силам для защиты Отечества, для нее самой это казалось необходимым, само собой разумеющимся, о чем и свидетельствуют записи в дневнике:

«Мы с Надюшей договорились сходить и узнать, со скольких лет принимают в доноры. Нам обоим очень хочется сдавать кровь для наших героических воинов, получивших ранения на фронте. Приятно сознавать, что, отдавая кровь, ты спасаешь жизнь человеку, да тем более защитнику Родины».

А вот и другое решение:

«Хочу поступить на завод токарем. Работа, правда, трудная, по двенадцать часов, без выходных. Да частенько в ночную смену. Но это меня не пугает. Мне хочется быть чем-нибудь полезной Родине в тяжелую годину войны».

Однако Иру не взяли на завод. Она не унимается и наконец поступает в мастерские артели «Металлист», как только узнает, что артель стала выпускать не термосы, а гранаты.

«В артели готовим гранаты марки Ф-1, для фронта. Наша бабушка называет их «шоколадки для немцев». Едва ли такой шоколад придется им по вкусу...»

Но и сдавать кровь и делать гранаты — всего этого оказывается Ирине мало. Захотелось помогать фронтовикам еще и словом. В ночные часы Ира ждет радиопередачи «Слушайте бойцов переднего края», чтобы узнать фамилии и номера полевой

почты фронтовиков, а потом часами пишет письма незнакомым солдатам:

«Сейчас только пришла с работы. Страшно устала. Надо бы лечь спать, а я не могу этого сделать. В одном из своих писем к фронтовику Ване Б. я предложила ему 9 сентября вместе слушать радиопередачу с фронта Отечественной войны. Это очень интересно — быть далеко друг от друга и слушать в одно и то же время одни слова. А после мы напишем друг другу. Ради фронтовика не жалко не поспать ночь».

«На днях мы с Веркой разговаривали о пытках, которым немцы подвергают советских бойцов. Я сказала, что вытерпела бы прикосновение каленым железом. Вера обозвала меня хвастушкой. Тогда я раскалила докрасна гвоздь и предложила ей приложить его к моей руке. Верка три раза прижала его. На руке остались белые полосы. Мне было очень больно, но я не отдернула руку и не закричала. Ведь я же в конце концов будущий геолог, да еще советский».

Иру уже мало устраивало одно лишь изготовление гранат. Она страстно хотела сама швырять свою продукцию на головы фашистов и решила получить такую возможность во чтобы то ни стало.

Но об этом читатель узнает из следующей главы.

А эту мы закончим строчками из Ирино-го дневника:

«Прошедшее лето, наверное, было последним летом моего детства. И девочка превратилась в девушку.

Ну что ж... Юность тоже не плохая пора!»

Глава, в которой рассказывается о безуспешных попытках Иры Лапиной отправиться добровольцем на фронт и о том, к чему эти попытки привели

Эпиграфом к дневнику 1942 года Ирина избрала афоризм Руставели:

Лучше гибель, но со славой,
Чем бесславных дней позор.

Ирина Лапина решила во что бы то ни стало уйти добровольцем на фронт. В течение восьми месяцев она прилагала для достижения этой цели невероятные усилия, поразительное упрямство, которого, вероятно, хватило бы на много-много лет в обычной, мирной обстановке.

Свое решение идти на фронт добровольно Ира держала в тайне от родных. Она доверилась только младшей сестре Вере. Ну, и, конечно же, верному товарищу — дневнику.

Впервые мы узнаем об этом из записи, датированной 8 июля 1942 года.

На странице 31-й идет, как всегда, заметка о повседневных делах. И вдруг:

«Я, кажется, решила ехать на фронт. Да, я еду на фронт».

Что это? Внезапное озарение? Неожиданное решение?

Нет. Следующая запись открывает нам многое:

«Вечер.

Эти две строчки решили мою судьбу. Написала я их, не находясь под каким-нибудь впечатлением, а хорошо обдумав. Это решение не является неожиданным для меня. Оно долго зрело, прежде чем я решилась написать об этом. Не раз задумывалась я о фронте. Гнала от себя эту мысль, упорно выставляла перед собой различные доводы против этого, но чем сильнее я сопротивлялась, тем мысль о фронте чаще стала являться мне. Теперь решение созрело. Я написала эти слова, которые так медленно выковывались во мне. Ничем их теперь не сотрешь, ничем не исправишь сказанного. Вырвать лист, стереть слова ластиком... Но к чему это? Разве можно обмануть самого себя, не перестав уважать в себе человека? Нет, обманывать я не хочу. Раз я сказала самой себе, значит, должна исполнить».

Судите сами по ее дальнейшим записям. Это размышления и действия зрелого человека, великолепно отдающего себе отчет в своем решении:

«Во мне проходила внутренняя борьба. Ох, и измучила она меня! Иногда я на работе обдумывала свое решение, приходила от него в ужас и застывала в страхе. Даже работу приостанавливала. Я сама прочла себе приговор и потом не могла избавиться от борьбы: боролись два совершенно различных по своим взглядам человека. Один человек говорил мне: не ходи на фронт. Оставайся в тылу. Будешь учиться, заниматься любимым делом, пробираться сквозь неисследованную тайгу, искать и находить минералы. Ты полюбишь и будешь любима. Ты будешь счастлива. Неужели ты хочешь променять эту мирную, спокойную жизнь, свои студенческие годы, свое будущее на фронт и идти навстречу смерти?

Вспомни, как бережно вынашивала ты мечту стать геологом, вынашивала в сердце. Тебе не жаль этой мечты?

Люди нужны и в тылу. Много ли от тебя будет пользы на фронте? Если тебя позовет Родина, то ты пойдешь. А сейчас сиди и учись.

Доводы были убедительны. Но тут выступал второй человек. Он говорил мне: нет, ты не должна оставаться в стороне, когда дело идет о жизни или смерти твоей страны. Стыдись своей нерешительности! Тысячи людей гибнут каждый день на фронте. Разве им тоже не хочется жить? Почему же они умирают, а ты не хочешь расстаться со своей мечтой, со своей спо-

койной жизнью? Ты хочешь, чтобы другие для тебя отвоевали счастье и свободную жизнь? Ты переждешь горячее время, чтобы потом воспользоваться всем тем, за что погибло столько людей?

Ты не трусиха. Так выполняй же свое решение — иди на фронт. Будь настоящим человеком. Если умрешь, то умрешь честно. Если останешься жива, тебе ни перед кем не придется краснеть за свою жизнь. Ты отвоюешь себе право на жизнь, право на счастье.

Ты любишь жизнь, так иди же в бой ради этой любви! Жизнь, вырванная из лап смерти, дороже всякой другой жизни.

И эти два человека боролись во мне. То брал один верх, то другой. Они сцепились не на жизнь, а на смерть...

Ира начала действовать. Она направила в горком комсомола заявление с просьбой зачислить ее добровольцем на фронт. Однако не получила ответа. Тогда Ира направляется в горком сама.

«Была в горкоме комсомола. Таинственного второго секретаря так и не видела. Он продолжает оставаться невидимым. Ну, ничего, я до него доберусь. Разговаривала с Колесниковой. Разговор длился не больше пяти минут. Оказывается, горком может направлять на фронт только комсомольцев. Колесникова посоветовала мне вступить в

комсомол. Спросила, сколько лет, и, кажется, мой ответ не совсем удовлетворил ее. Завтра же начну узнавать насчет комсомола. Боюсь, что вступление в комсомол займет очень много времени. А мне тянуть нельзя. Итак приходится на каждом шагу врать папе и тетушкам. Меня просто тошнит от этого. Когда, наконец, эта волынка кончится? С завтрашнего дня пущу в ход все средства, чтобы только скорее стать комсомолкой. Эх, голова, голова! Не могла раньше вступить в комсомол!»

«23-го я получила комсомольский билет. Я чувствовала радость и гордость, идя домой. Мне хотелось показывать билет каждому встречному и всем говорить: «Смотрите, я комсомолка!».

«И наконец, сегодня, то есть 25-го, я с комсомольским билетом отправилась в горком. Нельзя сказать, чтобы очень волновалась, но сердце все-таки слегка сжималось. И, сознаюсь, возле двери у меня мелькнула трусливая мысль: «Хоть бы там никого не было». Но я обругала себя и решительно дернула дверь. Ждала Колесникову добрых полтора часа. Наконец она явилась. Мы поговорили, и она тут же заполнила карту призывника на мое имя.

Я — призывник!

Из кабинета я вышла счастливой и сломя голову бросилась бежать вниз по лест-

нице. Выйдя на улицу, я прижала к груди книжечку, в которой лежали карта призывника и комсомольский билет, и рассмеялась от радости. Ну, поздравляю тебя, Ирина! Много пришлось тебе побегать, но своего ты все-таки добила. Завтра на комиссию! Фронт недалек».

Предварительную медицинскую комиссию Ира прошла хорошо. На ее призывной карте появилась долгожданная надпись: «Годна к строевой службе». Через несколько дней должна была прийти повестка. Дальше скрывать предстоящий отъезд от родных было уже невозможно:

«Дома, конечно, кутерьма. Тетя Зоя плачет. Тетя Нюра — тоже. Папа хандрит».

Но человек уходил на войну. И в честь Ирины был устроен в доме прощальный вечер.

«Мы с Надей начали кулинарить. Она вызвалась стряпать котлеты из картошки и редьки. Но котлеты у нее рассыпались и в конце концов превратились в кашу. Раскрасневшаяся, в поту, Надюша старалась всеми силами придать каше вид котлет. Оставив ее возиться с несчастными котлетами, я стала заниматься подготовкой «сюрприза». Надина бабушка состряпала пирог с грудями, корочки сделала из картошки. И вот мы решили подвесить этот пирог к потолку, а потом при гостях торжественно опустить его при помощи шнурочков.

Наш сюрприз провалился. Валя заметила тарелку и недоуменно спросила: «А что это у вас тут болтается?»

За столом было оживленно и весело. Только Надя что-то молчала. О моем отъезде даже не заикались, словно я никуда не еду. Девчатам кажется немыслимым, что я уеду отсюда так скоро».

Прощальный вечер состоялся, и теперь Ире оставалось лишь ждать повестку. Она продолжала работать в «Металлисте». Незадолго до получения вызова на отправной пункт Ира сделала в дневнике такую запись:

«Сегодня мне дали увольнение на день. Если бы об этом узнала тетя Нюра, то непременно бы заставила меня гладить белье. А это для меня хуже смерти. И я из предосторожности залезла под папину кровать и, положив под голову его ботинок, даже задремала в своем «убежище». Дождавшись ухода тети Нюры на работу, я вылезла на свет божий и принялась за свои дела. Сделала себе замечательный дневник, который решила взять с собой на фронт. А потом... потом... я — будущий фронтовик — подшивала юбку для своей любимицы-куклы.

Честное слово, эта юбка ей очень идет. Может быть, кто-нибудь, прочитав мой дневник, назвал бы меня большой душой, но, право, мне было очень приятно вспомнить далекое, светлое детство.

Оказывается, куклу в руках разучилась держать».

А вот запись в дневнике, датированная 2 декабря 1942 года

«Вчера всю смену ждала повестку. Страшно волновалась. Все работницы тоже переживали за меня. Некоторые даже всплакнули. Они принимают живое участие в моей судьбе. Все, начиная от девчонки Розки и кончая ворчуньей тетей Олей, любят меня. Упрямая и непослушная Роза всегда делает то, что я говорю. Тетя Оля зовет меня почему-то «Раечкой». Я всегда помогаю ей вынести сор или налить в бак воды. Все работницы делятся со мной своими радостями и горестями. Когда разговор заходит о политике, мой голос становится решающим. «Ну, как, Ира, скоро откроется второй фронт?» — спрашивают они. И я начинаю рассказывать им о внешней политике, говорю, стараясь, чтобы мои слова были понятны работницам. «Ира, а Харьков далеко от Москвы?», «Немцы могут прийти на Урал?», «Что сегодня нового передавали?», «О чем тов. Сталин говорил в своей речи?», «А верно, что у нас есть пушки «катюши»?», «Насколько сегодня наши продвинулись?», «Ира, а почему бывают подземные пещеры?», «Ира, есть у нас такой-то закон?», «Ира, а катар желудка от чего бывает?» — вот небольшая частичка вопросов, на которые мне приходилось отвечать.

Вчера работницы были особенно ласковы со мной. Тетя Оля списала мне молитву и просила выучить ее, так как эта молитва, по ее словам, спасает от всяких бед. В ее словах была такая глубокая вера, что я, чтобы не обижать старушку, взяла молитву. Часа в два меня вызвали в проходную. Крикнув работницам: «Ну, повестка!» — я бросилась из цеха. Оказалось, что пришла Вера. Когда я вернулась в цех, все работницы бросили работу и с волнением встретили меня. Повестка так и не пришла. Не прощаясь с работницами, я пошла домой. Дома была повестка. Завтра в десять явиться с вещами в Первомайский клуб. Завтра, наверное, и отправляться.

Ну, мой дневник, немалую службу сослужил ты мне. И вот теперь, кончая дневник, я вижу, как помог он мне разобраться в себе самой, помог найти правильный путь в жизни.

Завтра я, наверное, уезжаю. Вернусь ли? Придется ли листать мне эти страницы?

Сейчас выстираю рюкзак и пойду к Наташе сообщить ей о повестке.

Ну, до свидания, дневничок!

Встретимся ли мы?

Ну, конечно, встретимся!!!»

ОКОНЧАНИЕ

В
СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Двадцать пять мальчишек и девчонок сформированы в отряд. В зеленой полевой форме с нарукавным значком «МСХШ», что означало «Московская средняя художественная школа» при институте Сурикова. Эти ребята пойдут по хребтам Саянским да по степям прибайкальским.

Счастливицам завидовали. По очереди примеряли их форму, пилотки. Вся литература по Сибири в школьной библиотеке была разобрана по рукам. Уже одно то, что самолет улетал из Москвы вечером и вечером же приземлялся в Иркутске, было удивительным.

В воздухе они получили радиogramму: «Половине отряда высадиться в Красноярске, а остальным в Иркутске». Так они и сделали.

Красноярская группа остановилась на турбазе близ знаменитого заповедника «Столбы».

В. КОНСТАНТИНОВ.

ЛЕТО НАШИХ ОТКРЫ- ТИЙ

Иван Лубенников. Комсомолец Михаил Беззубенко, строитель Усть-Илимской ГЭС.

Как только ребята приехали на турбазу, они схватили этюдники — и бегом в заповедник, в расщелинах и на каменистых площадках устанавливались мольберты. Восторг от увиденного бушевал в акварелях, масле и цветных карандашных набросках.

А в это самое время «младшенькие», как ласкательно их звали старшие, плыли на теплоходе по Ангаре. Справа и слева от Ангары высились, дыбились горы с сахарными, снежными вершинами, альпийскими лугами и тайгой.

Приехали в Листвянку, остановились в школе. И не успели сложить груз, а половину ребят уже как ветром сдуло. Туристы и местные жители дивились отваге неизвестных пришельцев. Они-то знали, что восходить на такую гору впору лишь тренированным альпинистам. Через два часа, так и не осилив всей горы, горе-альпинисты с царапинами и ссадинами возвратились в школу.

Пришлось провести собрание группы и крепенько поговорить о дисциплине.

Через день случилось чудо: в жаркий день погода вдруг изменилась, и пошел снег. Сибирь поворачивалась к ребятам другой стороной. Пришлось надеть сапоги и теплую одежду. Но на сей раз не повезло Володе Селиванову. Полагаясь на свой высокий рост, он хотел перепрыгнуть небольшую речку, что впадала в Байкал в бухте Листвянка. Махнул было, да поскользнулся и пошел прыгать кузнечиком по реке, в которой вода была холоднее, чем в Ледовитом океане. Запасного теплого белья у Володи не оказалось, пришлось ему надеть женские чулки и босоножки. Вот в таком виде он и встал в строй бодро шагающего отряда. А навстречу группа иностранцев. Смотрят ребята — Володька как сиганет в ближайшую калитку: не хотелось ему портить своим видом впечатления от отряда. А вечером Валентина Александровна Мандрусова, сопровождавшая ребят, телеграфировала директору школы: «Находимся на Байкале. Рисуем. Все здоровы. Никаких происшествий».

А старшенькие, как их звали младшие, в это время осваивали Дивногорск. Ребятам повезло — они стали жить вместе со студентами-практикантами

энергетического института в старом списанном теплоходе, стоявшем на причале у берега. Особенно это обстоятельство нравилось воспитателю Николаю Александровичу Завадскому. Он заядлый рыболов. Тайменей он ловил прямо из окна каюты первого класса. Ловил даже ночью, привязывая удилице к ноге. Однажды огромная щука чуть было не утащила его в Енисей.

Так получилось, что на строительстве ГЭС девочкам пришлось писать портреты с мужчин, а мальчикам — с девушек. Когда прославленный бетонщик и плотник стройки комсомолец Михаил Дубов сел на опалубку, девочки с мольбертами окружили его полуколышком. Человек этот пришел после работы, устал. Тем не менее полтора часа просидел, не шелохнувшись. Рисовали его вдохновенно, быстро и споро, экономя минуты отдыха.

А потом маршрут привел их в Шушенское. Здесь они делали зарисовки в домах Зырянова и Петровой, где когда-то жил Владимир Ильич Ленин. Валя Мамчур написал портрет Анны Семеновны Середкиной, которая помнила Владимира Ильича. Валя сделал копию с портрета и подарил Анне Семеновне. Много других рисунков было подарено местному музею Ленина.

На Саяно-Шушенской ГЭС юным художникам показали макет будущей гидростанции. Ребята изумились, когда узнали, что высота ее плотины будет самой большой в мире и почти вдвое выше Красноярской.

Здесь пионеры рисовали портреты лучших комсомольцев-ударников стройки, котлованы, краны, взрывы и многое другое. С большим старанием они оформили Ленинскую комнату строителей, при въезде на стройку расписали большой стенд «Саянская ГЭС — дело рук комсомола». Ребята видели, что почти на всех стройках Сибири в основном трудится молодежь.

Рабочие относились к ребятам очень тепло. В кафе «Белочка» их угощали сибирскими пельменями, ухой и прочими вкусными вещами. А когда открылось второе кафе, «Северное сияние», они стали зваными гостями.

«Но где же затерялась та группа младшеньких, которую мы оставили на Байкале?» — спросите вы. О, и она не сидела сложа руки. После Байкала они отправились в молодой город Иркутской области — Шелехов. В этом городе нет деревянных строений. Он стоит совсем новенький, расчлененный проспектами и широкими улицами. Ребята работали прямо в цехах гигантского алюминиевого завода. Люся Бобровникова писала рабочего в плавильном цехе. Стояла нестерпимая жара, и на помощь Люсе пришли рабочие. Один держал палитру, другой обмахивал художницу листом картона.

Потом поехали в город Ангарск. Опять писали на нефтеперегонном заводе. Наконец отправились в Усть-Илим.

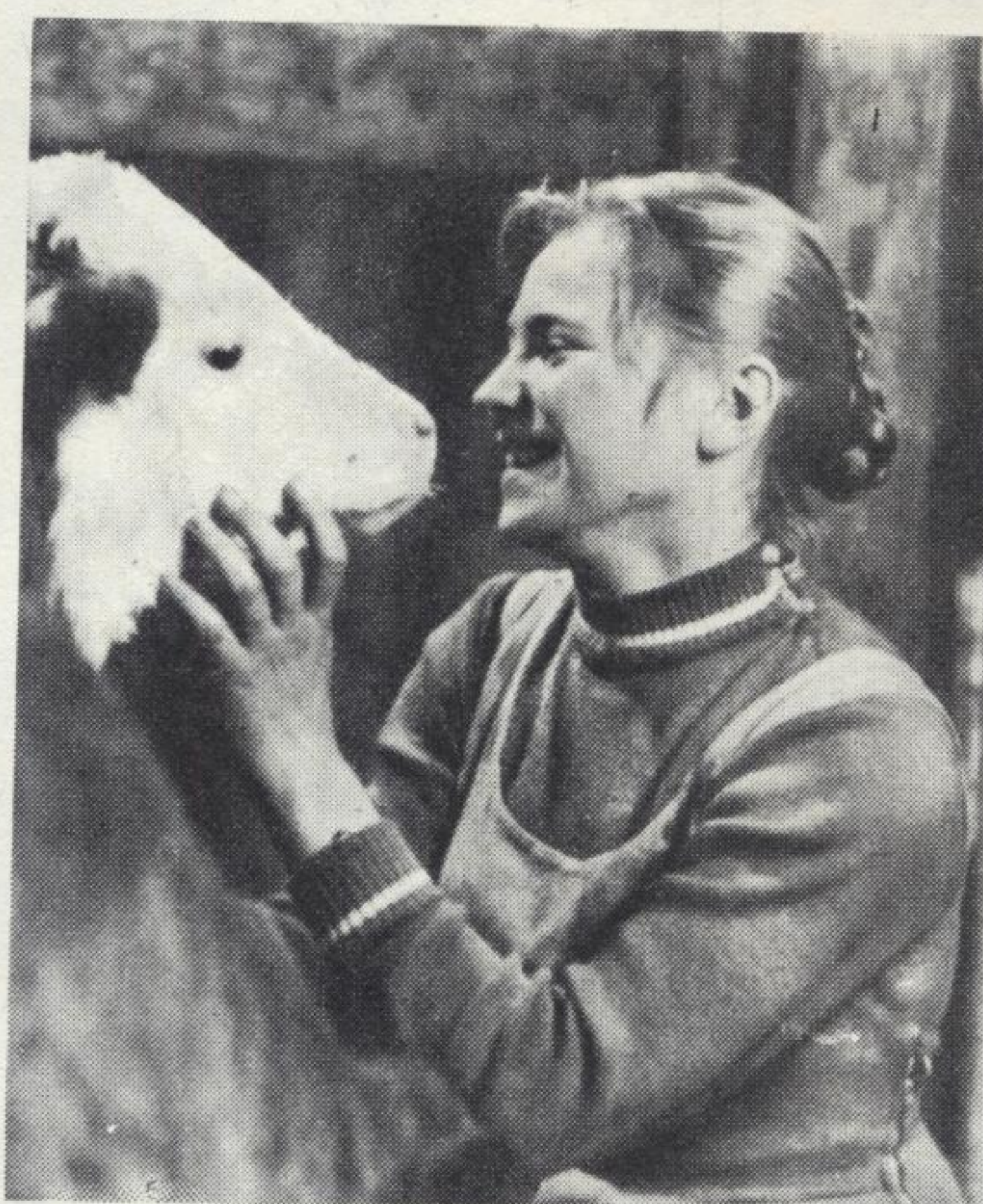
«Пишу вам письмо из Усть-Илима, сидя на высокой горе, — писала директору преподаватель практики Валентина Мандрусова. — Внизу Ангара с тремя островами, густо поросшими зеленью, — лосиные острова, как назвал их Радищев (он здесь был в ссылке). Тут действительно жили лоси. За островами горы. Они врезаются в Ангару выступами и подернуты дымкой. Панорама необыкновенная! Вчера мы плыли на катере по Ангаре в Северный Усть-Илим. Там и ночевали. Ребят нельзя было оторвать от тайги. Год назад сюда спустился десант на вертолете из семи комсомольцев и двух вагончиков. Теперь здесь целый строительно-монтажный поезд. Одни комсомольцы. Вот где настоящая жизнь! Живут в палатках и никогда не ссорятся. Влюблены в тайгу бесконечно. Ребята слушают рассказы комсомольцев, раскрыв рты. Сделали пять хороших выставочных работ: голова девушки-комсомолки в натуральную величину, фигура комсомолки Маметовой Галии из Казани у недостроенного дома. Написал ее Алеша Суховецкий. Хорошо написал. Много пейзажей. Я ребят просто не узнаю. Как они переменились! Какими серьезными стали!.. Володя Селиванов показал себя очень эмоциональным художником. Рисует неистово. Когда возвращаемся домой, спит в автобусе. Вечером буквально падает с ног. Зато сделано сколько! Есть чем отчитаться за поездку. А впереди еще Братск! Снимаю все на кино пленку. Привет родителям. Пусть не волнуются. Но самое главное, что сделали ребята, — это открыли новую страну Сибирю с необычным, может быть, немного суровым климатом, невиданными стройками, чудесными людьми, для которых товарищество и дружба не просто слова, а естественное состояние жизни!»

...Недавно юные художники возвратились со своей летней практики.

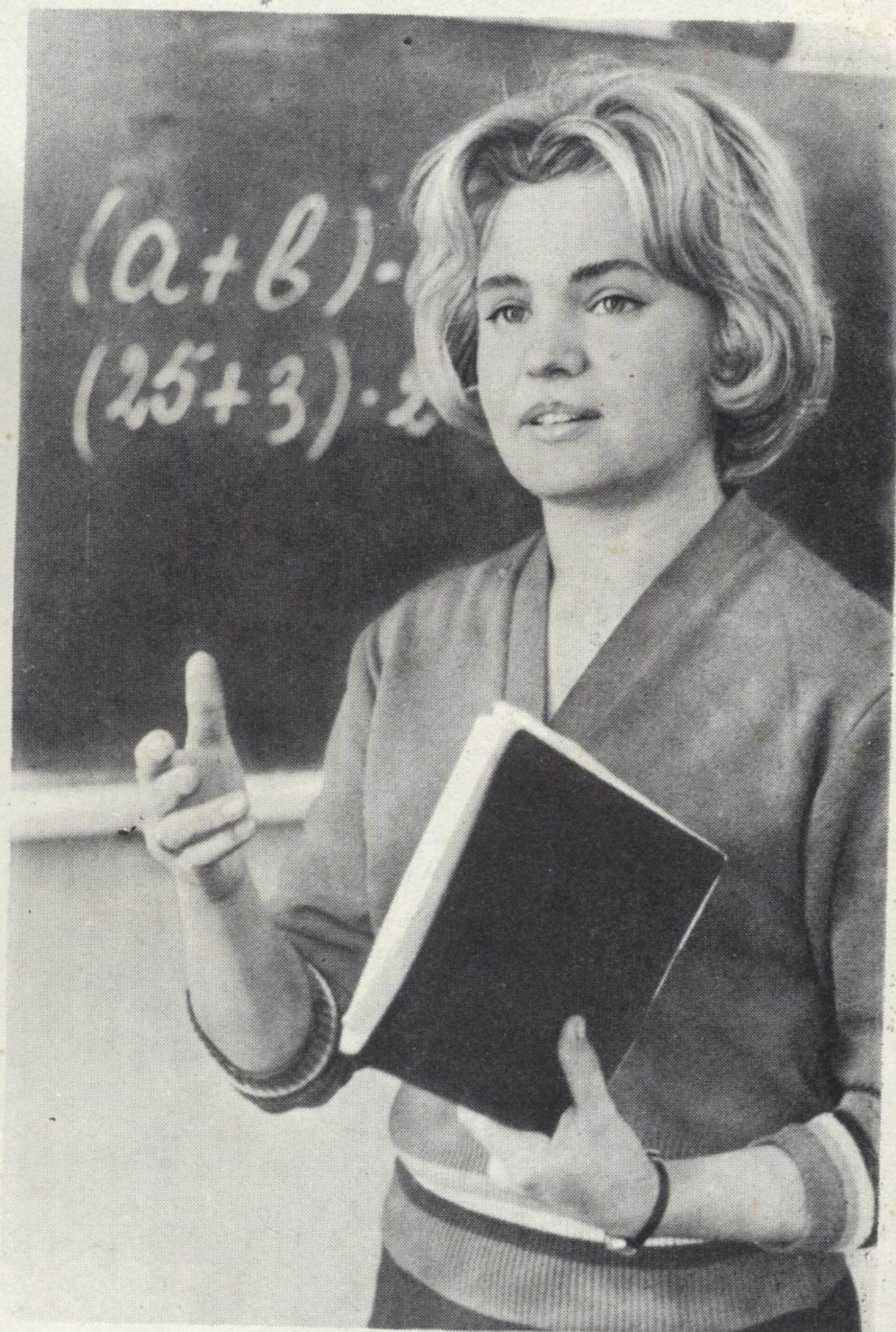
Они вернулись усталыми. Их форменная одежда стала похожей на палитры. Но они написали более трехсот живописных работ и около четырехсот рисунков. Часть работ сейчас экспонируется в Красноярске.

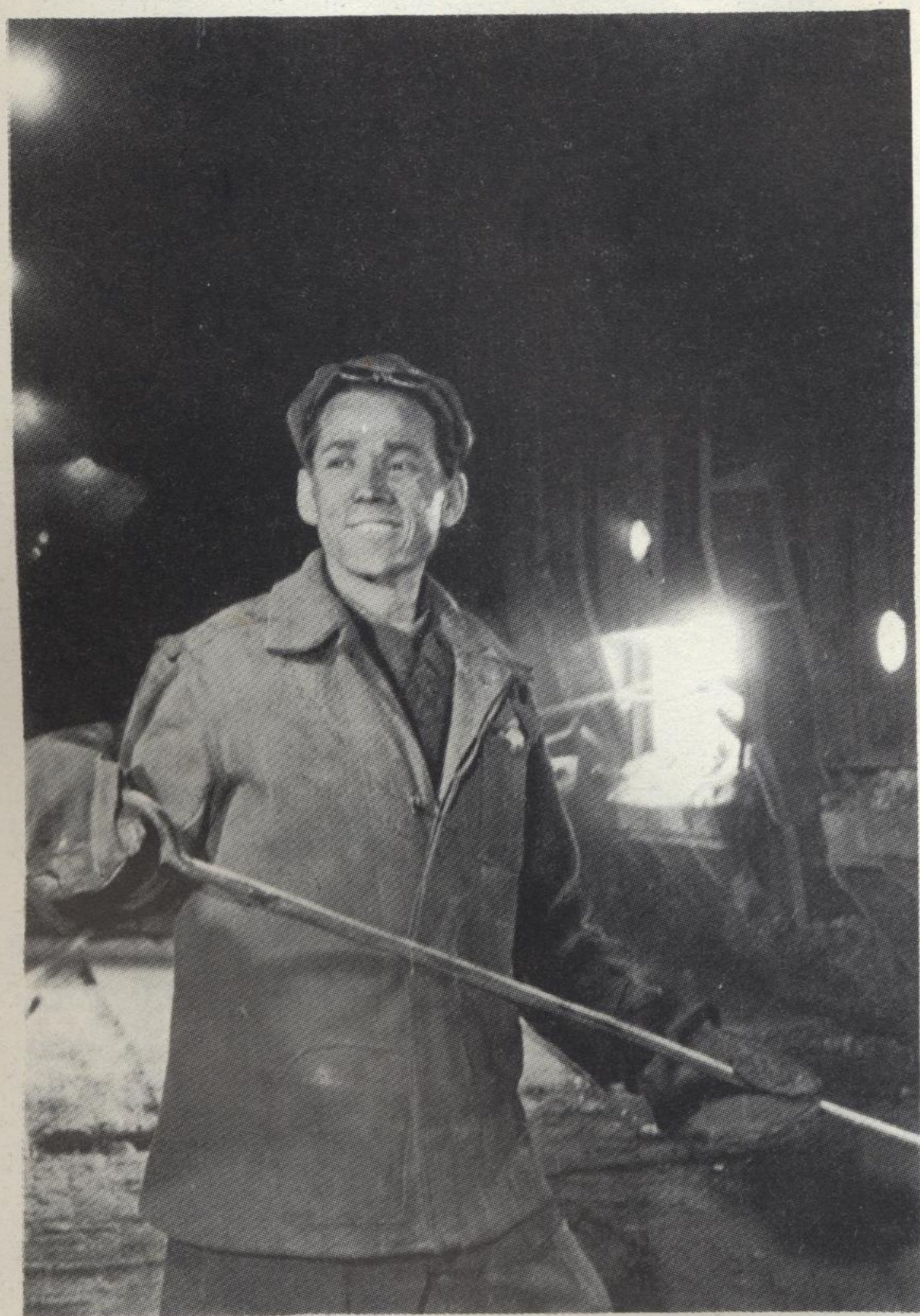
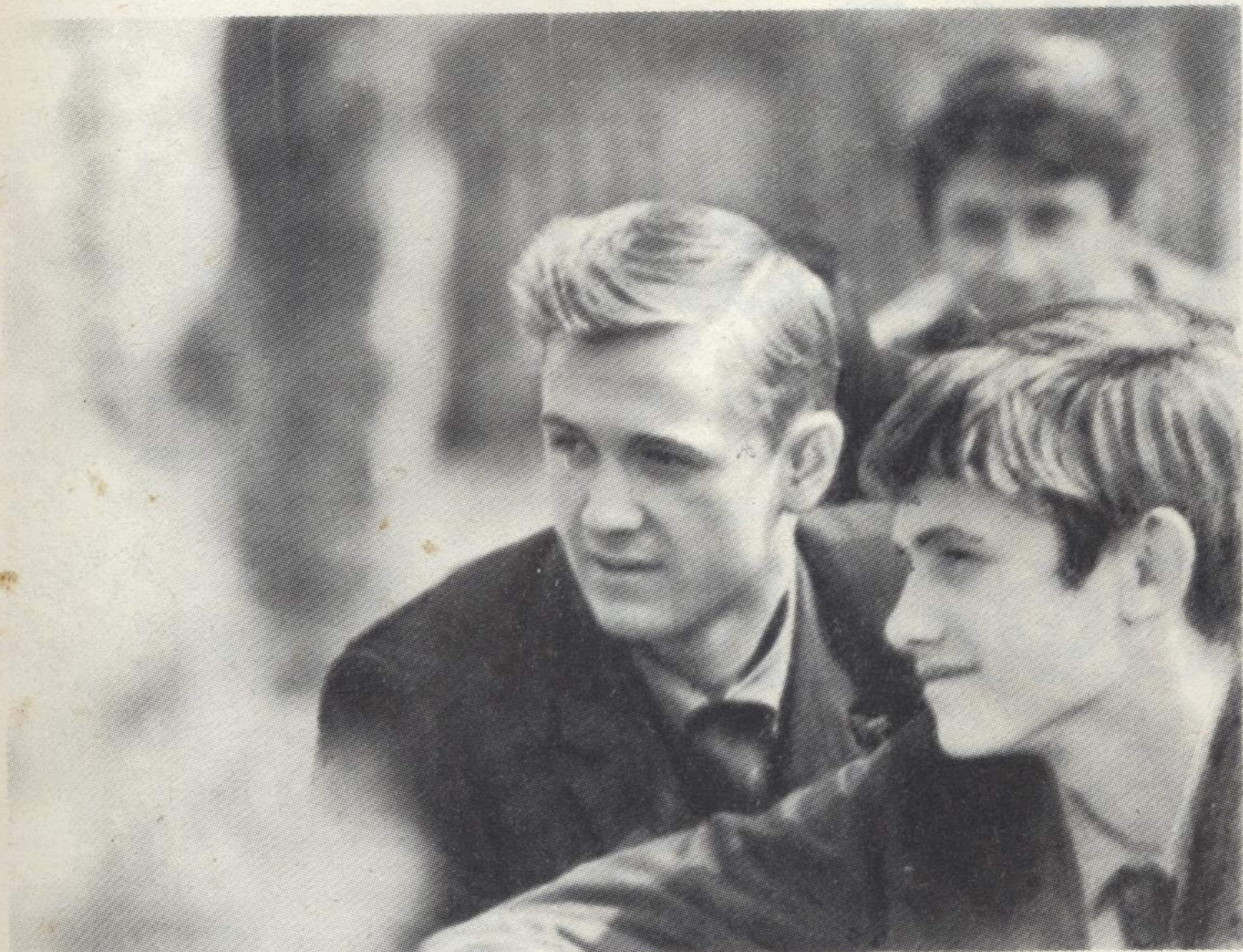
К юбилею Ленинского комсомола ребята сделали ему хороший подарок.

Фото А. ГЕРИНАСА и
Д. УХТОМСКОГО

БОЕЦ С СОБАКОЙ И АВТОМАТОМ.
НА ЕГО ФУРАЖКЕ ЗВЕЗДА,
А НА ГРУДИ, ПОД МАСКИРОВОЧНОЙ
НАКИДКОЙ, АЛЫЙ ЗНАЧОК КОМСОМОЛЬЦА.
ЗА СПИНОЙ МОЛОДОГО
СОЛДАТА ВСЯ НАША ОГРОМНАЯ ЗЕМЛЯ...
И ГДЕ-ТО НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ,
В МАЛЕНЬКОМ СЕЛЕ, ДЕВОЧКА-
КОМСОМОЛКА ЗАБОТЛИВО РАСТИТ
ВОТ ЭТИХ СМЕШНЫХ ТЕЛЯТ. А ЕЩЕ
ГДЕ-ТО (НЕ БУДЕМ УКАЗЫВАТЬ
НИ ИМЕН, НИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ, ПОТОМУ ЧТО НЕ В ЭТОМ
ДЕЛО), ТАК ВОТ ЕЩЕ ГДЕ-ТО
В ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ ШАГАЕТ ПО
УЛИЦЕ ГОРОДА РАДОСТНАЯ ШЕРЕНГА.
ОНИ — МОЛОДОСТЬ НАШЕГО НАРОДА,
ОНИ — КОМСОМОЛЬЦЫ.

ВОТ ДЕВУШКА ИЗ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. КЕМ ОНА СТАНЕТ? КЕМ БЫ ОНА НИ СТАЛА — БУДЕТ ОНА УМЕЛЫМ МАСТЕРОМ, ПОТОМУ ЧТО И ЕЕ КИТЕЛЬ УКРАШАЕТ ТОТ ЖЕ ЗНАЧОК.

ДРУГАЯ ДЕВУШКА, САМА ПОЧТИ ШКОЛЬНИЦА, ВОШЛА В КЛАСС. ОНА УЧИТЕЛЬНИЦА. И У НЕЕ ТОЖЕ ЗНАЧОК. К БРЕЗЕНТОВОЙ РОБЕ СТАЛЕВАРА НЕЛЕГКО ПРИКОЛОТЬ ЗНАЧОК, ОДНАКО ОН И ТУТ ОТСВЕЧИВАЕТ В ПЛАМЕНИ НОВОГО МЕТАЛЛА.

И ДЕВУШКА-УЧЕТЧИЦА, ШАГАЮЩАЯ ПО ЦЕХУ, ОНА КОМСОМОЛКА,

И НА ПРОМЫСЛОВЫХ СУДАХ, ИДУЩИХ МОРЯМИ И ОКЕАНАМИ, И НА САМОЛЕТАХ ШТОРМОВОЙ РАЗВЕДКИ, В ЛАБОРАТОРИЯХ НОВЕЙШИХ ИНСТИТУТОВ, В ШАХТАХ ПОД ЗЕМЛЕЙ, НА ГОРАХ, В ЛЕСАХ И ПОЛЯХ — ВСЮДУ ОНИ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ, ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ — КОМСОМОЛЬЦЫ.

КОМСОМОЛЬЦЫ — ЭТО ТЕ, КТО УМЕЕТ ЖИТЬ СМЕЛО, РАБОТАТЬ С АЗАРТОМ, ДУМАТЬ УМНО И ШИРОКО, А ГОВОРИТЬ ВСЕГДА ПРЯМО.

НЕМНОГОЕ МОЖЕТ ВЫХВАТИТЬ ОБЪЕКТИВ АППАРАТА ИЗ БЕСКРАЙНОСТИ НАШИХ ЗЕМЕЛЬ.

НО ДЕЛО НЕ В ЭТОМ.

ПРИВЕТ ТЕБЕ, КОМСОМОЛ, ДЕЛАМИ СВОИМИ УКРАШАЮЩИЙ НАШУ СТРАНУ. НАШ ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!

РАССКАЗ ВЕРХОЛАЗА ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА СУББОТИНА О ВНУТРЕННЕМ НАПРЯЖЕНИИ

Ю. КАЧАЕВ.

...Сам я коренной москвич, и строительство «Большой иглы» в Останкино было для меня, можно сказать, кровным делом. Шутка ли, смонтировать телебашню в полкилометра высотой — ведь это в своем роде чемпионка мира, и держится она без всяких боковых расчалок и подпорок, одним внутренним напряжением. Это как в стебле травы — земляные соки распирают волокна, волокна растягиваются, создают напряжение, вот растение и стоит прямо. Ну, а бетон башни вместо волокон весь прошит пучками стальных тросов, и натянуты они книзу гидравлическими домкратами.

Однако я ведь не о башне рассказать хотел, а о нашем бывшем бригадире. Звали его, как и меня, Иваном, а по фамилии Решетников. К нам на стройку он был командирован из Криворожья как опытный монтажник-доменщик. Поначалу в бригаде кое-кто обиделся, что этого Ивана сразу бригадиром назначили: дескать, у нас постарше люди есть, и они не лыком шиты. Зачем же мальчишку начальством поставили? Резон в таких разговорах, конечно, был, потому что новый бригадир до тридцатки года четыре тогда не дотягивал. Ребята промеж со-

бой поворчали-побурчали, да на том все и кончилось.

Иван, как оказалось, и взаправду дело свое знал туго. Мастер, одним словом. Одно только в нем не нравилось нам: больно уж осторожен в работе. Вот и стали о нем поговаривать, что не осторожен он, а скорее трусоват. Когда на высоте работаешь, то страховочный пояс мешает ужасно, ходишь с ним, как младенец на помочах. Ну и, бывает, отбросишь его к шутам, чтобы двигаться посвободнее было. Опять же, чего греха таить, работа-то у нас сдельная, деньги, они тоже не лишние. Да, а новый бригадир нас ограничил. Намертво. «Увижу, — говорит, — хоть раз кого без пояса, вылетит из бригады, как ракета. Мне ухарей не надо, ишь, какие дуэлянты со смертью выискались».

Ребята ему толкуют: а ты бы шел, Ваня, в вахтеры, там работенка не пыльная и вполне безопасная.

Иван на это промолчал, только глянул так, что мы поняли: шутки шутить он не станет, а за милую душу подведет под статью «злостное нарушение техники безопасности», вот тогда и кукуй.

Ну, живем помаленьку, до зимы дожили, метели начались. Тут работать потруднее стало. Если на земле, скажем, ветер десять метров в секунду, то у нас на вершине все двадцать. Да с морозцем. А что такое двадцать метров в секунду? Для примера могу сказать, что ветер в тридцать пять метров валит телеграфные столбы и крыши срывает. Не сахар, одним словом. Работаешь в наморднике, в самодельной маске то есть, а все равно дух захватывает и скулы костенеют. Промерзнешь, как дворняга, а внутри у тебя целая Антарктида. Ребята, конечно, после смены соберутся где-нибудь в кафе посидеть, зовут и Ивана. Почему, дескать, не погреться рабочему человеку рюмочкой, если заработок у него вполне на уровне. Иван в кафе идти не отказывался, только за столом сидит с нами, а пьет персональный чай.

«Вот так закавыка,— думаем,— мало, что трусоват Иван-то, он еще и жмот, скопидом, каких свет не видывал». Совсем мы к нему уважение потеряли. Общаемся только по делу, а так ни-ни. И вижу, загрустил парень. Оно и понятно: живет в общежитии, в Москве у него ни единой души. Жалко мне его стало. Однажды после смены подхожу к нему. «Пошли,— говорю,— тезка, ко мне в гости. Только не подумай, что я тебя как бригадира в гости зову. Приглашаю от сердца».

Дома моя хозяйка собрала живой рукой на стол (она у меня любит, когда гости). Дочка Маринка, ей пятый пошел, тут же вертится, а потом к Ивану на колени вскарабкалась и слезать не хочет. Я про себя думаю: «А ты, брат, Иван, не такой уж плохой человек, если к тебе детишки липнут. Они, как собаки, худого человека за версту обойдут, это у меня верная примета».

Спрашиваю Ивана: «Ты одинокий, небось?» Он засмеялся. «Как же,— говорит,— одинокий? Мать у меня, жена, сынишке — девять и дочка — твоей ровесница». Тут я, конечно, крепко удивился: когда это он детьми обзавестись успел, коли из комсомольского возраста не вышел?

Иван сначала не ответил, заговорил о другом.

«Знаю я,— говорит,— что ребята на меня косятся, трусом считают, а того не поймут, что дело не в моей трусости. Работа у нас не легкая, сам знаешь, и человека здесь беречь надо вдвое. У нас, как на фронте: тогда ты герой, когда и задание свое выполнишь и сам живой останешься. В этом, по-моему, храбрость и героизм. Зачем семьи сиротить из-за пустого бахвальства? Ну, а у меня лично и другие счеты с жизнью есть, долг особый перед людьми».

«Какой же это долг,— спрашиваю,— расскажи, если не секрет».

«Что ж,— это Иван говорит,— секрета нет никакого».

И рассказал он мне свою историю. Когда в Ташкенте землетрясение произошло, стали оттуда вывозить детишек. Жена у Ивана в Криворожском отделе народного образования работала. Вот и поручили ей ребятишек, которые без отца-матери остались, устраивать по детским домам.

Как-то Иван один раз зашел за женой на ее работу, в детский дом, что ли, а она еще не освободилась. Он сел и ждет. И откуда ни возьмись подходит к нему мальчик.

«Ты из Ташкента?» — спрашивает Иван.

«Из Ташкента».

«А как тебя зовут?»

«Шура.— И докладывает: — Нас,— говорит,— от смерти Босой спас».

«А кто этот Босой?»

«А это,— мальчуган говорит,— наша собака. Я чего-то в тот день рано проснулся. Маруся спала на тахте, а Босой как вбежит, схватил Марусю за рубашу и на улицу. Я подумал, он с ума сошел, и побежал за ним Марусю отнять. И тут земля как задрожит, как затрясется, и дома кругом стали трескаться».

Иван этот горький рассказ выслушал и спрашивает мальчишку:

«Значит, Босой вперед людей беду почуял? Сообразительный пес. Ну, а мамка твоя и батка не успели выскочить?»

«А они,— мальчик говорит,— в другой комнате были и не видели, как Босой Марусю утащил».

Тут у Ивана сердце как дверью защемило (это его слова). Он и говорит:

«А хочешь, Шура, я буду тебе баткой, а тетя Даша мамой?»

«Хочу».

На том и порешили.

Вот такую историю рассказал мне мой бригадир. «Да,— думаю я про самого себя,— дал ты, орясина, маху со своим скороспелым мнением о человеке. Даже судить его брался».

Помолчали мы с Иваном, потом я ему напоминаю:

«Ты давеча про долг говорил. Какой же это долг?»

«А долг,— отвечает,— прежде всего перед моей мамой. Она ведь мне не родная, после войны меня из детдома взяла. Так вот теперь и живем, по крови в нашей семье вроде бы все чужие, а на поверку выходит, что роднее людей поискать надо».

Я с Иваном согласился. А когда он ушел, мне подумалось, что вот таким и должен быть настоящий рабочий человек — с внутренним напряжением. Чтоб и самому стоять на земле прямо и для других быть опорой.

В МОРСКОМ ДОЗОРЕ

Б. ХОЛОПОВ

Фото автора.

Третий день в море гуляет ураган — тайфун Руфь, третий день наш пограничный катер отстает на якоре в тихой бухте. Не очень она, конечно, тихая, но все же здесь поспокойнее, чем в открытых водах. Жизнь на катере, а точнее сказать, на малом сторожевом корабле, в такие дни крутится своим привычным порядком. В кубрике — он для матросов и столовая, и спальня, и клуб — днем идут занятия, вечером стрекочет узкоплечный кинопроектор: в десятый раз смотрят матросы старые фильмы; на палубе и в машинном отделении все время что-то подкрашивают и ремонтируют;

на мостике днем и ночью стоит вахтенный, а за тонкой переборкой офицерской каюты, куда меня поместили, без усталости выводит трели телеграфный аппарат. Он журчит, как ручей, он успокаивает, усыпляет...

Рисунок Н. СТЕПАНОВА

Однако радисту и командиру корабля не спится от его колыбельных песен. Песни эти шифрованные радиogramмы. Глазастые лока-торы ощупывают морскую границу; стороже-вые корабли — такие же, как наш, и поболь-

ше — следят за ней, метеорологи держат ру-ку на пульсе погоды, и обо всем увиденном и услышанном рассказывают они базе погранич-ных кораблей, а база «держит в курсе» дозор-ных.

Наш катер сейчас, как пограничная собака в засаде: прострекочет телеграфный аппарат при-каз, и мы вырвемся из бухты ловить наруши-теля. Но что-то нет и нет приказа. Кто знает, может, и не будет. Тогда я и не увижу мор-ских пограничников в деле. А жаль: не так-то просто к ним было добираться!

Сначала я летел из Москвы до Сахалина.

Тихие бухты на далеких островах — родной дом для пограничных кораблей. Но стоит выйти из бухты, и катер вступает в неравную борьбу с океаном. Пусть беспокойно море, спокойными должны оставаться морские границы.

Семь тысяч километров, десять часов лету. Потом с Сахалина вылетел на другой остров, поменьше. Это уже сложнее, — туманы, как тяжелые, мокрые перины, укрывали острова, не давали нам приземлиться. С этого острова кораблем добирался я на базовый пограничный островок, и так вышло, что какой-то тайфун — метеорологи называли его то ли Клод, то ли Нелла — зацепил нас своим хвостом. Вот тогда-то море и устроило нам аттракцион, похожий на катание по американским горкам в парке. Только волны-горки были повыше, страшней, и длилось катание шесть часов. Не очень приятно вспоминать об этом.

И что же? Весь этот путь только ради того, чтобы походить по палубе катера — десять шагов туда, десять обратно, поесть макароны по-флотски с консервированным мясом, поболтать с командиром корабля старшим лейтенантом Эдуардом Артемовичем Ткаченко, или просто Артемычем, как зовут его товарищи. Эдуард невысокий, тоненький, румяный. Улыбка у него ласковая, застенчивая. На кителе — комсомольский значок. Выглядит он даже моложе своих подчиненных. И вот — Артемыч. Ну да ладно, раз друзья его так зовут, то и я не отстану, я ведь тоже с ним подружился.

— Артемыч, ну как, будет дело?

— Может, будет, а может, нет. Лучше бы не было, — хорошо, когда граница спокойная.

— Не любишь ты, видно, приключений, Артемыч?

— Не люблю. Я вот сына люблю, Аркашу, и шашлык люблю. Надоела тушенка до смерти.

— Я же серьезно, Артемыч.

— И я серьезно.

— Тогда, может, на берег меня высадите? Что же я тут с вами, неделю еще штормовать буду?

— Не имею права. Шлюпку разобьет, корреспондент утонет.

— Не любишь ты рисковать, Артемыч.

— Не люблю. Я сына люблю, Аркашу, и шашлык.

— Я же серьезно.

— И я серьезно.

Вот и поговори с ним. Лежу, пишу, скучаю. Морской дозор называется!..

На четвертый день, под утро, сквозь сон мне показалось, что на корабле что-то происходит. Будильник, похоже, долго звенел, протопали тяжелые ботинки, и... Что это? Запускают двигатели? Кое-как одевшись, я выскочил на мостик. В сумерках пробежали моряки в оранжевых спасательных жилетах, Артемыч горбился под брезентовым капюшоном штормовки. Якоря были выбраны, сизый едкий дым от дизелей стлался по палубе.

— Выходим в море? — крикнул я Артемычу: за гулом двигателей ничего не было слышно.

Он кивнул.

— Почему же меня не разбудили?

— Решили выйти из бухты, тогда и будить.

— Что-нибудь серьезное?

— Особенного ничего. Засекли шхуну у границы, и еще о цунами предупреждение. В море землетрясение шесть баллов.

Цунами, землетрясение, нарушитель — ничего особенного? Рисуетя Артемыч? Да, кажется, нет. Такой же, как всегда. Только не улыбается, не шутит, командует твердо, строго. И матросы тоже сразу изменились. Были добродушные, милые парни: Миниахмет Усманов из Татарии, застенчивый, молчаливый; Куклин, одессит, разговорчивый, насмешливый; Геннадий Никитин из Омска, задумчивый, вроде бы неловкий. А сейчас все собранные, напряженные, ловкие и спокойные. Интересно, боятся хоть немного? С виду непохоже. А ведь, наверное, им, как и мне, не по себе. С цунами шутки плохи. Я уже слышался на островах о цунами, знаю, что это такое.

От землетрясения в море вырастает волна высотой с десятиэтажный дом. Она как бы подбирает под себя воду, и море вдруг откатывается от берегов, обнажая плотно утрамбованный песок, покрытый местами толстыми жирными водорослями — ламинариями, морской капустой. Специальная цунамистанция уже оповестила жителей поселков — исходят воем черные тарелки сирен, расставленные по всему берегу. По лестницам — их так и зовут — цунамные — люди идут на вершины сопки. Четко, по заранее составленному плану, идет эвакуация учреждений.

С цунами шутить нельзя. Слизнет домики прибрежных поселков легче, чем собака горстку сахарного песка.

Суда, стоящие на рейде, снимаются с якорей и выходят в открытое море. В море цунами менее опасна. Менее, но все-таки опасна. И уж в такой-то момент, может быть, и не стоит ловить шхуну — нарушительницу границы.

Но стучат двигатели, белый бурун горбом стоит за катером, брызги расплющиваются о защитное стекло командирского мостика, сторожевой катер идет наперехват.

Сейчас каждый при деле. Сигнальщик с биноклем всматривается в даль, рулевой держит курс — впился глазами в покачивающуюся картушку компаса, штурман прокладывает курс, его помощник приткнулся к черной резиновой трубе локатора. Бегают по кругу экрана-индикатора кругового обзора зеленовато-желтая стрелка, развертка. Она очерчивает контуры берега, и то и дело вспыхивает в одном месте под лучом развертки точка — это и есть нарушитель.

Вот мы с мостика видим его уже и невооруженным глазом — черное пятно на светлой полосе горизонта. Кажется, нас заметили, уходят.

— Самый полный, — кричит в микрофон командир корабля, и еще выше вздымается бурун, еще круче корабль задирает нос. — Не уйдет!

Мы идем наперерез шхуне. Ткаченко вынимает ракетницу — выстрел. Красная ракета описывает крутую дугу — приказ остановиться. Шхуна останавливается.

Мы подходим ближе. Один из наших офицеров разговаривает со шкипером шхуны.

— Говорят, не заметили, как зашли. Извиняются.

— Похоже, шхуна неизвестная да и углубились ненамного. Предупреди их....

На шхуне слушают офицера, кланяются, благодарят.

— Скажи им, что цунами идет.

На шхуне еще ниже кланяются, еще раз благодарят и быстро уходят.

— Операция закончена, — говорит Ткаченко.

— А цунами?

— Будем ждать.

Он посмотрел на мою вытянувшуюся физиономию и засмеялся.

— Вот вы любите писать: пограничники, море, шпионы, ураганы, выстрелы. А главное — надо уметь ждать. Ждать и не распускаться. Быть готовым ко всему.

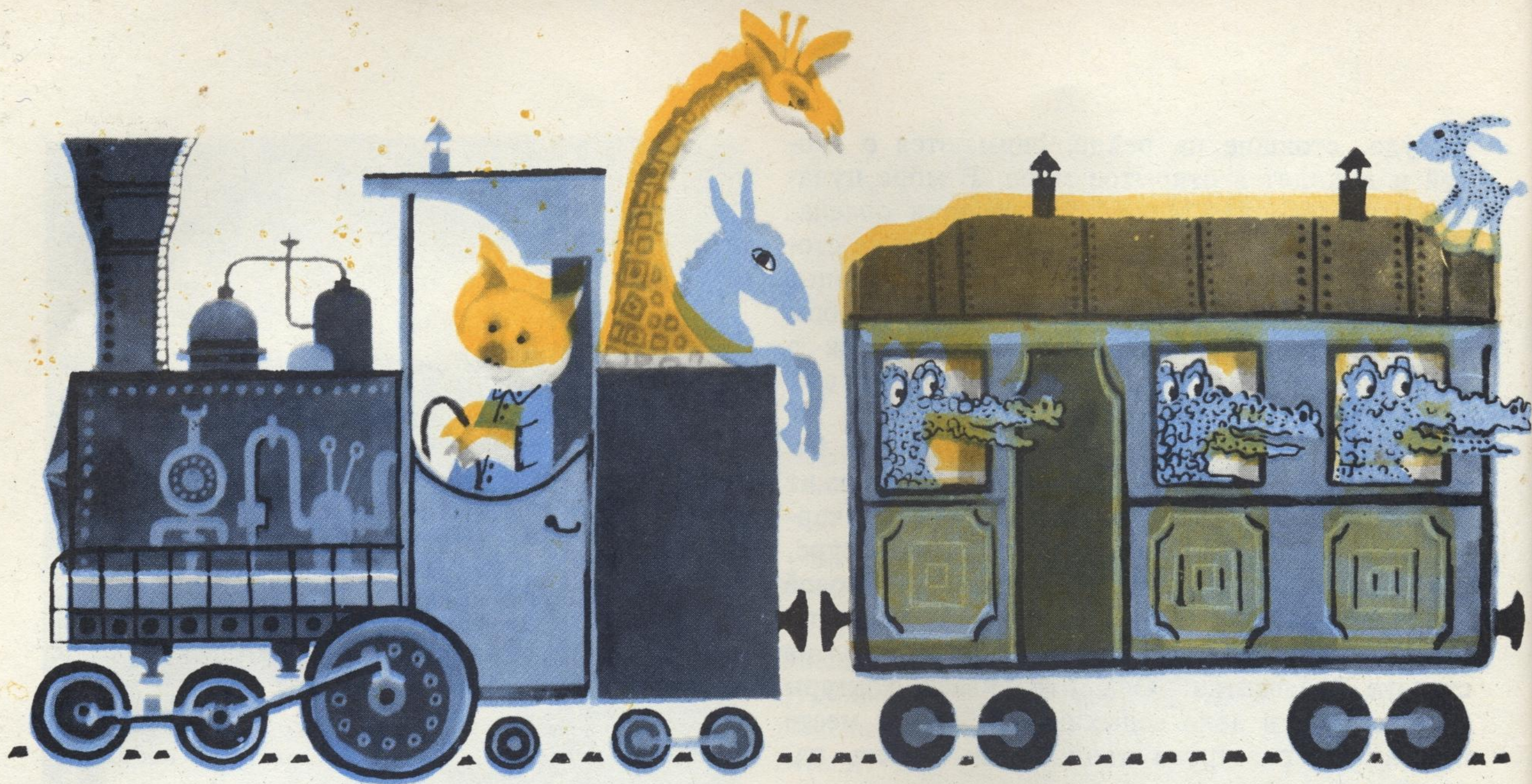
Через час пришло сообщение, что цунами прошла стороной, надвигается второй тайфун, и мы снова стали на якорь в той же бухте. И Артемыч был снова спокоен и ласков. Но я видел, как действовал он в минуту тревоги. Он был... очень надежным. И весь экипаж у него такой же — надежный. Командир — комсомолец, и его матросы — тоже комсомольцы. Лучшие в части по стрельбе, по специальным знаниям, по корабельному порядку, а главное, по готовности к бою. И хоть молод командир, уважают его. Потому и зовут его матросы между собой «батя», а товарищи — Артемыч.

Вот он, нарушитель — чужая шхуна в советских водах.

Командир корабля старший лейтенант Э. А. Ткаченко приказывает шхуне остановиться.

А Я ПРОДАЮ ИГРУШКИ...

С. ФЕДОРОВ

Рисунки И. ГАЛАНИНА

«Игрушки»? Это любопытно. Надо поглядеть. Вот это магазин! Он велик, даже огромен. Вот вход, вот табличка: «Перерыв на обед». Ладно, нам и не к спеху. Посмотрим витрины, вон они какие громадные — не окна, а просто ворота, и за каждым стеклом целая страна, свое отдельное государство — тут резиновое, там плюшевое, а вот еще заводной и механический мир. Машинки, зверюшки и человечки. Сабли, винтовки, брызгающие водой револьверы. Барабан. Вертолет.

Еще два-три шага, и в следующем окне действует большая и сложная железная дорога. Ныряют в туннель рельсы, и юркает по ним, как стайка мышей, электровозик с вагончиками. А поверху, по мосту мчит другой состав, третий встал у стрелки на станции. Тут одновременно могут играть человек двадцать ребят. Да я бы и сам, пожалуй, не прочь...

А в этой витрине... Но стекло ее занавешено куском холста, на холсте крупная надпись: «Оформление витрины». Значит, что-то совсем новенькое привезли и теперь расставляют по красивее. А вот и щелка!

Там, в узком помещении между двумя стеклянными стенами, ходит девушка в голубом халатике, ноги ее босы, а в руках у нее парусный корабль, он будет висеть в витрине на ниточках. Увидев его, застынет девочка и совсем остолбенеет мальчишка: еще бы — три мачты, паруса, два ряда пушечек по борту, как пуговицы на мундире. На полу, в ногах у девушки, и корабли, и лодки, и пароходы, и ледоколы — это будет, когда снимут холстину, замечательная морская витрина. Но перерыв, кажется,

окончился — вон так и забурлил народ перед дверьми, устремился внутрь. Пойду-ка и я!

Впрочем, народ? Тут народ несколько необычный, более чем наполовину он публика невзрослая, многие даже в коротких штанах, но все равно народ, иначе для кого же этот магазин и все эти девушки в голубых халатиках за прилавками?

— Зажмурь глаза и прислушайся! — так я сказал себе в магазине в первую же минуту. И так сделал. Получилось вот что: показалось мне, что попал я внутрь телефонного коммутатора, где перекрещиваются сотни разговорных нитей, и на миг я попал в серединку не менее чем десяти самых отчаянных разговоров.

Нет, разговор — это не то слово, тут, вокруг меня, просили, и умоляли, и уговаривали: «Ну, пожалуйста, ну, я очень прошу, купи, мамочка!» «Вон там, видишь? Нет, не эта, а вон та, с голубыми глазами, беленькая, вот эту хочу!»

Детские голоса звенели от восторга, пресекались, чувствуя отказ, шепотом упрашивали, и я понял, что надо поскорее открыть глаза, потому что слышать это было трудно. Нигде, кроме как тут, в этом магазине, битком набитом игрушками, я не слышал столько обещаний быть хорошим, послушным, исправиться завтра же, нет, даже сию же минуточку, только купи, купи, купи!

«Ты же мне обещала! Вот эту! Солдатики! Хочу!» — Это были, как правило, громкие возгласы, звонкие, полные страсти. А рядом звучали и едва слышные: «Спасибо». «А можно, я сейчас заведу и хоть немножечко пушу, пусть она поедет... Можно?»

«Нет, дома. В магазине играть нельзя. Потерпи. А что-нибудь сказать тете продавщице? Ну? Разве ты не знаешь?»

Молчание. Молчание среди неумолчного галма... Интересно посмотреть на этого мальчика, да и «жмурки» мне мои уже надоели. Я открываю глаза.

«Тетя продавщица», оказывается, та самая девушка, которую я видел внутри витрины, еще она нахмурилась, когда заметила, что кто-то подсматривает за ее занавешенной работой. Теперь она отгорожена прилавком, и потому я не могу видеть, все ли еще она босиком. Но это неважно. У нее в руках большой зеленый заводной танк. Перед ней стоит зачарованный мальчик, и нос его лежит на прилавке. А заводной танк уже работает, он тихо рычит, дергает башней, упрямо лезет на грудку коробок, а из дула его пушки вылетают короткие голубоватые искры...

— Ну, — нетерпеливо говорит мама этого мальчика, — мне уже некогда. Надо спешить. Сейчас тетя нам завернет твой танк, а ты ей скажешь что полагается... А то я отдам танк обратно!

Танк укладывают в коробку, заворачивают бумагой, обвязывают бечевкой, а он там все жужжит и ворочается, как живой, большой жук. Мальчик зачарованно прислушивается, и улыбается, и наконец сам без понуждений говорит:

— Спасибо. А у вас таких танков еще много?

— Много. Хочешь посмотреть, подлезь под прилавок сюда...

— А какие у вас значки? — спрашивает мальчик, смелея, пока его мама ушла платить в кассу, а он уже рядом с продавщицей по ту сторону прилавка, где можно руками потрогать сотни игрушек...

— Значки? Это значок нашего магазина, это комсомольский, знаешь? — Мальчик кивает головой: знаю. Третий значок оказывается значком молодежной бригады, девушка что-

то хочет еще сказать, но тут вставляет словцо какой-то заранее сердитый гражданин.

— Тоже мне торговцы, — говорит он ядовито, — детей за прилавки понапускали, покупателями не занимаются, одни разговоры...

— А мы не торговцы, — поворачивается к нему девушка. — Что вы хотите?

Оказывается, что дядьке этому никаких игрушек не надо, а нужна ему колбаса, и он сердится на то, что в таком большом магазине совсем нет никакой колбасы, а весь этот дом отдан одним только играм, игрушкам, развлечениям...

— Безобразие это! Понацепили значков, стоят, разговоры разговаривают, не хватает только, чтоб вы тут еще играли с детьми.

— А мы и играем, — отвечает продавщица и улыбается. — Почему же не поиграть? С нашими покупателями это только и нужно...

Но дядька машет рукой и, как всегда поступают невежи, уходит прочь среди разговора, который ему не понравился. Колбасу свою искать побежал. Пускай, такому все равно ничего не растолкуешь.

Мальчик с танком тоже ушел, его увела мама. А я стою, смотрю. У меня тут дело: меня попросили написать о том, что такое продавец-комсомолец. Журнал «Пионер», отмечая пятидесятилетие комсомола, придумал рассказать о нескольких сегодняшних комсомольцах. Где они работают, чему они учатся, о чем думают?

Что думает, скажем, эта вот девушка в голубом форменном халатике? Но сначала надо ей сказать, кто я, надо познакомиться...

Ее зовут Валей, она прожила на свете уже двадцать три года, окончила школу, потом торговое училище, и вот теперь она мне говорит:

— В «Игрушки» я случайно попала, да и вообще раньше к продавцам относилась примерно как тот тип, вот тот, что при вас ругался... Иногда к нам приходят ребята постарше, лет двенадцати, даже тринадцати, одни, без родителей, ну, и, разумеется, без денег. Стоят,

смотрят, в глазах и восхищение и тоска. Так мы с нашими девочками договорились, все так делаем, не одна я: даем им и в руках поддержать и завести разрешаем — пусть играют... Даже самой от этого приятно, когда можешь кому-то что-то разрешить в то время, когда он от тебя ждет запрета.

— А если сломают? — спрашиваю я.

Валя хмурится, отвечает неохотно, что такого еще случая не было, что надо, конечно, присматривать... Словом, она считает так:

— Ну, мало ли что бывает? Всего заранее не учтешь, а прогонять ребят жалко. Вон, загляните в рыболовный отдел, там двадцать человек удочки пробуют, а купит один или двое... Что ж, гнать остальных, не давать им удочек? Мы же ведь игрушечный магазин, игрушки у нас, значит, и нам надо играть с ребятами.

— А не таскают? — спрашиваю я, и Валя уже начинает сердиться, зачем-де я все такими вещами интересуюсь: ломают, воруют? И отвечает мне, не скрывая досады:

— Все может быть. Даже могу сказать, позавчера был случай: девочка одна понесла куклу к выходу... Я увидела, и до того мне ее жалко стало, что мелькнуло даже в голове: «Лучше бы уж я и не увидела ее!» Но раз вижу, надо что-то делать. Я — за ней. Обогнала ее, иду навстречу. Она по халату поняла, что я продавец, растерялась, встала и стоит, ждет, чтобы я к ней подошла, чтобы за руку ее, чтобы в детскую комнату, родителям на работу письмо, в школу письмо... Знаете же, как это бывает? Так и трясется вся. А с другой стороны: раз утатила, как вы говорите, значит, так спускать, делать вид, что ничего не было, тоже не годится... Как быть, думаю?

Я ей сказала: «Знаешь что, идем со мной... Не бойся! Я тебе ничего плохого не сделаю». Повела ее к кассе, сама при ней уплатила из своих, хорошо еще, что были в кармане. Даю ей чек. «Иди, — говорю, — отнеси в кукольный отдел!» У меня-то, видели, танки, автомобили — все для мальчишек, девочки редко подходят.

— А что же, Валя, дальше было с этой девочкой?

— Я отошла в сторонку, смотрю из-за колонны, как она пошла мой чек отдавать. Так шла, что видно было колеблется: то ли так ей поступить, то ли этак... Все-таки чек отдала, куклу ей завернули, и она со свертком под мышкой из магазина нашего, ну, бегом, так это не то слово, — пулей!

— И все? Этим дело кончилось? — спросил я.

— Нет, не все. Вчера она мне семьдесят шесть копеек принесла, а кукла рубль сорок восемь стоит. Я ей прямо сказала, если это она без спросу деньги взяла, то они мне не нужны и пусть она несет домой и положит на место. Честное слово дала, что ее, что копила. Чуть я с ней сама не заплакала...

— Так вам, Валя, надо быть учителем или воспитателем!

— А зачем? Мне и мое дело нравится. Я вот хочу зимой на курсы пойти по повышению квалификации. Видели, я в витрине стояла?

— Видел. Босиком...

— А там чисто, я там сначала пол мыла. Не думала, что кто-то подглядывать будет... Вы вот не знаете, а для украшения витрины приглашают художника. А мне хочется самой научиться так украшать витрину, чтобы от нее было ребятам не оторваться... Мне и сейчас уже разрешают, без курсов...

— А с железной дорогой ваша витрина?

— Нет, это художник делал, я ему только помогала... И, знаете, я ведь сначала... Я ведь в институт хотела! Думала, что если без высшего образования остаться, так это позорно... На экзаменах провалилась. Два раза. Учиться стала на продавца, думала — хоть селедкой, хоть квашеной капустой, мне все равно. А когда в эти «Игрушки» пришла, так их чуть ли не ненавидела. В детстве у меня ни одной куклы не было. Мы с мамой жили вдвоем, ну, и на кукол у нее денег не было. А тут столько игрушек, что мне за себя, за маленькую, чуть не до слез было обидно, да уж поздно играть...

— А потом?

— А потом, вот сами видите, вон их сколько, моих клиентов!

В самом деле, пока мы разговаривали, у прилавка Валиного отдела завинтился маленький водоворот и лежали уже на гладкой доске прилавка пять или шесть сопящих носов, десятки маленьких проворных рук теребили, вертели, трогали танки и машины, желтый из пластмассы лук с красными стрелами в синем колчане. У каждой стрелы на конце резиновая присоска. Заманчивая штука, мне бы самому такую! Не теперь правда, а лет двадцать тому назад, я был бы некоторое время самым счастливым в нашем дворе!

Впрочем, уходя из магазина, этот лук с колчаном я все-таки купил себе, не удержался, а когда попозже были у меня в гостях знакомые с мальчиком, он этот лук увидел, попросил поиграть...

Скажу сразу, чтобы не затягивать истории, я ему лук подарил, когда они уходили, и, отдавая игрушку из рук в руки, вдруг понял, что это я сейчас самым форменным образом подражаю той Вале-продавщице, я так же улыбаюсь, так же ничего не говорю, не требую никакой благодарности. Довольно и той радости, какой украшена была физиономия этого мальчишки. Мне даже захотелось облечься в голубой халатик и в голубую (забыл об этом сказать) пилоточку, нацепить на грудь значки: и магазинный, и комсомольский, и их бригадный.

Наконец можно было бы сказать: она хороший человек, эта Валя. И она бы на это обязательно ответила: у нас все девочки думают, как я, так что одну меня хвалить не за что... И это правда, я нарочно смотрел: такие ли они? Такие, я сам видел. Но с Валею я разговаривал больше, чем с другими, поэтому и рассказать решил о ней одной.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕВЫ ЕРМОЛАЕВА

В. АКСЕНОВ

Один из самых знаменитых врачей нашей планеты, доктор Гулливер, прожил довольно увлекательную жизнь. «Сначала хирург, а потом капитан нескольких кораблей», он, как известно, посетил страну Лилипутию, страны Бродбдингг, Лапуту, Бальнибарби, Лаггнegg, Глаббдобдриб, Японию, а также страну Гуинггмгов, где и насмотрелся разных разностей. Натура это была, безусловно, увлекающаяся, порывистая, иначе он не плавал бы по разным морям, а сидел бы спокойно в своем Ноттингемпшире.

Молодой ленинградский комсомолец Лева Ермолаев начал свое жизненное путешествие таким образом. Одолжив у своих родителей тридцать копеек старыми деньгами, он вышел из отчего дома (угол Гесляровского и Большой Зелениной), погрузился в трамвай № 18, проехал вдоль берега романтической речки Карповки и сдал свои документы (аттестат зрелости с одной тройкой и прочее) в приемную комиссию Первого Ленинградского медицинского института имени Ивана Петровича Павлова. С этого дня началось плавание Левы по таинственным островам медицинской науки.

Что-то было общее в характерах Лемюэля Гулливера и Левы Ермолаева, и это общее можно, пожалуй, назвать одним словом — неустойчивость. В самом деле, почему бы Лемюэлю не успокоиться на Лилипутии и не засесть за мемуары среди холмов зеленого Альбиона? Нет, понесла его нелегкая еще и в Лапуту. В самом деле, почему бы Лева не успокоиться на патофизиологии или биохимии? Нет, он вступил во все студенческие научные кружки и с невероятным увлечением, с захлебом начал заниматься терапией, хирургией, эндокринологией, психиатрией и так далее. В спорте наш Лева тоже не знал покоя: будучи бессменным членом институтской команды гребцов, он, кроме того, играл в баскетбол, поднимал и опускал тяжести, боксировал, плавал, выворачивал руки своим товарищам в борьбе дзюдо.

Искусство тоже не прошло мимо Левы. Балетная студия, изокружок, литературное объединение «Винтовая лестница», джаз-оркестр... А кто был первым запевалой института?

Злые языки поговаривали, что его видели да-

же на таинственных собраниях кружка кройки и шитья.

Шутки шутками, но Лева действительно все шесть институтских лет неся по гребням неслыханного стобалльного шторма, и имя этому шторму — юность.

Однажды, в один из вечеров накануне распределения молодых врачей, я встретил Леву на площади Льва Толстого и был поражен его необычным видом. Он стоял, засунув руки в карманы плаща, под балконом венецианского здания и смотрел задумчиво в предзакатное небо, в котором чиркали стрижи. В глазах его плыли отражения разноцветных тучек, похожих на парусные корабли.

— Эх,— пробормотал Лева,— как жаль, что у нас только одна жизнь!

Прошло несколько лет. Иногда из самых неожиданных мест до меня доходили разные сведения о моем удивительном товарище. То он оказывался на дрейфующей льдине, то в глухом сибирском селе, то шлялся с геологами по пустыне, то появлялся в столичном научно-исследовательском институте с «невероятными, ошеломляющими» открытиями.

Вскоре Лева пошел прямо по стопам доктора Лемюэля Гулливера. Он поступил врачом на маленькую парусно-моторную шхуну. Судно это было необычное: оно занималось изучением земного магнетизма, оно было деревянным, и никаких стальных предметов, кроме Левиных хирургических инструментов и ножей на камбузе, здесь не было, даже машина была сделана из меди и латуни.

Еле сдерживая гудящий в груди восторг, Лева прошел по шаткому трапу на борт, представился капитану и научному руководителю, сунул в зубы трубочку бывалого морского волка.

— Вот ваша каюта, доктор,— сказали ему.

Лева спустился по крутому трапу прямо на свою койку. Каюта была величиной с небольшой бельевой шкаф. Бедные Левины длинные ноги! Здесь предстояло ему провести восемнадцать месяцев.

За восемнадцать месяцев плавания немагнитная шхуна с Левой Ермолаевым на борту посетила Данию, Англию, Францию, Канаду, США, Испанию, Италию, Египет, Иран, Сейшельские острова, Южную Африку, Австралию, Соломоновы острова, Гавайи, Фиджи, Таити, Туамоту, Чили, Аргентину, Бразилию... Список стран можно было бы продолжить.

Видел Лева и огромные города, контуры которых на закате напоминают горные хребты, и сонные маленькие атоллы, видел бой быков и футбольную команду «Сантос», сошелся на короткой ноге со знаменитым Пеле, с ловцами жемчуга и истребителями акул.

Стоянки были не очень продолжительными, все же основное время под утлым суденышком дышал бездонный океан, могучий, тайный, в котором может бесследно исчезнуть даже ультрасовременная атомная подводная лодка.

Тоска по Родине — неизбежный спутник моряка, его обычное состояние. Все члены экипа-

жа маленького деревянного судна тосковали по Родине, и Лева Ермолаев тосковал вместе со всеми, но, кроме этого, жила в нем и еще одна большая тоска. Это была тоска по медицине.

Увы, все моряки и ученые на шхуне были абсолютно здоровы. Лева ходил по пятам за боцманом Шпундке, за мотористом Аркановым, за физиком Елизаветой Вовк...

— На что жалуетесь, товарищи? Что-то мне не нравится цвет вашего лица.

— Ни на что не жалуюсь. Оставьте в покое мое лицо,— отвечали ему.

Лева мрачнел, худел, вздыхал, наизусть выучивал толстенные медицинские книги.

Однажды в Южной Атлантике, в нескольких сотнях миль от Фолклендских островов, Лева почувствовал небольшую боль в правой подвздошной области живота. Сердце его пронзила острая радость: аппендицит!

Штормило. Лева приладил зеркало, приготовил инструменты, обработал руки и в рекордно короткий срок мастерски удалил себе червеобразный отросток. Сообщение об этой уникальной операции облетело все телеграфные агентства мира.

Прошел еще год. В час «пик» в суматохе на площади Маяковского я увидел Леву. Он солидно шествовал в толпе, держа в руке тяжелый желтый портфель.

— Здравствуй, Лева,— сказал я ему.— Что ты делаешь в Москве?

— Я работаю в...

Он назвал один из самых известных научно-исследовательских институтов.

— Значит, бросил якорь? — сказал я с еле скрытым огорчением. Мне стало печально от того, что этот неумейный фантазер и бродяга остепенился, забыл о своем молодом безумии и поисках.

«Такова жизнь», — подумал я.

— Дудки! — воскликнул Лева, и в глазах его зажглись знакомые мне со студенческих лет огоньки. — Теперь-то я нашел свой океан! Мы занимаемся проблемами генетики, мы исследуем клетки на молекулярном уровне, вторгаемся в микроструктуру... изменение наследственности...

Оказывается, в Экваториальной Африке он видел больных хореей, или, как ее еще называют, «пляской святого Витта». Механизм этой передающейся по наследству болезни непонятен, лечению она не поддается. А сколько еще в мире непонятных болезней, странных, не объяснимых пока реакций организма!

В зоне пассатов, лежа на баке и глядя вверх на шевелящиеся мохнатые звезды, Лева думал:

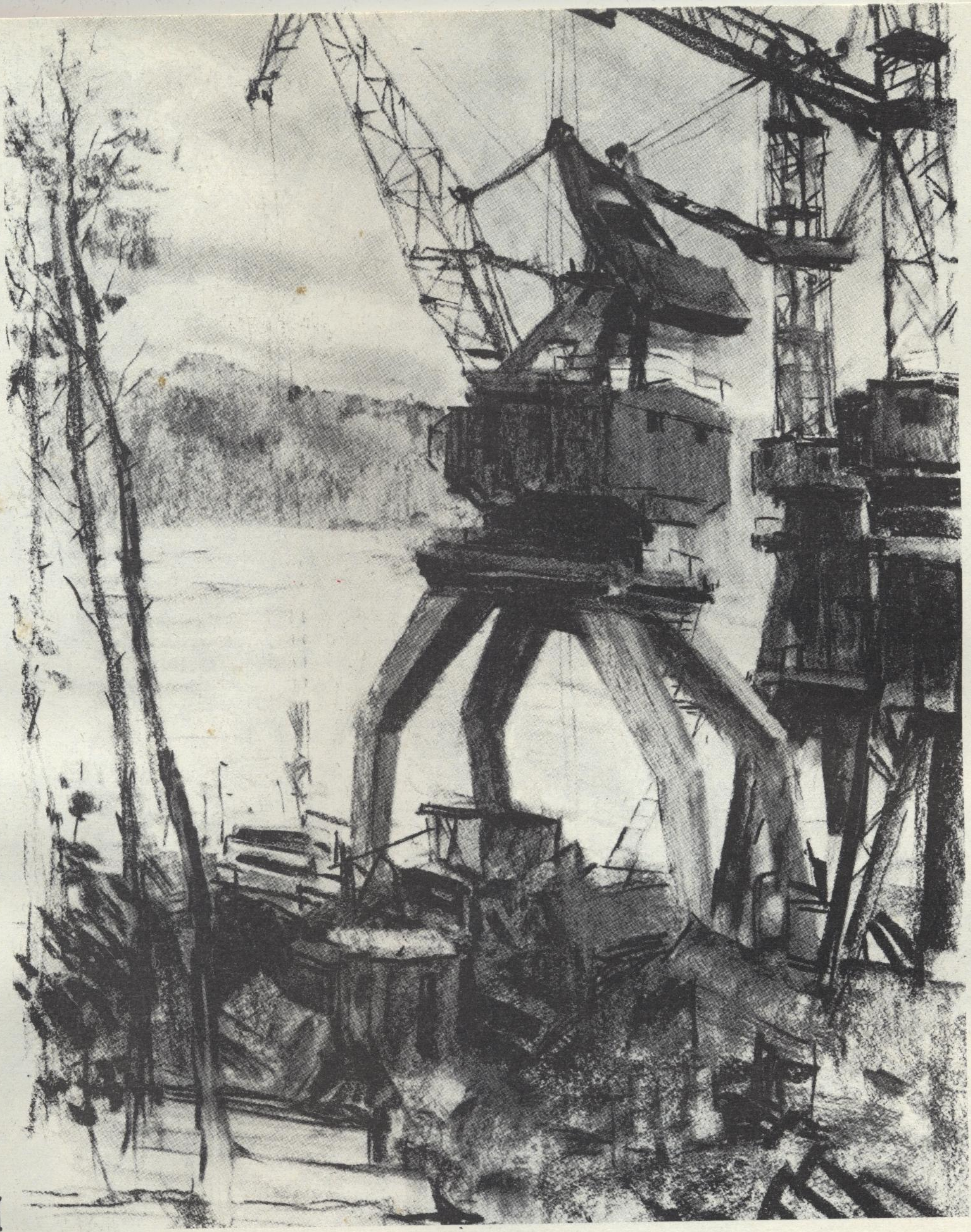
«В изучении человеческого организма люди дошли пока только до геркулесовых столбов. Впереди безбрежный океан, неведомые страны, впереди, может быть, первые старты в космос. Впереди острова и планеты, не менее загадочные, чем Лапуты, Бальнибарби, Глаббдобдриб... Впереди путешествие длиною в жизнь».

ЛЕТО НАШИХ ОТКРЫТИЙ

Владимир Селиванов. Плоты на Ангаре.

Игорь Битман. Усть-Илимский причал.

ЗАБРОШЕННЫЙ КОЛОДЕЦ

РАССКАЗ

Э. КОРПАЧЕВ

Рисунки Ю. ВЕЧЕРСКОГО

1

Раз, и другой, и снова проскакала на маленькой гнедой лошади девчонка в жестких техасских брючках, и когда она так мелькала перед Севой в этих табачных брючках и с отлетающими назад волосами, похожими на холку гнедой лошади, когда взрывалась глубокая пыль под копытами лошади, Сева откидывался спиной, пошатывая при этом изгородь, рассеянно взглядывал на дружка своего Лешку и ощущал в себе какое-то странное смятение.

Нет, не пугался он скачущих коней и сам

любил перехватывать их за уздцы на бегу, чтобы пахнуло в лицо горячим ветром от ржущей морды, чтобы увидеть так близко сливовый глаз скакуна, но эта припавшая к шее лошади девчонка словно бы примчалась из какой-то неведомой и заманчивой жизни, из потрясающе большого города, — и все вот так, на лошади, верхом. И едва она, ласково что-то приговаривая, завела лошадь во двор бригадира Стаха, как вспомнил Сева, что и вправду она из города и что зовут ее Кирой, что приехала она в деревню, где все так просто, обычно, где нет ни троллейбусов, ни стеклянных витрин, ни многогнездых домов,

а лишь кони, да телята, да этот головастый пятнистый бычок, которого рассматривают они с Лешкой и который так смело бодает, будто подсаживает на свою комолую голову...

Странная у людей тяга к поездкам и путешествиям, к перемене мест! Кому в деревню скорей бы, а ему, Севе, в город, в шум, в ералаш, где знай не зевай, не очень-то глазей по балконам, на которых бережно выращивают травку. Вот лишь представил он грандиозный город с застекленными гнездами для людей, с горками свежего, дымящегося и черного, как мак, асфальта на потресканном уличном поле, лишь представил себя в этом городе и дружка своего Лешку, толстого, туго соображающего и словно бы внимающего всему приоткрытым пухлым ртом, как явилась тотчас же из бригадирского подворья незнакомая горожанка, лихая наездница, почти марсианка, потому что из другой, из далекой жизни она...

— Вот так и живете? — спросила Кира, поглядывая на них снисходительно, уткнув кулачки в передние нашивные карманы те-

хасских брючек. — Подпираете изгородь? Ловите мух? Ну и скука мне с вами!

При этих словах смущенно переглянулся Сева с Лешкой, вовсе не удивляясь ее смелому тону, вопросам ее, а как бы чувствуя за ней правоту, потому что и вправду они с Лешкой живут как-то сонно, а горожанка, наездница, марсианка эта, сразу же, едва оказалась в деревне, ловко вскочила на лошадь и побывала на большаке, в полях, и у ручья, и у леса, и на все она глядит свежо и восхищенно, будто ей некогда, будто ей дальше с рассветом скакать, скакать, скакать, будто уже не первый день она скачет, скачет, скачет...

— Ну что у вас новенького? — допытывалась Кира, не вынимая рук из карманов и расхаживая. — Хоть бы придумали какую-нибудь штуку...

И тогда Лешка, совершенно сбитый с панталыку ее прекрасным появлением, ее смелыми повадками, непринужденностью, промямлил, запинаясь:

— А у нас это... бычок есть.

Стыдно было Севе за приятеля, за его дурацкое напоминание про бычка, как будто интересно слушать горожанке, повидавшей многое, про бычка, но вот горожанка восхищенно глянула на бычка, потом на Лешку и улыбнулась, просияла, руки вынула из карманов и потеряла их одна о другую.

— Снимай-ка свою красную майку! — приказала она Лешке. — Сейчас мы корриду устроим!

И Лешка охотно стал раздеваться, а Кира ему помогала, и потом Сева уже с улыбкой наблюдал, как стала Кира этой красной майкой, словно мулетой, взмахивать перед мордой туповатого пятнистого бычка. А бычку что, он и без того прет на человека, упрямо пошел он и на красный мелькающий цвет, а цвет ускользал от него в другую сторону, и бычок опять упрямо целился головой на красное — и было это все так здорово!

Жизнь устроена удивительно, и еще день назад не знал Сева о Кире, а теперь с восторгом глядел на нее, как она ловко дурачит бычка, и казалась ему горожанка в техасских брючках необыкновенной, отчаянной девчонкой, и он изумленно представлял ее на лошади, с развевающимися короткими волосами, напоминающими холку, и думал, что совсем по-иному, скучновато было бы здесь без Кире, хоть об этом не могла прийти мысль еще вчера, — вот как удивительно устроена наша жизнь.

Ему самому захотелось поиграть с бычком в корриду, повзмахивать мулетой захотелось, на волосок от смерти захотелось быть, и он шагнул в нетерпении к Кире. Лешка тоже шагнул, а Кира, наверное, почувствовала их нетерпение и, раздумываясь, с блистающими глазами, уступила им мулету, уступила суровую работу испанских мужчин.

Наверное, оттуда, с бригадирского двора, куда она ушла как-то сразу, вмиг, она еще долго наблюдала за ними, как дразнят они бычка красным цветом, как настойчиво говорят друг дружке: «Леша, дай-ка я», «Сева, стой, хватит, я теперь», — как сердится пятнистый бычок, поддевая воздух, — все это, наверное, видела Кира, потому что оттуда, из-за ивового зеленого живого плетня долетел ее требовательный голос:

— Живее, смелее, тореадоры! Каждый из вас может прославиться в Севилье...

2

Для Севы стронулась с места привычная жизнь и вообще что-то устойчивое в этом мире нарушилось, и он, просыпаясь, думал уже не о том, что в лес пора, пока не обобрали бабы всю землянику, а про горожанку Кире думал, и старался уловить отчетливый топот копыт маленькой гнедой лошади, и улавливал этот спешный топот, выбегал на улицу, на которой уже не было лошади, а лишь поднявшаяся пыль. И пока распадалась

эта пыль, Сева все посматривал по деревне, завидуя себе, что вот услышал он мимолетный топот.

Но напрасно он так завидовал себе, потому что и вечером появлялась на улице наездница. Как быстро мчалась она на неутомимой лошади, как взмыкивали коровы, кропившие запыленный подорожник лишним молоком, как давилась лаем катившаяся сбоку собака, как поворачивал морду на дорогу пятнистый бычок, уже совсем готовый для корриды! А Севу знобило от нетерпения, что вот сейчас появится независимая Кира, что ей покажут обученного на испанский манер бычка, и ей понравится все, и она, должно быть, воскликнет, засмеется... Хорошо было знать, что вот сейчас, в сумерки, послышится долгожданный топот.

И вот в сумерки, когда Сева с Лешкой подпирала изгородь, надразнившись с бычком, проскакала горожанка в техасских брючках, осадилась лошадь на бригадирском подворье и тут же выбежала к ним, обиженно как-то приговаривая:

— Да отстаньте от этого тупого бычка! Не надоело вам? Вот я вам такой клад покажу!

И первая шагнула по темной улице, не оглядываясь, точно зная, что за нею пойдут они с Лешкой хоть куда, и Сева действительно готов был идти за нею хоть в огонь, хоть в подземелье, и он шел, замирал, вздрагивал от покойных голосов сидевших на завалинках дядек и баб, ждал приключения, и открывшаяся с околицы чернота леса показалась ему чужой, неведомой стороной.

Безмолвно шли они к лесу, деревня точно бы провалилась под землю, потому что летом не любят зажигать в деревнях электрический свет, и все темно было позади, все мрачно было впереди, лишь тосковали — уже не понять где — голоса, поющие в отдалении.

В неузнаваемом ночном лесу сладко пахло земляникой, и было бы страшно идти в чащу, в потемки, если бы не Кира, которая вела их куда-то вглубь, и Сева понимал, что вовсе не клад открыла Кира, и все-таки заманчиво было идти, оглядываться во тьму, таить дыхание, как будто и на самом деле идешь на поиски клада.

И вот засветилось самоцветно то, что не было кладом, но можно было вообразить драгоценностями и эти горевшие холодным люминесцентным жаром светлячки — древесные гнилушки, лежащие грудой. Кира взяла несколько бледных гнилушек и стала подбрасывать в ладони, Сева тоже взял, а Лешка принялся набивать ими карманы. Ладонь у Кире слегка озарялась гнилушками, а все же Сева представлял себе таинственную находку, когда он видел на узкой ладони Кире светлячки, и все было таинственным, фантастическим: их появление в лесу, их тихий счастливый говор, этот клад и то, что исчезла деревня, словно провалилась, едва покинули они ее.

— Глядите! — торжественно шепнула Кира и вставила в зубы светлячок, отчего засветились фосфорно, зловеще ее зубы.

Тогда и Сева и Лешка сделали то же. У Лешки получалось особенно здорово, потому что у него, как у Кощея, недоставало нескольких зубов. И вот трое разбойников двинулись из леса, и так идти им было жутко и хорошо — Сева чувствовал это.

Никуда не провалилась деревня, обозначалась темными избами. А может, совсем другая деревня это была, если уж начались в эту ночь странные превращения, и Сева, ощущая на зубах пресную древесную щепочку, неугасимую, светящуюся, воображал, как напугается кто-нибудь встречный, как заорет, бежать пустится: «Караул, нечистая сила!»

И надо же, что он почти столкнулся с Мишкой Босым, этим вредным Мишкой, прозванным Босым за то, что любил он даже поздней осенью ходить из школы босиком, связав башмаки за шнурки и перекинув их через плечо, и вот теперь Босой, не узнавая Севу, так покорно и робко спросил: «А? А?» И вдруг с воплем перескочил изгородь и загрохотал кулаками в двери чужой, первой попавшейся избы.

— Сгинь, пропади! — крикнула ему вслед Кира, и светлячок выпрыгнул у нее изо рта.

3

Отошла земляника, загорелась ягода малина по берегам речки, в которой воды по колено, и Сева с Лешкой и Кирой лазили в зарослях, обирая конфетно пахнущую ягоду, иногда срывались в воду, тут же кто-нибудь бросался спасать приятеля. Кира кричала: «Эй, морские и океанские суда! Спасите наши души!» А потом сушили одежду на кустах и сидели на берегу, как потерпевшие бедствие, а потом снова лезли по ягоду, и на смуглой, коричневой коже оставались царапины от колючек малинника.

— Куда вы только смотрите? — с упреком сказала однажды Кира, когда примчались они втроем на речку, запыхавшиеся, точно марафонцы. — Думаете, на ваше детство воды в речке хватит, а там хоть полное обмеление?

Сева улыбнулся, уже предчувствуя какую-то новую затею, он уже научился предугадывать Кирины выдумки, когда слышал рассерженный голос ее, и вот, пряча улыбку, смотрел на ее лицо, на отросшую гривку волос, на упругое тельце ее в голубом купальнике и готов был, как обычно, пойти хоть в огонь, хоть в воду, если так повелит Кира, тем более что вода здесь мелкая.

— Давайте строить запруду. Уровень воды вдвое повысится, обещаю. Вот на почин. — И она стряхнула с ног драные тапки, вмиг связала их шнурком и кинула на самую середину бедной, мелководной речки.

Лешка потрясенно взглянул на Севу, а Сева, хоть это и показалось ему смешным, все же высоко оценил Кирину щедрость и тут же бросился на поиски камней, каких-нибудь валежин, и очень хотелось ему отличиться, чтобы Кира благодарно посмотрела своими зеленоватыми глазами, чтобы тряхнула гривкой, улыбнулась, что-нибудь знакомое произнесла: «Ты самый выдающийся матрос на моем судне. Да, Сева». Очень ему хотелось, чтобы замечала Кира его, обращала на него внимание и чтобы потом, когда уедет в свой грандиозный город, когда ей однажды надоест класс, развязные мальчишки и тщеславные девчонки, чтобы потом она вдруг вспомнила их с Лешкой, маленькую гнедую лошадь, маленькую воробьиную речку и как строили запруду, загорали, как было жарко и хорошо...

И он бросился на поиски камней, каких-нибудь валежин, но тут же решил, что сначала надо гатить речку, вбивать колья, и он так и делал, вгонял в податливое дно столбики и колья, а Кира с Лешкой подносили камни и разный древесный лом. Все это Сева крепил поперек речки, вырастала крепостная стена, вода катила поверху подросшие воды свои, но Сева грудью встречал напор воды. Да, уже по грудь была ему речка, и он, оглядываясь, видел ее раздавшееся течение и думал, как было бы прекрасно устроить по всей речке запруды, чтобы приехала Кира на следующее лето и ничего тут не узнала!

Но уже и теперь стала речка шире, как в половодье, а может, Севе это казалось, и он уже укреплял запруду, и готов был принять тележное колесо, которое катила Кира, но вот она придержала облепленное сухой грязью колесо и взглянула вверх, на тополь, росший на берегу, и словно бы улыбнулась небу и тополю. И когда она так взглянула и улыбнулась, тотчас же догадался Сева, что сейчас велит им Кира достать веревку или вожжи, зацепить колесо и втащить на самую верхушку тополя, чтобы гнездились на колесе аисты. На мгновение Севе подумалось, что он сам нафантазировал и что Кира ничего им не велит, но ему так хотелось исполнить и эту Кирину прихоть, и он уже представлял, как будет лезть, обдирая ноги, по стволу, тащить обложенное земляной коростой колесо, крепить веревку и как следом будет взбираться в своих прочных брючках Кира. Нет, как прекрасно, что стронулась в нынешнее лето привычная жизнь и все стало на грани приключений!

И Сева, утверждаясь в своей догадке, спросил из воды так, точно все ему ясно:

— Да, Кира?

А Кира посмотрела зеленоватыми глазами опять вверх, на верхушку великого тополя, и ответила:

— Ты самый выдающийся матрос на моем судне. Да, Сева.

4

Бесконечно можно лежать в стогу сена и слушать, как за кустами, там, где запруда, клокочет вода, и глядеть на Киру, обхватившую руками колени, и думать о том, что она интереснее для него, Севы, чем лучший друг Лешка, и что Лешка теперь уже будто бы не самый лучший друг. Нет, Севе не казались эти мысли предательскими, и он, подглядывая за Кирой, уже ждал от нее каких-нибудь новых выдумок, чего-то необычного, странного и веселого...

Бесконечно можно лежать в стогу сена, да только жарко, а в воду идти почему-то лень, и вот Кира стала мечтать о том, как бы изба-

виться от жары, как бы насыпать посреди речки какой-нибудь островок и там обитать — и не в воде и среди воды и не на земле и все ж на земле.

— А что? — спросила она с ликующими, округлившимися глазами. — Для земляного островка, конечно, нет простора. А вот можно что-нибудь такое на сваях...

— У нас во дворе стоит выброшенный кухонный стол! — неожиданно выпалил Сева.

— Прекрасно! Ты выдающийся матрос, Сева. Тащи этот стол!

— А он же это самое... Ну, подгниет в воде, — медлительно произнес Лешка.

— Чепуха! Ничего с ним не будет. Он же весь пропитался жиром! — И с этими слова-

ми Кира вскочила и пошла к деревне, а Лешка и Сева поспешили следом.

Стол они с Лешкой взяли с обеих сторон и понесли, и Севе хотелось бы посадить на стол Киру, чтобы нести ее, будто королеву, он уже хотел предложить Кире необычное катание, но хорошо, что не успел, потому что вдруг откуда-то взялся Мишка Босой и стал приставать, допытываться:

— Вы куда переезжаете?

— Из деревни в город, — независимо ответила Кира, вышагивавшая впереди, во главе шествия.

И когда они вернулись к речке и тут же внесли стол на самую середину медленного течения, когда осталась на воде темная, заскорузлая поверхность, она, эта поверхность, представилась Севе каким-то плотом, каким-то легендарным «Кон-Тики», и он поскорее захотел забраться на эти обетованные крашенные доски.

— К берегу ближе, — вполне серьезно подал совет Босой. — Бабы стирать бельишко будут...

— Эх ты, хозяйственник! — презрительно бросила Кира. — Насчет бельишка забеспокоился! А это единственный в мире деревянный островок. Здесь будут находить пристанище пловцы и путешественники.

— Значит, вместо парома? — спросил Босой и, разогнавшись, с берега прыгнул на деревянный остров, тут же оттолкнулся и на другом берегу оказался — все это понравилось ему, он опять разбежался, да только в это мгновение Кира взобралась на остров и уселась спокойно, точно смотрительница острова.

А потом и Сева с Лешкой переправились на остров, тесно им было втроем и хорошо, и они смеялись и кричали, чтоб шел к ним Босой, но тот дичился:

— Чего еще... Нету времени...

Наверное, эта речка, петляющая в кустах, похожая на ручей, безымянная, давно не видела ни лодки, ни челна, а вот теперь Кира плыла по недвижной ее воде в забавном суденышке, в каком-то продолговатом долбленом корытце плыла и правила самодельным веслом, и Сева, продираясь с Лешкой сквозь береговые заросли, изумлялся, как удалось ей вынести с бригадирского подворья это корытце, в котором замешивали пойло для скотины, и отправиться в плавание. Ноев ковчег, древний струг, ладья — так по-разному называл Сева мысленно эту нетонущую посудину с отважной мореплавательницей в ней и покрикивал:

— Эй, на ладье! Не видать ли впереди неприятеля?

— А вы бы пошли в дозор, — отвечала ему Кира.

И он кивнул Лешке и стал пробираться вперед — где зарослями, а где и лугом, осматривался настороженно, опасался хрустнуть веточкой, словно и вправду кто-то подстерегал их и мог помешать плаванию удивительной Кириной лодочки. Деревня в стороне осталась, и чистый, скошенный, точно подметенный луг, и запруда, и высокий тополь с тележным колесом, на котором будут гнездиться аисты, и начались какие-то новые края.

Ведь знаешь, что это уже соседняя деревня, тут не раз бывал, тут родственники живут, кино здесь показывают чаще, и все же неистребимо желание открывать новые края. Да, был Сева здесь уже пришлым человеком и потому с такой жадностью разглядывал избы вдали, на бугре, кирпичные фермы и ветродвигатель, который казался очень легким сооружением и блистал, как фольга.

Много деревень на русской земле, и только миновали эту, чужую деревню, как вывела речка опять к каким-то избам, изгородям и садам, — так можно бесконечно идти от селения к селению. И Сева уселся на берегу, Лешка опустился рядом, а между ними словно бы горел бесцветный костер, у костра же людские души всегда нараспашку, и Сева уже не боялся выдать приятелю самое-самое:

— Вот, Леш, если бы Кира в нашем классе, а? Здорово, а? Ты не обижайся, но мы с тобой раньше были какие-то нудные, Леш. А тут Кира... И все по-другому! Я тебе скажу: в ней настоящий пацан сидит, ничего в ней от девчонок!

— Штаны у нее хорошие, — поддержал Лешка, — техацкие.

— Техасские, Леш. Вот есть такое выражение: «С таким человеком я бы пошел в разведку». Так это про нее.

— Ну, это... в разведку мы пошли, а где ж она? Не слышать, как гребет?

И Сева вслушался в зудение пчел, шмелей, в нескончаемое, механическое пение жа-

воронков — во все, что было тишиной летнего дня, и в этой тишине плеска весла не уловил. Допустим, он ушел в дозор, на разведку и все спокойно здесь, в чужих краях, но ведь могло что-нибудь приключиться там, на речке, могла перевернуться не приспособленная для плавания посудина, перевернуться в омуте, в бочаге, хотя и неглубока эта речка, но Сева так живо представил бедствие — как напоролась Кира на корягу, как стиснула от боли зубы и вся побледнела, что тут же вмиг вскочил и прынул стрелой.

Раньше Сева делил лето на такие сроки: земляника, сенокос, малина, потом орехи, налившиеся и побелевшие, потом мохнатая, в шерстяном пушке ежевика, и, наконец, спасу нет в утреннем, овражно-сыром лесу от грибного духа. А нынешнее лето состояло из разных происшествий, связанных с Кирой. И когда они втроем выбрались в лес по первые грибы, Сева понял там, в лесу, что вот уже скоро конец всему, никаких приключений больше не жди, и грибы отойдут, и уедет в свой грандиозный город Кира, а по деревне будет ему грустно возвращаться из школы, потому что осень, всюду желтая солома, всюду сжигают картофельную ботву, от дыма першит в горле, и по воскресным дням дядьки смазывают лилово-черным дегтем колеса, снаряжая обозы в районный центр.

И он вспомнил ее появление в деревне, как она скакала на маленькой гнедой лошади в своих табачных брючках, как устроила корриду, как в ночном лесу фосфорно, зловеще осветились ее зубы, когда она прикусила светлячок, вспомнил он и разные события на речке, запруду, деревянный островок, необычное плавание в долбленном корытце, и стало ему жаль всего уходящего и снова захотелось, чтобы Кира взглянула зеленоватыми халцедоновыми глазами и так серьезно сказала: «Ты самый выдающийся матрос на моем судне. Да, Сева».

— Послушайте, я вам открою тайну, — вполголоса произнесла Кира, когда они выносили из лесу корзины с твердыми грибами, шляпки которых были цвета хлебной корки. — Живете тут и ничего не знаете! А вот в том заброшенном колодце еще с войны остался потайной ход... Партизаны по нему пробирались, на фрицев нападали. Ничего-то вы не знаете, следопыты!

И Сева подумал, что недаром какое-то волнение кружило ему голову всегда, едва он подходил к заброшенному, болотно пахнущему колодцу, сруб которого одет был в изумрудный мох, и он сказал сейчас, что нечего медлить, надо осмотреть потайной ход, фонарик у него есть великолепный, с дальнобойным светом, и Кира одобрила его горячность, она бы сама полезла в колодец, но ей надо срочно в амбулаторию.

— Смелее, следопыты! — напутствовала Кира, и Севе услышались, когда она взглянула на него, совсем другие слова: «Ты же самый выдающийся матрос на моем судне, Сева».

Какое-нибудь рискованное дело в деревне затевать лучше всегда днем, чтобы все деревенские были в поле, и вот никто не окликнул Севу, когда он, обмотав веревку вокруг пояса, стал спускаться в затхлую глубину колодца. Фонариком он освечивал потные венцы колодца, пускал затем лучик вниз, на неподвижную, как вакса, воду, веревку дергал, чтобы Лешка спускал его ниже, и сердце у него стучало, стучало, потому что уже всякое навоображал он: и как откроется вдруг провал тайника, и как ползет он в эту нору, и как сразу найдет что-то: какие-то патроны, каску, а то и шифрованное письмо в брезентовом чехле. Да! В каждом человеке живет искатель, и очень легко разбудить его воображение, чтобы он пошел по исчезнувшим следам тех, кого нет, но кого надо помнить.

Странное только дело! Никакой потайной ход не открывался Севе, как ни ощупывал он слякучавые венцы колодезной глубины, как ни простукивал их. Он и фонариком близко светил, думал, что обманывается от волнения, и вот он посидел несколько мгновений неподвижно, как в сундуке, а потом еще раз ощупал подземельные древесные плахи и, вздохнув, поглядел вверх, запоминая графически резкую картинку: белое небо вокруг черной Лешкиной головы.

Лешка ему, конечно, не поверил, и Сева терпеливо позволил спуститься ему вниз, во мрак и сырую прохладу, отзывался на сигналы подергиваемой веревки, потому что кричать из колодца или в колодец бесполезно: ничего не разобрать, обвал звуков.

— Ну, это... — сказал позеленевший Лешка, оказавшись на воле и щурясь от солнца, — набрехали Кире.

И Сева согласился с ним, что кто-то набрехал горожанке в техасских брючках, что уж они бы знали про тайный лаз: они тут про каждую избу, про каждый чердак знают. И все ж уже потом, в полдень, когда опять появилась Кира и они с ней смущенно поделились неудачей, Севе открылось, что нет, никто Кире не набрехал.

— Я так и знала, что вы ползете! — восторженно крикнула Кира и рассмеялась. — Ну и чудачки! Легко вас провести. И вообще вы все лето за мной, как за магнитом, и все, что ни скажу, любую ерунду, вы исполняете...

И тут Севу больно полоснул этот Кирин смех, захотелось крикнуть ей, что никакая не ерунда были все летние события, все затеи, что жить с выдумками, с приключениями интереснее, что сама она же постаралась сделать их деревенскую жизнь такой, и это неправда, что она теперь смеется над всеми затеями, а если и правда, то все-таки то, что для нее было игрою, для них с Лешкой

было настоящей жизнью. Да, было им с Лешкой легко и хорошо все лето, и они хотели, чтобы и следующее лето было таким же, и они мечтали поехать в тот грандиозный город, где все строятся и строятся дома, где варят в котлах асфальт и высыпают его удушливыми, рыхлыми терриконами, где бережно выращивают травку на балконах, но вдруг как-то все не так, вдруг этот смех — к чему он?

Все это хотел сказать Сева, а может, он даже и говорил что-нибудь подобное, но потом вдруг сразу пропали все слова, странно опустела душа, и он захотел скрыться где-нибудь, хотя бы во мраке заброшенного колодца, чтобы не видели стыда на его лице.

7

Все последние дни в деревне Кира провела одна, и когда она проносилась на маленькой гнедой лошади, Сева боялся больше всего в эти минуты, как бы Лешка не угадал, что было время, когда он, Лешка, уже не так интересен был ему, Севе, и потому теперь Сева сдержанно отвечал на все приятелю и сдержанно смотрел на него, чтобы не выдать своего дружеского порыва и чтобы не догадался Лешка о доброй перемене его отношения к нему.

И еще стеснялись оба вспоминать о Кире, и едва показывалась она на лошади, едва слышался топот копыт, как Сева отворачивал лицо и не только Лешке, а даже самому себе не хотел признаваться в том, что вовсе не ослышался он и что тогда, у заброшенного колодца, так оскорбительно смеялась Кира, называя их чудачками. И не понимал Сева, как может она и теперь кричать им весело и звать их, будто ничего не произошло там, у заброшенного колодца.

Вечером, хорошим таким, покойным вечером, с отошедшим по ту сторону земли солнцем, с засветившейся в небе одинокой звездой, с деревенской тишиной, призывавшей к ночлегу или, наоборот, к бодрствованию полевых мышей, кротов, птиц, жуков, сидели они с Лешкой и вытаскивали из одного Лешкиного кармана тугие сливы, панически вскрикивали, если проглатывали сливу вместе с косточкой, как вдруг: туп-туп-туп-туп!

И вот уж замелькала на вечеряющем небе конская морда, наездница на полном скаку осадила лошадь.

— Слушайте, там Босой разоряется. Айда за светлячками, проучим его! Я уже тыквочку выдолбила, дырки для глаз и зубов проделала, вставим светлячки — и Босой будет парализован...

Снова вспомнилось Севе разное чудное, дерзкое: груда светлячков в беспросветном лесу, их царство на речке, вблизи запруды и деревянного острова, и он уже хотел сдвинуть себя с места, сказать что-то, покашлять хотя бы, но все зря — сидел каменно. И Лешка тоже безмолвствовал.

НОВЫЕ СТИХИ

Эмма МОШКОВСКАЯ

Жил
Барабан.
Говорил:
«Барабам!»
Голос
редкий —
крепкий-крепкий!
И перепонки
тоже не тонки —
крепкие-крепкие
барабанные перепоночки.
Он не слышал
ничего!
Никого!
Кроме,
кроме
себя
одного.

Почему не растет
деревце?
Не растет, не цветет...
Ленится?
И плодами оно не украшено?..
Потому что оно не посажено!

«Если двери на запоре,
не войдет лихое горе!»

Значит, это мы учтем:
и запоры мы найдем,
и большие, и тугие,
ну и всякие другие...

Значит, надо
их купить,
значит, надо
их прибить,
значит, надо
их навесить,
значит, надо
целых десять!

За запорами!
За заборами!
За закрытыми шторами!
Можно жить в безопасности!
Горя нет!
И нету радости...

— Если только захочу,
я и горы сворочу!

Горы страшно испугало это выражение!
Что то страшно задрожало!
Было извержение!

— Успокойтесь.
Тише, горы.
Это только
разговоры.

— Клоун, клоун,
что ты можешь?

— Я могу
скакать, как лошадь!
Я могу
летать, как птичка!
Я могу
снести яичко.

На бегу
я могу
переобуть ботинки!
И могу
кой-кому
высушить слезинки...

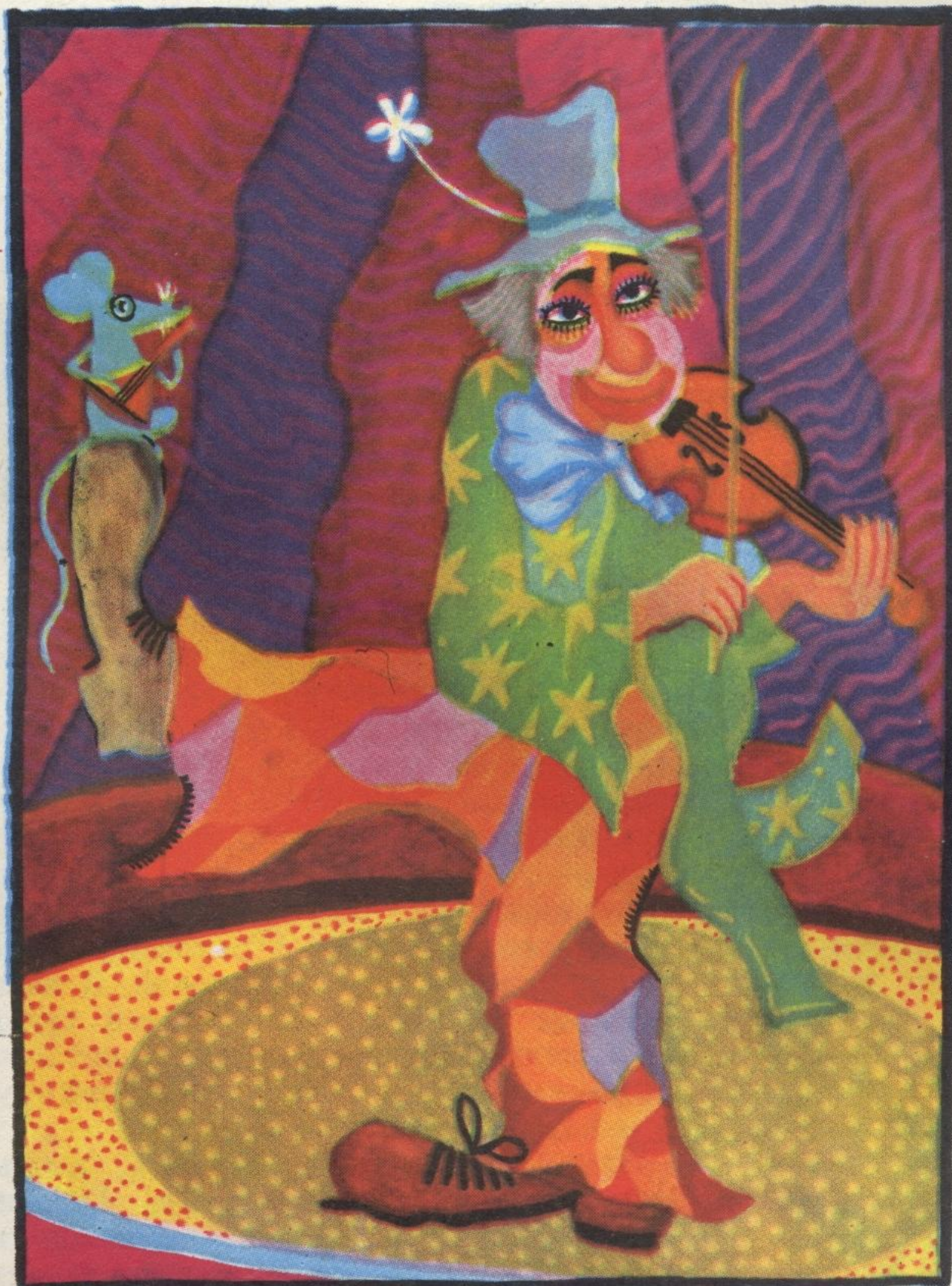

Шел Прогульщик на прогулку,
шел и песенку свистел.
Захотел Прогульщик булку
и баранку захотел.

Захотел он шоколадку,
пососал бы леденцов...
Но прогуливал буфетчик,
и не видно продавцов.

И гулял киномеханик —
не показывал кино,
футболисты и артисты
прогуляли заодно...

И обиделся Прогульщик!
И Прогульщик не смолчал!
И прогульщикам Прогульщик
«Вы — прогульщики!» — кричал.

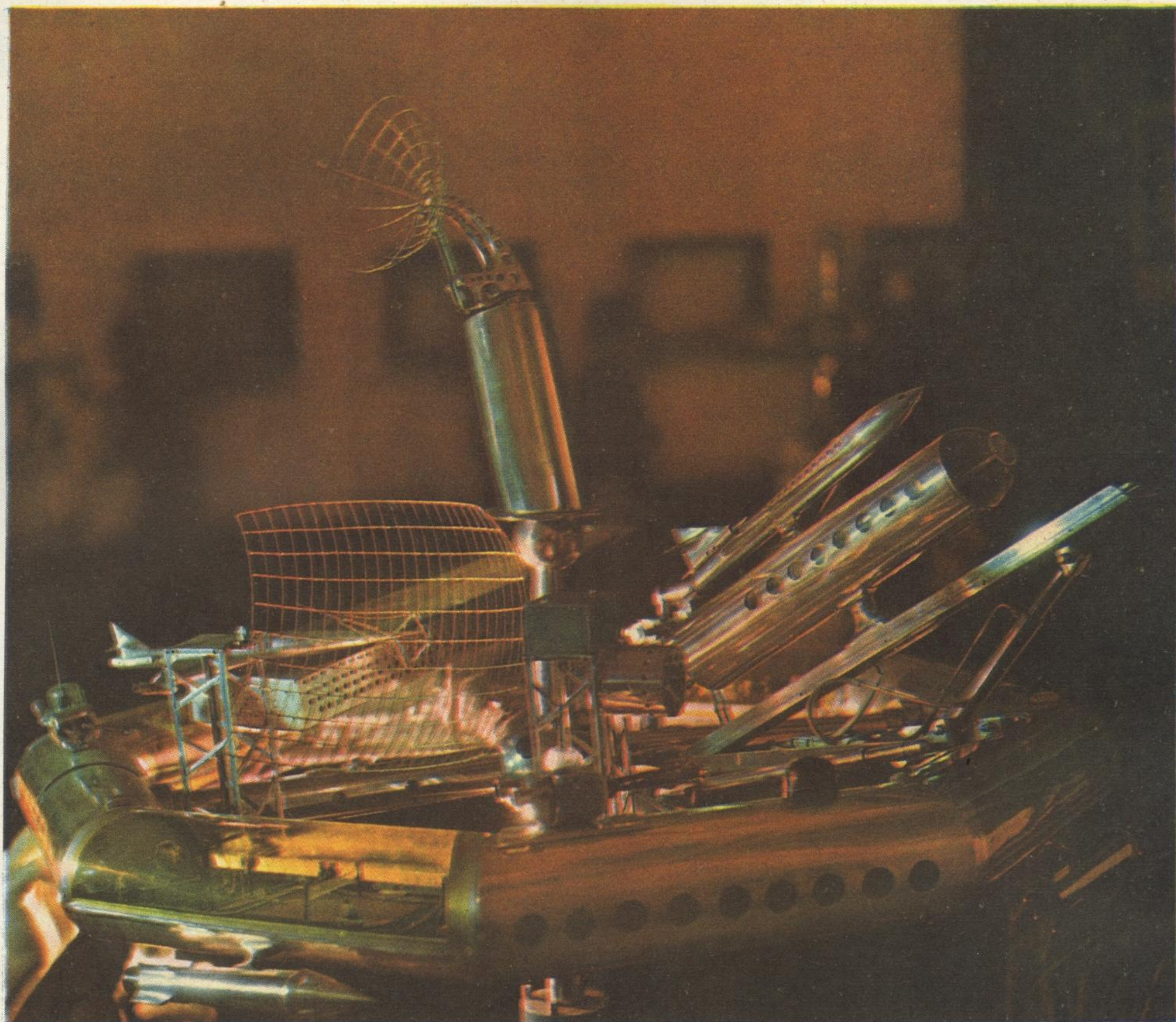

Рисунки И. ГАЛАНИНА

НОВЫЕ
стихи

Так представляют себе ребята орбитальную станцию недалекого будущего.

А. НЕКРАСОВ

УМЕЛЫЕ РУКИ, ВЕРНЫЙ ГЛАЗ, РАБОЧАЯ СМЕТКА

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

Фото А. ГЕРИНАСА

В наш век самые смелые мечты человечества на глазах сбываются одна за другой. Мы так привыкли к этим свершениям, что порой забываем об их величии.

Забываем мы и о том, что мечты свершаются не сами собой. Могучий разум нужен, чтобы мечта стала былью. Но и этого мало. Нужны еще умелые руки, верный глаз, рабочая сметка.

Руками отличных мастеров созданы корабли-звездолеты. Те же руки, упрямые и сильные, воздвигали плотины на Ангаре и на Енисее, ими созданы корабли-исполины, покоряющие льды Арктики, и тончайшие детали часов размером с вишневую косточку.

Каждый день, каждый час миллионы рабочих сжимают штурвалы машин и станков, рукоятки молотков и лопат. И каждый день, каждый час эти руки превращают горы бесформенных материалов в вещи, нужные человеку.

Владельцы умных и сильных рук носят гордое звание — рабочий, самое главное звание в нашей стране. И каждый год великая армия людей труда пополняется новобранцами, которые становятся в один строй со старой трудовой гвардией.

Нужно много знать и уметь, чтобы стать полноправным рабочим. Годами учатся люди владеть инструментом и чувствовать материал. Нелегко дается

мастерство. Мечты то и дело обгоняют руки, но зато умелые руки часто подгоняют мечты.

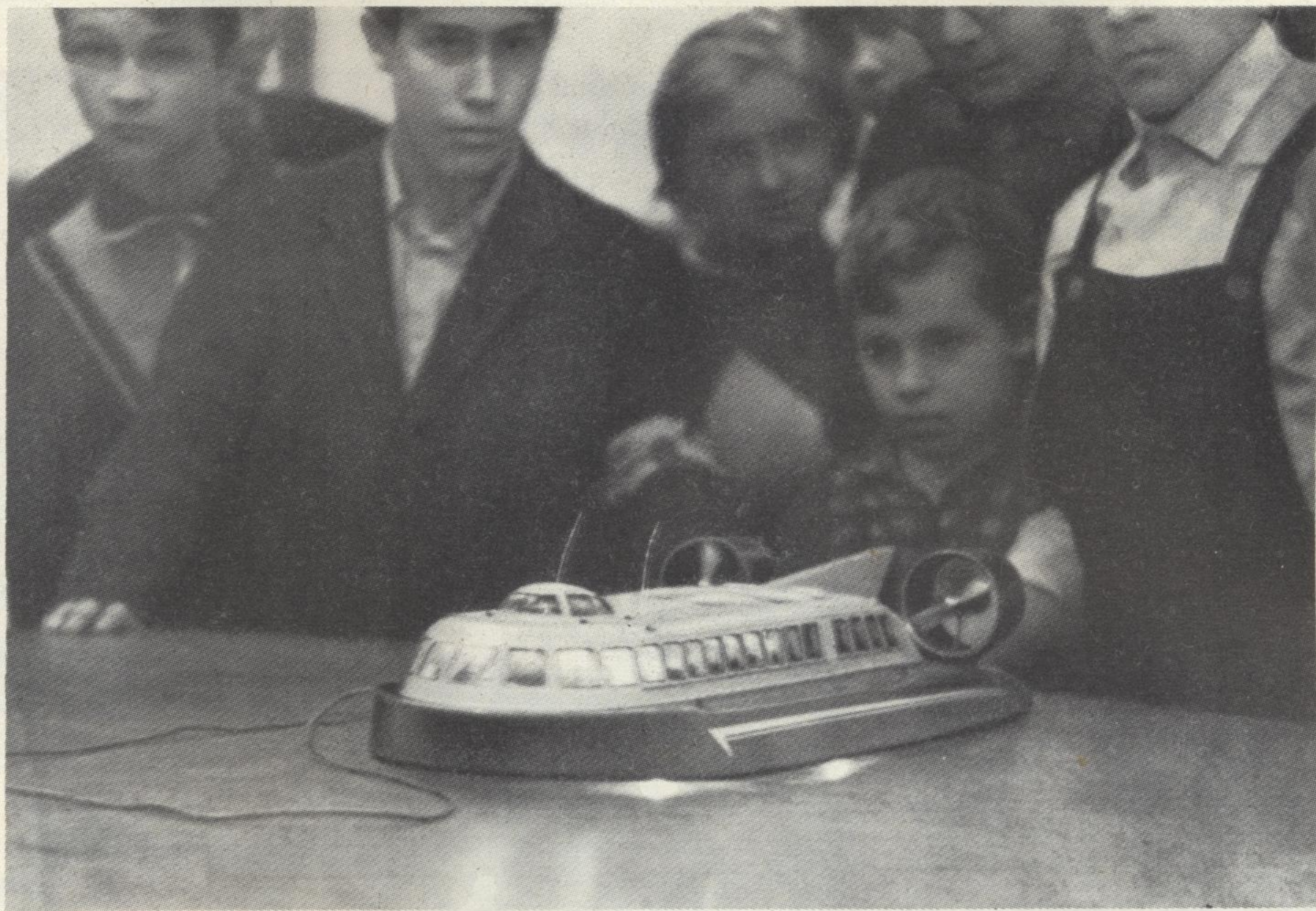
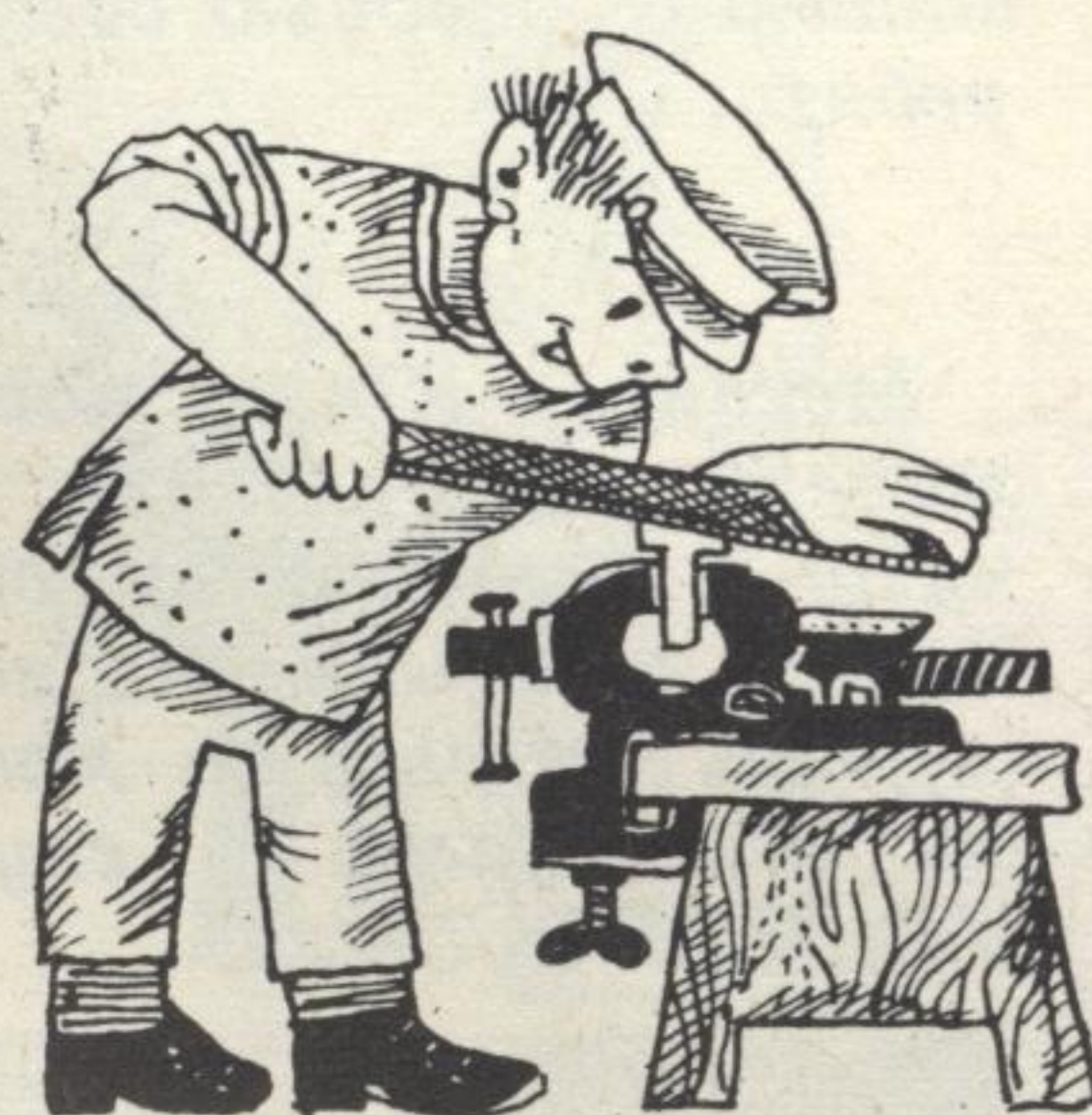
Размечтался, скажем, человек о море. А в море его не берут пока. Не дорос.

Не берут? Не беда! Болванку в руки, стамески, чертежи... и, глядишь, через месяц-другой стоит в аккуратной стоечке модель корабля с трубами и с мачтами, с грузовыми стрелами и со швартовыми устройствами. И уже покрепче становятся крылья у мечты: придет время подняться по трапу настоящего корабля — и такой «мечтатель» не гостем, а хозяином ступит на палубу.

«Мечтателей» — будущих хозяев жизни — немало, оказывается, в нашей стране.

Недавно в Манеже, в самом большом выставочном зале Москвы, со всех концов Советского Союза собрали такие вот, наполовину осуществленные мечты ребят — комсомольцев, завтрашних рабочих, а пока учащихся ремесленных и профессионально-технических училищ Трудовых резервов.

Чего только нет на этой выставке! Есть станки. Не игрушки, не модели, а такие, что хоть сейчас становись к ним и точи стальные детали. Есть вертолеты. Они взлетают и висят над столиками, как настоящие... Есть робо-

Корабль на воздушной подушке. Нажимаешь кнопку — мощные роторы бросают под днище модели потоки воздуха. Медленно, будто нехотя, корабль всплывает над столом и мчится по кругу, поражая мальчишек и девчонок, которые еще не научились строить такие модели.

Ребята мечтают о завтрашнем дне. Не забывают они и вчерашнего. С ювелирной точностью восстановили по чертежам и построили модель русского корабля «Три святителя» — одного из тех, чьи залпы больше ста лет назад встречали врагов, пришедших к берегам нашей Родины.

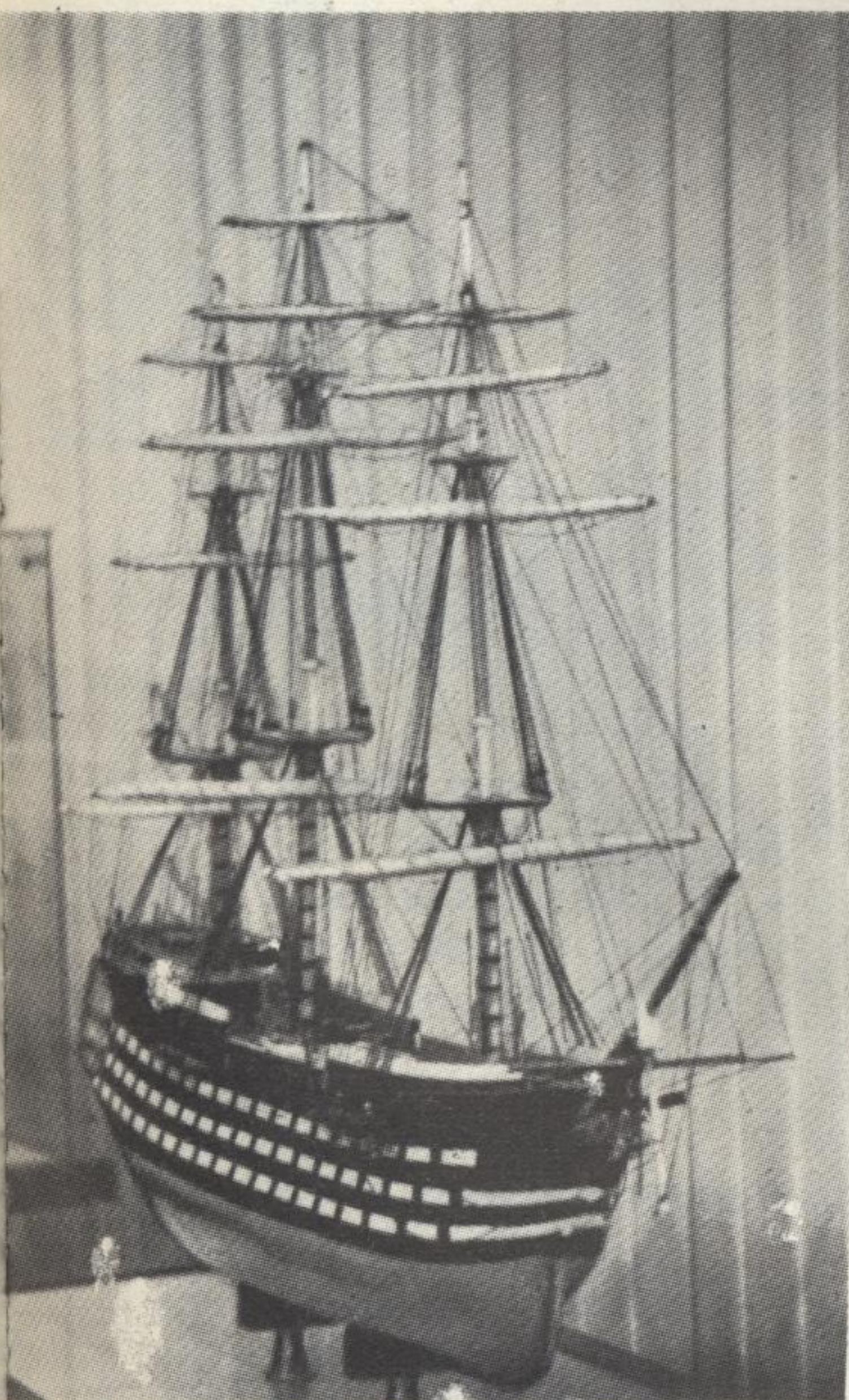
ты-экскурсоводы. Эти похаживают по залу и неторопливо рассказывают посетителям о тех, кто сделал их самих и все те удивительные вещи, которыми заполнены просторные стенды выставки. А на стендах и картошка, выращенная руками ребят, и красивые платья, сшитые завтрашними мастерицами-закройщицами, и столы, богато накрытые добрыми руками будущих работников общественного питания.

Обо всем, что показано на этой выставке, не расскажешь и в целом номере нашего журнала. Но на чем бы ни остановил свой взгляд посетитель, непременно поразит его та смелая выдумка, то завидное старание и то стоящее на грани настоящего ма-

стерства умение, которое вложено в каждый из экспонатов.

Вот уголок моряков. Модель старинного корабля «Три святителя». Со скрупулезной точностью, в масштабе один к ста, повторена тут каждая снасть, каждая стоечка, каждая доска палубы... Чтобы построить такую модель, мало знать историю флота и архитектуру корабля, мало мечтать о море — нужно еще уметь в материале воплощать свою мечту. Нужно набраться терпения, чтобы часами вытаскивать микроскопические детали, нужно овладеть навыками токаря и слесаря, маляра и плотника, такелажника и парусника, чтобы построить такой корабль.

Тот же сгусток усердия и умения

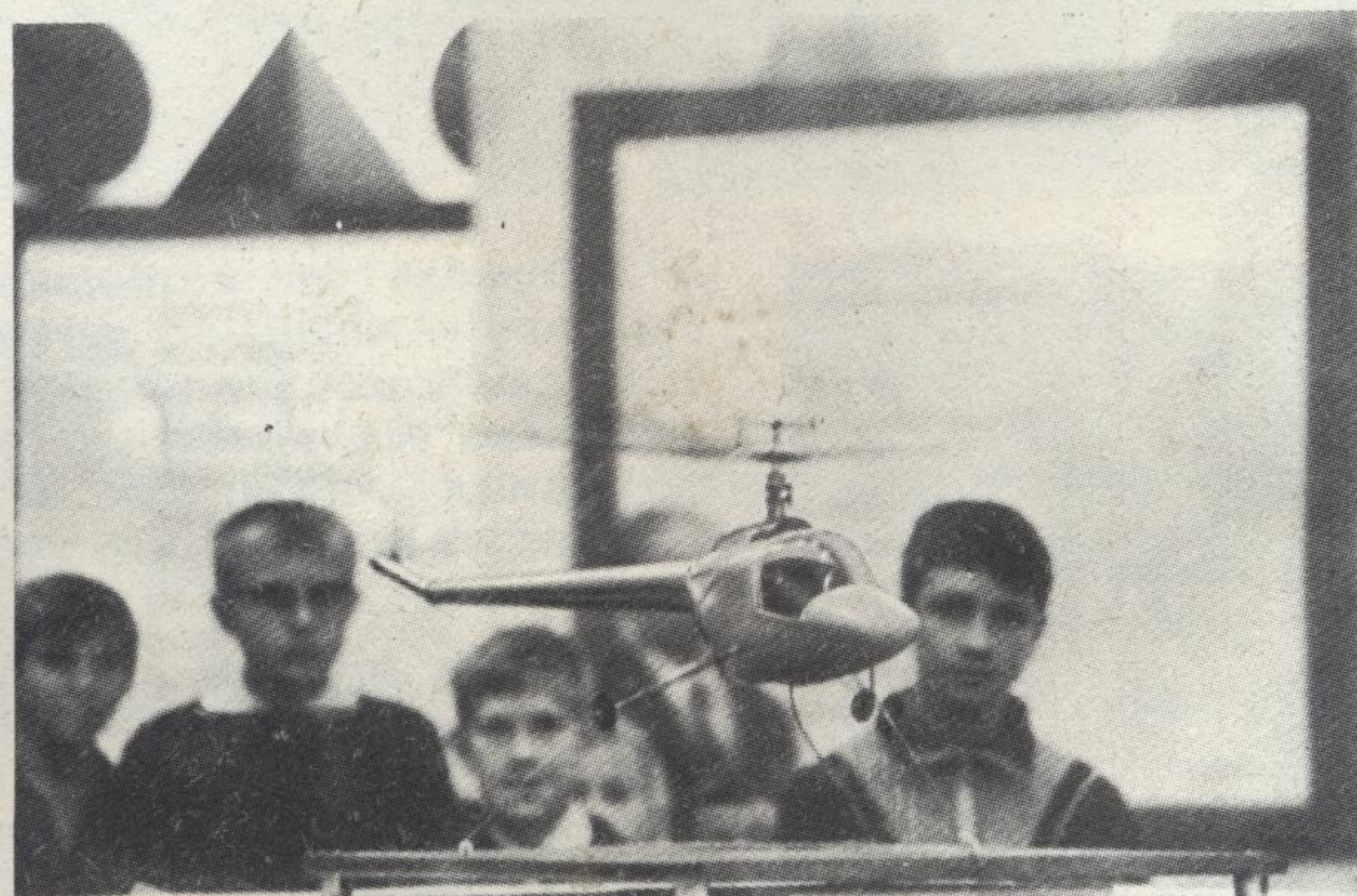
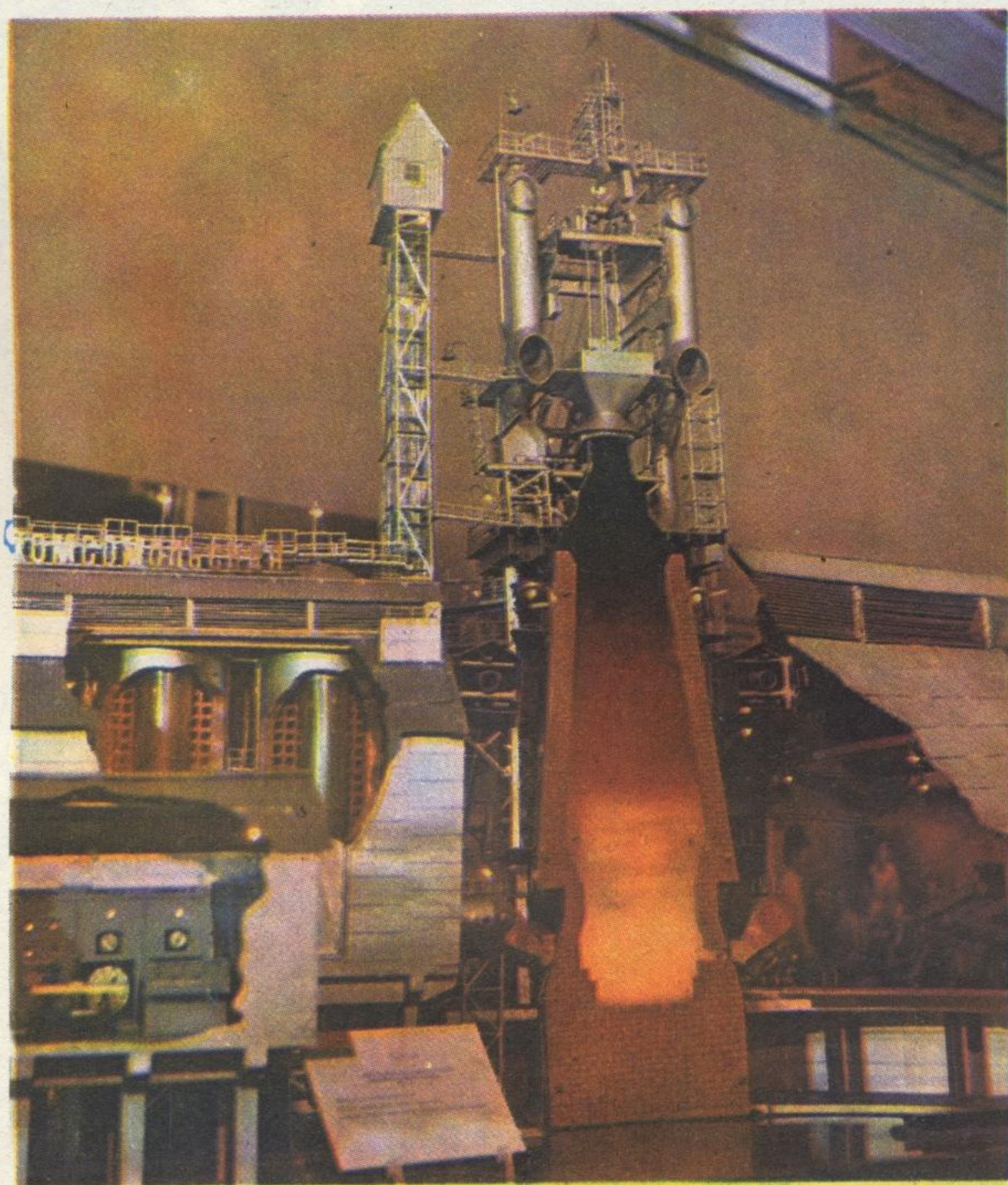

в моделях легендарного броненосца «Потемкин» и крейсера «Аврора», корвета «Сокол» и сегодняшней атомной подлодки... И здесь с предельной точностью повторено то, что сделано руками других людей. Но есть в работах юных моряков и чистая мечта — корабли, которых еще нет и не бывало на свете. Вот океанский атомный теплоход на подводных крыльях. Рожденный в мечтах ребят, пришел он на выставку. Но когда смотришь на этот корабль, сверкающий своими дюралевыми обводами, веришь, что это завтра — почти сегодня.

Словно переключаясь с этим пришельцем из завтрашнего дня, у противоположной стены зала стоит неуклюжий, на наш сегодняшний взгляд, но дорогой каждому советскому человеку — броневичок, с башни которого более полувека назад произнес свою речь Владимир Ильич Ленин. С таким уважением к истории, с такой поразительной точностью, с такой любовью к Ленину, обессмертившему прообраз этого броневичка, выполнена модель золотыми руками ребят, что верится: эти руки не растеряют наследства, полученного от отцов и дедов.

Это домик Ульяновых. Здесь рос Ленин. При свете этой лампы он вместе с братьями и сестрами пил вечерний чай в столовой, а потом поднимался к себе в светелку и до поздней ночи черпал мудрость, заключенную в книгах. С великой тщательностью и любовью сделали эту модель харьковские ребята.

Металл... Юные мастера отлично умеют рубить железо, точить сталь, сверлить, строгать и пилить чугун. А знают ли они, как рождается металл? Знают, конечно! Не знали бы — не сумели бы построить разрезную модель доменной печи со всеми агрегатами и службами, которые положены для такого дела.

Вертолет. Самый настоящий. Он летает. Пока на веревочках... Но недалек тот день, когда вырастут строители этой модели и на кораблях, построенных своими руками, пойдут сражаться с бездорожьем, с тундрой, с лесными пожарами.

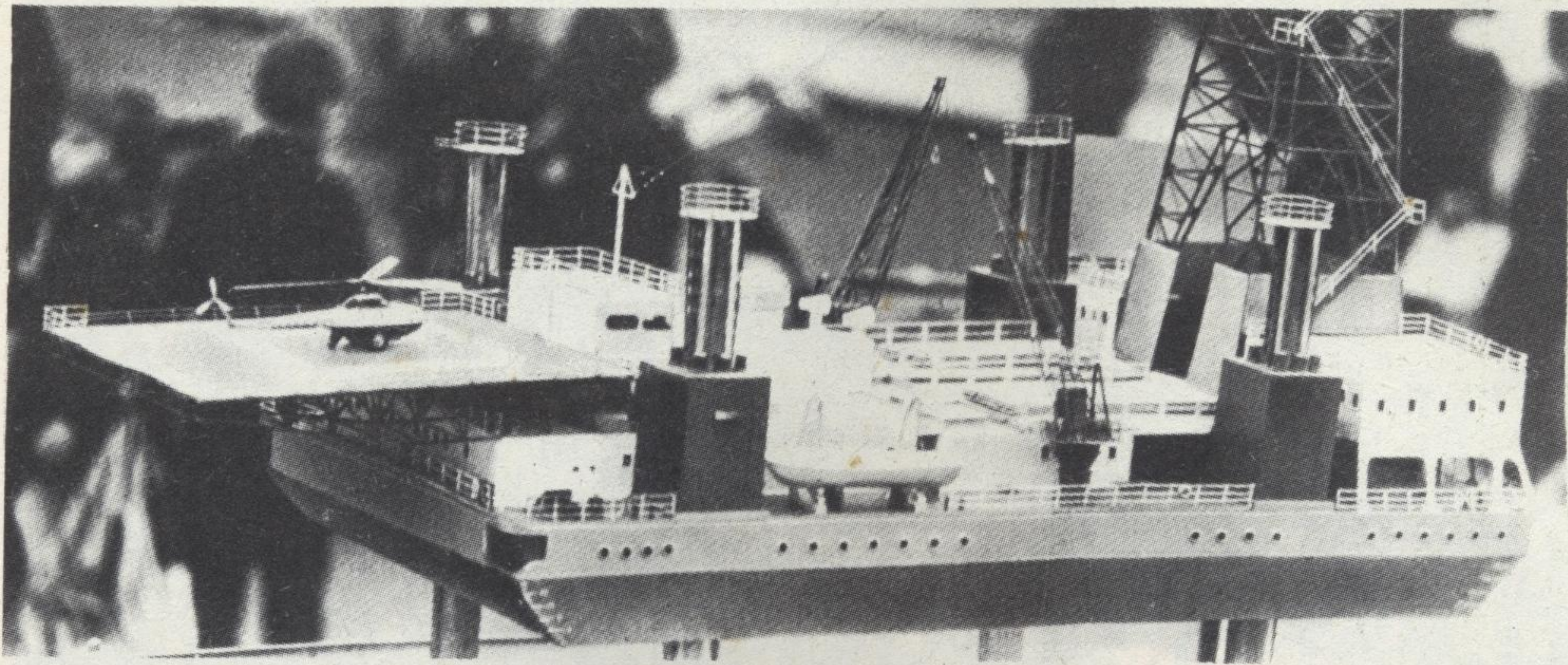
Обо всем мечтают ребята, думают и помнят обо всем, как настоящие хозяева своей земли. Думают они и о том, как напоить эту землю: дождевальные установки, такие, как действующая модель, представленная на выставке, скоро широким фронтом выйдут на засушливые поля и помогут труженикам земли вырастить небывалые урожаи.

А такие могучие сооружения, как эта модель плавающей буровой, помогут завтрашним нефтяникам извлечь

из морских глубин новые тысячи тонн жидкого топлива...

Думают ребята и о спорте, на то они и ребята. Но и эта мечта превращается у них в дело: «Карт 175», построенный руками юных рижан, хоть сейчас готов к старту.

И, конечно, как все ребята в наше время, мечтают ремесленники о покорении космоса. Своими руками, по своим расчетам и чертежам строят они действующие модели космических кораблей и городов.

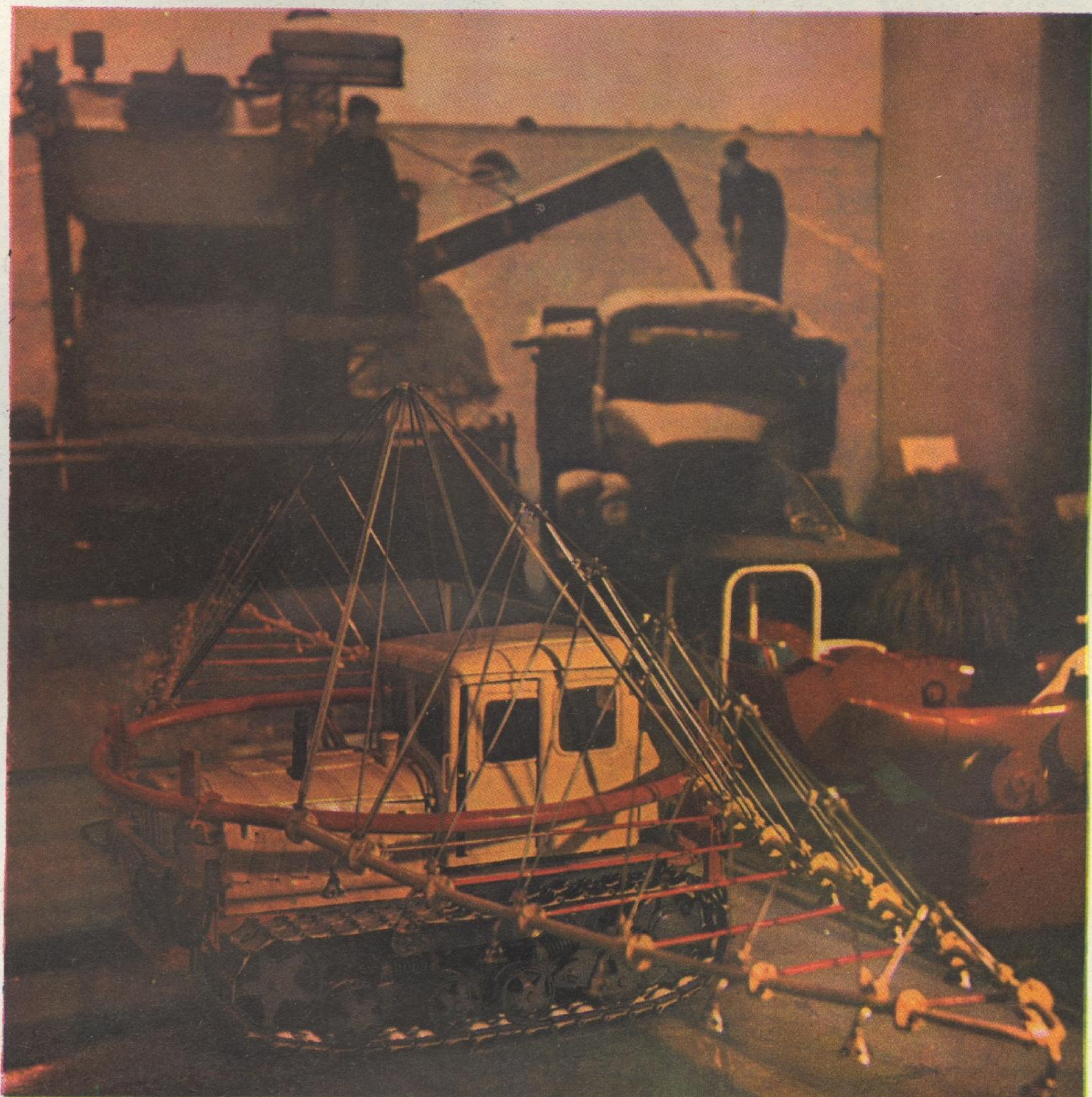
Тяжелый понтон, увенчанный буровой вышкой. Четыре ноги — опорные колонны, площадка для вертолета, каюты, шлюпки... Так представляют себе ребята тот самый «ключик», которым мечтают отомкнуть подводные кладовые нефти.

Наверное, как раз такими, как эти модели, и будут завтрашние спутники-космодромы. И, наверное, строить и обживать их как раз и доведется сегодняшним мечтателям, которые своими руками умеют воплощать свои мечты в алюминии и стали, в пластмассах и в стекле, в дереве и в тканях...

Тысячи широких дорог открывает мечта юным умельцам. Ключи от ворот к этим дорогам ребята сделают сами. Подберут они ключи и к воротам в космос. Залогом тому — славный путь первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, бывшего ученика Саратовского ремесленного училища.

«Засуха»... Кто знает, может быть, это страшное слово навсегда вычеркнут из словарей ребята, построившие действующую модель дождевой установки.

Вадим Яблоков. Начало Усть-Илима.

ЛЕТО НАШИХ ОТКРЫТИЙ

Игорь Битман. Metallург Братского алюминиевого завода Анатолий Левков, комсорг цеха.

МАЛЬЧИКАМ ИНЫХ ВЕКОВ...

С. АРТАМОНОВ,
Ф. СВЕТОВ

В этом праздничном номере будет уместно и справедливо рассказать о тех, кому нельзя написать письмо, позвонить по телефону. Их нет — они погибли. Остались только стихи да некоторые истории в памяти их товарищей.

Вот они глядят со старых фотографий, глядят пристально и доброжелательно, такие все разные и в чем-то похожие друг на друга, — молодые поэты, целое созвездие комсомольцев, павших на фронтах. Судьба выпала им общая. При жизни они еще не печатались, их стихи любовно и бережно собраны потом родными и друзьями, и совсем недавно вышли в свет тоненькие, маленькие книжечки. Эти общие сборники стихов удивительно напоминают и студенческие общежития, и воинские подразделения, и обелиски над братскими могилами: Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Николай Майоров, Николай Отрада, Всеволод Багрицкий, Георгий Суворов... — «лобастые мальчишки невиданной революции».

Они были еще совсем молодыми людьми — студенты, начинающие поэты, недавние москвичи, а мир то тут, то там погромыхивал военным железом. Испанская война, финская, все ближе и ближе к нам шел по Европе Гитлер. Молодые поэты сами предрекли свою участь.

Николай Майоров писал:

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун нестираный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки.

Себя и свое поколение молодые поэты готовили к войне, к беспощадной схватке с фашизмом, к которому испытывали настоящую ненависть. И они дрались с фашизмом и стихами — вы это сами сейчас увидите, и оружием — об этом вам расскажут их уцелевшие товарищи.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчишки иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,
И все-таки
пробьемся мы!

Эти стихи перед войной написал Павел Коган — поэт, а лейтенант П. Коган 23 сентября 1942 года повел на поиск разведгруппу и был убит под Новороссийском на сопке Сахарная голова. Его сверстник и товарищ поэт Сергей Наровчатов вспоминает: «Он не любил людей, как он сам говорил, «промежуточных». В одном разговоре он мне сказал: «Не понимаю, как можно воздерживаться от голосования. Я бы вообще запретил эту формулу. Или ты «за», или «против». В этом был весь Павел. Я вспоминаю один немного смешной, но знаменательный юношеский разговор, который мог возникнуть, конечно, только на рубеже двадцати лет.

Кто-то из нас предложил графически на чертить линию своей жизни, как он сам ее себе представляет. Один изобразил ее в виде прямой линии, другой — в виде замкнутого круга, третий — в виде овала. Вот эта последняя трактовка особенно возмутила Павла. Подойдя к столу, он поперек овала резким росчерком карандаша нарисовал остроконечный угол и прочел те, ставшие теперь уже широко известными стихи «Гроза», именем которых и названа его посмертная книга...».

Я с детства не любил овал.
Я с детства угол рисовал.

И это не поза, не красивая строка: стихи Павла Когана дышат удивительной искренностью, страстностью и романтикой. Наверно, мы не ошибемся, если скажем, что мало кто из сегодняшних ребят не знает, не слышал и сам не пел «Бригантину», а написал ее Павел Коган, он был комсомолец и романтик.

Ленинградец Георгий Суворов погиб год спустя и на другом участке фронта. Вот как звучали его последние строки:

Свой добрый век мы прожили как люди
и для людей.

Это сказано обо всех — так коротко, и так глубоко, и так просто. Вообще же только в высоком искусстве бывает, что человека вот уже нет, а голос его все слышится и слышится через года, без всяких пластинок и пленок, а прямо из сердца в сердце:

Метет, метет... И нет конца метели,
Конец тяжелым, белым хлопьям нет.
Метет, метет... И замечает след
К моей солдатской полумерзлой щели.

Метет, метет... И не увидишь света,
И не увидишь друга в двух шагах.
Вот через этот безответный мрак
Я двинусь в путь, лишь тьму прорвет
ракета.

А в этом стихотворении собралась, кажется, вся грусть всех солдат по родному дому, и еще

раз хочется нарочно подчеркнуть, что выразить такое может лишь настоящий поэт.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Веет, веет и кружится,
Словно сон лебедей,
Вяжет белое кружево
Над воронкой моей.

Улетает и молнией
Окрыляет, слепит...
Может, милая вспомнила,
Может, тоже не спит...

Может, смотрит сквозь кружево
На равнину полей,
Где летает и кружится белый
сон лебедей.

Читая все эти стихи, думая о них и о людях, которые их написали, надо обязательно понять вот что. Представьте себе увеличительное стеклышко, пусть самое крохотное. Лучи солнца, собранные в фокусе стекла, зажигают, вызывают к жизни огонь. Поэзия умеет нечто подобное. В фокусе стихотворчества суммируется лицо поколения, его характер, его неповторимая воля. Мы уже сказали, что молодые предвоенные поэты, как и вся страна наша, дышали грозным воздухом приближающейся битвы. А битва предстояла: «или они нас, или мы их» — только так и никак иначе. И тот, кто понимал тогда грандиозность будущей войны, тот заглядывал в фокус времени, предвидел историю.

Вот строки из стихов Николая Майорова:

МЫ

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячий, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

.....

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

.....

Эти строки удивительно близки по духу стихам Павла Когана, которые вы уже прочли, и очень близки они Маяковскому, когда говорит он «о времени и о себе», а еще нотами трагического и героического предчувствия напоминают они Лермонтова. Молодость, талант, сила и желание бурно действовать в жизни со

всеми ее опасностями — вот чем эти стихи полны до краев.

Поэт Борис Слуцкий сказал о Николае Майорове: «Мы никогда не прочтем того, что Коля написал бы о войне, о нашей победе. Но он сказал свое честное и точное слово о том, что думали и чувствовали люди его поколения за день, за год до войны... Победа начинается с решимости ее добиться, с уверенности в правоте нашего дела, об этой решимости, об этой правоте — все, что написано Майоровым».

Михаил Кульчицкий обещал быть очень ярким поэтом, он и успел, пожалуй, больше, чем другие: окончил поэму о России, недавно вышла книжечка его стихов. Он пошел рядовым, а как погиб, даже неизвестно. Поэт Давид Самойлов вспоминает: «О Кульчицком долго ходили легенды... Рассказывали, что в армии он не расставался с тетрадкой, куда вписывал стихи. Эту тетрадку приказал выбросить старшина, когда проверял вещи перед отправкой на фронт. Может быть, где-нибудь до сих пор жива эта тетрадка...»

...Война ж совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда,

 черна от пота,
 вверх

Скользит по пахоте пехота.

Марш!

И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чоботы
Весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов.

Не до ордена.

Была бы Родина.

С ежедневными Бородино.

Жил Кульчицкий до войны на Арбате, снимал угол в подвале, в окне которого, по его выражению, была «витрина движущейся обуви»; в нем еще было много мальчишеского, легкого: то мог он пройти по каменному парапету над самой Москвой-рекой, то, желая быть похожим на Багрицкого, зачесывал волосы на лоб, потом, как вспоминают знавшие его, «мелькнули жесты и прическа Маяковского», а в первый же день войны он явился в военкомат, заранее остриженный наголо. А еще потом где-то сразила его пуля, и остались имя, стихи да память друзей.

И одним из друзей молодого поэта был «Пионер» тех лет. Первые стихи Кульчицкого, еще подростка, напечатаны были у нас в журнале.

Печатал «Пионер» и Арона Копштейна.

Как всегда, наступает время написать, что, к сожалению, обо всем не расскажешь. И хотя это на самом деле так, невозможно не вспомнить здесь того, как погибли первыми, еще на финской войне, поэты Николай Отрада и Арон

Копштейн. Незадолго перед гибелью они из-за чего-то очень поссорились, а когда попали в лыжный батальон московских добровольцев, очутились в одном взводе. Рассказывает об этом поэт Михаил Луконин — он был там же, только в другом взводе, а с Отрадой вообще дружил с детства.

«4 марта 1940 года Платон (комсорг батальона) прибежал к нашему блиндажу, сбросил лыжи и горько сказал: «Нет Отрады и Копштейна. Вчера на озере в бою белофинны окружили взвод и кричали: «Сдавайтесь!» Коля крикнул: «Москвичи не сдаются!» — и бросился на них, ведя огонь. Взвод прорвался, вдали черной точкой на снегу виднелось тело Отрады. Арон Копштейн посмотрел на всех своими добрыми глазами, сошел с лыж, взял ремень волокуши и пополз туда. Стреляли снайперы, Арон уже возвращался обратно, тащил Колю: пуля сначала обожгла ему плечо, другая попала в голову...»

Несколькими строчками раньше Михаил Луконин рассказывает о том, как расходились по своим взводам он и Отрада... «Сидим на валуне, шутим, достаем свои смертные медали, разглядываем их, передавая друг другу. Уже потом, в Москве, сдавая оружие, я раскрыл медальон и обнаружил, что тогда мы с Колей перепутали их...»

И вот строки из стихотворения М. Луконина «Коле Отраде»:

А если бы в марте

 тогда

 мы поменялись

 местами,

Он сейчас

 обо мне написал бы

 вот это.

И, наконец, хочется привести грустные и проникновенные строки из стихов Давида Самойлова, тоже фронтовика и сверстника всех тех, о ком здесь говорили:

Я вспоминаю Павла, Мишу,

Илью, Бориса, Николая.

Я сам теперь от них завишу,

Того порою не желая.

Более того, зависит, если так можно выразиться, от них и наша литература. В поэзию они так и вошли — военным отрядом, совсем молодые, недавние студенты, солдаты, павшие смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины.

Есть воинская традиция: когда на поверке командир называет имя погибшего солдата, вписанного навечно в списки части, тогда правофланговый отвечает: «Пал смертью храбрых».

А традиция эта возникла в Тенгинском полку, в котором служил на Кавказе офицер и поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Так вот, один из последних сборников погибших поэтов так и называется: «Имена на поверке».

ТЕНЬ

КАРАВАН

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Владислав КРАПИВИН

Рисунки А. КРЫЛОВА.

Дюймовочка

По вечерам на морях и океанах мы совершали удивительные подвиги, но днем нас одолевали невзгоды. Особенно Павлика. Главной невзгодой была арифметика. Большие красные двойки с маленькими злыми головками все чаще проникали в Пашкины тетради. Это были отвратительные двойки, похожие на извилистых дождевых червей.

— У, глисты подлые,— брезгливо говорил про них Павлик.

Тетя Аня подолгу разглядывала тетради, а потом начинала кричать, что выдерет оболтуса и мучителя как сидорову козу. Чтобы она не перешла от слов к делу, Павлик ускользал ко мне. И говорил шепотом:

— Шторм одиннадцать баллов. Отсижусь, пока не утихнет.

Утихала тетя Аня быстро, и Павлик начинал жить по-старому.

Но однажды, в конце февраля, он вернулся из школы притихший и растерянный.

— Скверное дело,— мрачно сказал он.— Милку ко мне прикрепили. Совсем поганое дело.

Я молчал, ожидая подробностей.

— По арифметике меня вытягивать будет,— сообщил Павлик.— Такое у нее пионерское поручение. Она у нас звеньевая. Понятно?

— Понятно,— сказал я.— Это она тебя из подвала вытянула?

— Лучше бы не вытягивала,— сказал Павлик.

И вот она появилась. Высокая девчонка, выше Павлика. В перекошенном капоре, в маленьком полушубке, подпоясанном шарфиком, в лыжных штанах и подшитых валенках. Мы с Павликом вместе открыли ей дверь. Милка взглянула на нас и почему-то удивилась:

— Ой, Пашка! А я тебя, знаешь, как искала! Я думала, ты в этом доме живешь, на втором этаже...

— А я тебя, знаешь как искала!

Павлик пожал плечами и пробормотал что-то насчет думающего индюка. Потом неласково заметил:

— Дверь захлопни, а то холоду напустишь.

Милка не обиделась.

Мне она, конечно, не понравилась. Во-первых, некрасивая, долговязая, волосы короткие, будто у мальчишки, не то рыжие, не то коричневые какие-то. И рот большущий, как у акулы. Во-вторых, при таком росте надо быть поумней. А она болтала, хихикала и удивлялась самым простым вещам.

Про старые стулья она со смехом сказала:

— Ой, какие забавные!

А что забавного? Скрипучие, облезлые, надоевшие. Только на спинках вырезаны по два дерущихся петуха. Может, и правда, интересно с непривычки, но чего уж так веселиться!

Потом она удивилась медведю. Это был коричневый фаянсовый медведь с отбитым ухом. Он сидел на зеленой кочке и тянул мед из запрокинутого бочонка.

— Ой, какой смешной!

После медведя Милка обратила внимание на меня. Тихонько спросила:

— Пашка, а это кто?

— Это Владик,— внушительно ответил Павлик.— Я же тебе говорил.

— А-а,— сказала Милка и почему-то сделалась серьезной.

Павлик виновато глянул на меня и сурово сказал Милке:

— Давай решать задачки... раз уж пришла. А то провозимся до вечера.

Я усмехнулся про себя: влип бедняга Павлик. И отправился к себе. Пусть решают...

В тот день рано пришла из техникума Татьяна. Она решила помогать мне готовить уроки и довела до слез. Потом я взбунтовался и довел до слез ее. В этот момент постучал Павлик и вызвал меня на кухню.

— Нарешались? — сказал я.— Ушла?

— Не...— Павлик вздохнул.— Понимаешь, Владька, ей нельзя... У нее отец дома неродной. Такой псих и паразит контуженный... Он над ней всегда издевается, когда матери дома нет. А мать поздно приходит...

Я почувствовал сразу, как неловко ему, как трудно говорить. Он, наверно, в кухню вытащил меня нарочно: здесь в полутьме почти не видно было лиц. Незаметно, если покраснеешь. А я уже знал, что он скажет дальше.

Павлик сказал:

— Знаешь, пускай она... посидит сегодня... у нас. А?

Ну что я мог возразить? В конце концов ведь это она вытащила Павлика из затопленного подвала. Я только спросил:

— А как... А каравелла?

— Ну и что? — быстро сказал Павлик.— Думаешь, она не сможет играть? Думаешь, она глупая? Она только кажется сперва, что глупая, а на самом деле умная. Она...

Вот уж этого я не ждал! Нашу каравеллу, нашу тайну — какой-то девчонке? Павлик спятил! Нет, в самом деле, что за чушь!

Но пока я искал слова, чтобы выразить все возмущение и обиду, Павлик опять торопливо заговорил:

— Ты знаешь, какие она книжечки принести может? У нее дома целая куча, вот честное слово, хоть сам спроси, она сама скажет. Вот увидишь, еще лучше будет. Ты, Владька, только на нее не дуйся, а то она тебя боится.

— Меня?

Честно говоря, я клюнул именно на эту удочку. Все-таки здорово, если тебя, первоклассника, боится такая дылда.

В тот вечер игра не клеилась. У меня слова просто застревали. Стеснялся я при Милке открывать наши секреты и придумывать новые. И злился на нее. Да и Павлику было неловко, он только старался делать вид, что все в порядке.

Наша каравелла увязла на одном месте, словно в мучном киселе. Мы не могли придумать ничего интересного.

Милка, наверно, все понимала. Но не уходила, сидела. Серьезная и внимательная. И вдруг сказала, не глядя на нас:

— Я одну книжку читала про саблезубых тигров. Они на острове жили. Давайте откроем такой остров. И устроим охоту...

Ветер слабо шевельнул наши паруса.

— Это остров — какой? — с надеждой спросил Павлик.

— Как «какой»?

— Ну, какие берега, скалы, деревья? — мрачно пояснил я.— Надо же знать. Думаешь, так просто? Открыли — и все? А вдруг перед ним подводные рифы? Как напоремся...

— Какой ты скорый! — запальчиво сказала Милка.— Открой, тогда и узнаешь! Конечно, рифы... Надо на шлюпке разведать, а не лезть наобум.

— Вот и отправляйся,— предложил я.— На шлюпке... А нам нельзя. Мы руль должны держать и паруса.

— Хорошо,— негромко сказала Милка. Помолчала и заговорила, глядя в огонь:— Ну, вот... Это большой остров... Не очень большой, средний. У него берега высокие. Желтые от глины. И скалы высокие. А наверху сплошные джунгли. С одной скалы бежит в море ручей. А на обрыве стоит каменный идол, большой такой и зубастый. Его дикое племя сделало. Только сейчас племени нет, его все сожрали саблезубые тигры.

— Вот скоты! — обрадованно сказал Павлик и дернул затвор воображаемого карабина. — Ну, мы им дадим!

Вечер окончился полным истреблением свирепых зверей. Только двух мы взяли живьем, чтобы приручить.

И все-таки я ушел тогда от Павлика без сожаления. Вечер был не таким, как раньше. Вдвоем было лучше. Я утешил себя тем, что Милка больше, наверно, не появится.

Но она появилась. На следующий день.

— Смотри, что она придумала! — бодро сказал Павлик, а глаза у него были виноватые.

Милка догадалась, как делать над морями день и ночь. Она принесла два лоскута: белый с вышитым желтым солнцем и черный, шелковистый, с белыми бумажными звездочками. Эти лоскутки можно было по очереди расстилать на тумбочке.

Если бы такое дело выдумал Павлик, я бы сразу сказал, что это здорово. Но сейчас мне стало обидно. Я придрался:

— А если вечер? Или утро? Тогда как, а?

— Что-нибудь тоже можно придумать, — тихо сказала Милка. — Я сегодня дома подумаю.

Она это мне говорила, а не Павлику. Словно спрашивала у меня разрешения. Была она сейчас какая-то нерешительная, сидела на краешке стула и разглядывала свои валенки. В эту минуту я понял: плевать ей на Пашкину арифметику.

— Ну... давайте, что ли, — хмуро сказал я и первым полез под карту, в нашу «каюту».

В тот вечер дела шли лучше. Милка почти не робела, я уже не стеснялся, Павлик был рад, что мы не дуемся друг на друга.

Когда Милка ушла, Павлик потоптался рядом со мной и неловко сказал:

— Послушай... Пускай уж она приходит... если ей так охота...

Что было делать? Я согласился, хотя и без восторга:

— Пускай...

Прошла неделя, и к Милке я почти привык.

Я привык, но все еще смотрел на Милку косо. Это была тоже привычка.

Как-то после уроков Милка догнала меня у дверей школы. Она шла чуть позади, возвышаясь надо мной, как Гулливер над лилипутами. Гулливер в кривом оранжевом капоре. Павлика с нами не было: его оставили учить стихотворение, которое он не выучил дома.

Мы шагали молча, и Милка временами шумно вздыхала у меня за плечом. Это меня злило. А день был синий от неба и ярко-желтый от солнца. Звенела каплями оттепель, и радостно галдели воробьи на потемневшей дороге. Не хотелось ссорить-

ся в такой день. Я решил очень просто отвязаться от Милки: постою с минуту, будто любуюсь каплями, а она пускай двигает дальше.

Я остановился у ржавой водосточной трубы. В полметре от земли она круто изгибалась, а ее срез был украшен сосульчатой бородой. С бороды стеклянным горохом сыпались капли. Иногда они сливались в искристую струйку, но тут же опять разбивались на шарики.

Под трубой была бугристая наледь. Капли выбили в ней ямку с чайное блюдце. Вода в этом круглом озерке брызгала и пузырилась. Ей не хватало места, и она проточила в наледи канавку. Хрустальный ручеек сбегал с ледяной горки и нырял под снежный пласт у тротуара.

Я стоял и смотрел. Эта занудная прилипла Милка тоже остановилась. И вдобавок сказала:

— Как красиво...

Я бросил портфель и сел на корточки. Брызги ледяными иголочками начали колоть лицо. Я подобрал раскисший спичечный коробок и пустил его в пляшущую лужицу. Он запрыгал под ударами капель, а потом боком-боком подвинулся к истоку ручейка, протиснулся в ледяной желобок и заскользил вниз, царапая донышко.

— Как кораблик! — обрадованно сказала Милка. — В него бы Дюймовочку сейчас посадить. Да?

Я хмуро глянул через плечо.

— Чего?

— Дюймовочку... Ты что, не слыхал про Дюймовочку?

Я пожал плечами.

— Ну и что? Наверно, зенитка какая-нибудь. Трехдюймовка — полевая, а дюймовка — мелочь какая-то. Зачем ее на корабль ставить?

Тут я впервые увидел, как Милка хохочет. Она запрокинула голову, зажмурилась и переступала с ноги на ногу, будто стояла босиком на горячем тротуаре. И заливалась: ха-ха-ха-ха-ха... Без перерыва, без роздыха. Капор съехал совсем на затылок и пламенел под солнцем, как петушиный гребень. Волосы сияли медным блеском.

— Дура, — сказал я коротко и сурово. Поднялся и взял портфель.

Смех ее обрезало, будто ножницами. Милка заморгала и жалобно спросила:

— Ну, зачем ты сердишься?

Я не ответил и пошел прочь, гордо помахивая портфелем. Ей, длинноногой, ничего не стоило догнать меня. Она вышагивала сзади и оправдывалась:

— Я же не знала, что ты не знаешь. Дюймовочка — это и не зенитка совсем, а девочка, такая маленькая, меньше спички. Такая сказка есть в книжке...

Подумаешь, девчонка меньше спички!

Я про Гулливера читал, там этими лилипутиками кишмя кишит! Чтобы посильнее досадить Милке, я сказал:

— Если читала, значит, хвастаться надо, да? Ну, давай, давай, хвастайся! Гогочи, как гусыня! Сама тогда наобещала: «Книжек интересных принесу», — а вместо книжек фига. Ни одной еще не дала. Где они, твои книжечки, а?

— Ой, ну пожалуйста! — обрадованно зашепила Милка. — Ну, хоть сейчас! Давай зайдем! Зайдем, а? Ну, Владик...

Она здорово меня упрашивала. Я поупрямился с полминуты и пошел с ней.

Милка жила в одноэтажном бревенчатом доме. Один угол у дома круто осел, и окна перекосились, как у выброшенного на отмель корабля. Я не стал заходить, потому что помнил про Милкиного неродного отца-психа. Милка вынесла мне пухлого «Следопыта» и плоскую серую книгу с тремя сказками: «Дюймовочка», «Стойкий оловянный солдатик» и «Бременские музыканты». До сих пор не понимаю, почему две сказки Андерсена были напечатаны вместе со сказкой братьев Grimm. Потом я долго путал этих писателей.

Сказки я прочитал не сразу, потому что сначала налег на «Следопыта». Читать его было трудно, а оторваться еще труднее.

Так или иначе, с Милкой мы помирились. Правда, через несколько дней снова чуть не получилась ссора. Я пришел к Павлику, когда они с Милкой дружно хохотали, повторяя сквозь смех слово «Дюймовочка». Увидели меня и смеяться перестали. Горькое подозрение зашевелилось во мне.

Павлик сказал:

— Милка рассказывала про Дюймовочку. Как ты подумал, что это пушка.

Я онемел от возмущения. Такое предательство!

Но Павлик продолжал, как о пустяке:

— Только это еще не так смешно. Вот я, когда первый раз слово «каравелла» услышал, думал, что это верблюдца, которая в караване ходит...

Милка снова захохотала. Это было и вправду смешно, и я подавил обиду.

В тот день сырой, тяжелый ветер начал весну. Натужно скрипели заборы. На крышах приподнимались и грохали железные листы. Снег темнел и оседал, как промокший сахар. Из него хорошо было скатывать тугие снежки, но никто не скатывал — такой ветер! Это был зюйд-вест, теплый циклон с южных морей.

Возвращаясь из школы, я встретил двух моряков. Сначала я не удивился. Много моряков лежало в городском госпитале, и перед выпиской они часто гуляли по улицам. Но эти были не из госпиталя. Они шли с автоматами. Странно..

Один был в черной ушанке, второй — в бескозырке. Он шагал, наклонившись навстречу ветру, смеялся и держал в зубах ленточки, чтобы бескозырку не унесло. Совсем как в штормовых книжках о море.

Мне показалось почему-то, что эти моряки и тяжелый, серый ветер связаны друг с другом. Даже представилось на миг, что на реке, под желтыми обрывами, толпятся вперемежку башенные крейсера и высокие бриги с отсыревшими парусами. Но я знал, что река еще подо льдом...

Небо навалилось на крыши громадой темно-синих туч. Эта плотная синева рождала глухое беспокойство. Ветер нес ожидание каких-то непонятных и тревожных событий. И я не удивился, когда такое событие в самом деле произошло.

Исчез Павлик.

Он не пришел из школы.

До вечера никто не беспокоился. Просто некому было беспокоиться до вечера. Только меня грызла досада: носится где-то со своими друзьями, в снежки играет. А может, с Милкой. Читают там свою «Дюймовочку». Хотя нет, книжка-то у меня.

Стемнело, а он не пришел. Может быть, у матери в кино сидит?

Ветер старательно расшатывал дом. Я не стал готовить уроки. Не дождавшись Павлика, я уснул одетым и увидел во сне, что синие тучи — живые. Они тяжело и дружно взмахивали синими крыльями. Павлик держал в стиснутых зубах ленточки бескозырки и прижимался спиной к мокрому забору. Над забором среди брызг и рева ветров медленно поворачивались башни крейсера.

Меня растолкала мама.

— Владька, где Павлик?

Я будто и не спал. Отчетливо понимая, что случилась беда, я тихо сказал:

— Не знаю. Я сам ждал...

За стенкой громко плакала тетя Аня.

— Ты его видел сегодня?

— В школе.

— А потом?

— У них пять уроков было. А у нас четыре. Я домой ушел. А он не пришел... Его нет?

— Его нигде нет, — вполголоса сказала мама. — Анна Васильевна всех мальчишек обегала, тех, кто знает. Где он еще может быть? Не знаешь?

— Не знаю.

Я знал.

Ходики показывали двенадцатый час. По-прежнему ровно и могуче гудел зюйд-вест. Я украдкой натянул пальто и шапку.

На крыльце ветер ударил меня тяжело и упруго, словно спинкой дивана. Я грудью почти лег на тугие потоки воздуха и пошел темными переулками к Милкиному дому. Я не боялся ни темноты, ни жуликов.

Не боялся даже того, что придется среди ночи колотить в дверь чужого дома и будить незнакомых людей. Ветер был такой, что уносил все страхи, как обрывки промокашек.

Ночь свистела в тополях. Она казалась такой же, как та, во время которой погиб старый Билли Бонс. Но сейчас опасность грозила не книжному Билли...

По-моему, я очень быстро добрался до Милкиного дома. А может быть, так показалось: минуты летели стремительно, со скоростью ветра. В окнах была темнота. Я некоторое время спорил с ветром, который навалился на калитку со стороны двора и не давал открыть ее. Потом поймал секундное затишье и проскочил во двор.

На крыльце я впервые почувствовал опасение. И тогда, чтобы оно не успело вырасти, я несколько раз ударил валенком в дверь. Бухающие удары мягко отдались в доме. Мне вдруг очень захотелось, чтобы никто не ответил, не вышел. Но пока я так думал, в окошке рядом с крыльцом засветилась желтая щель. Потом взвизгнула дверь в коридоре, и заспанный, хриплый голос мужчины сказал:

— Ну вот... Кого там еще?

— Милку надо! — с отчаянной решимостью потребовал я. Кажется, и мой голос тоже прозвучал сердито и хрипло.

Я ждал ругательств и расспросов, но услышал, что дверь захлопнулась. Вот и все. Никто, конечно, Милку не позовет.

Но щель в окошке не гасла. Потом опять завизжала дверь и зажегся свет в коридоре.

— Кто? — негромко спросила Милка.

— Открой.

Она открыла, больше не спрашивая. И сказала без удивления:

— А, Владька...

— Где Павлик? Знаешь?

— Нет, — поспешно сказала она. — Вот чудной. Ну, откуда же я знаю? Ничего я не знаю.

— Он тебе ничего не говорил?

— Ничего.

Вот и все. Спрашивать больше было нечего. Милка стояла на пороге, переступая большими мужскими валенками и придерживая на груди пальтишко.

— Ладно, я пошел.

— Подожди... А его дома нет, да?

«Вот дура», — подумал я.

Она окликнула снова:

— Владька! Ты не бойся... С ним ничего не будет.

— Иди домой, — сказал я от калитки.

Теперь ветер бил в спину. Он донес меня до дома, как перышко. А на пороге, тоже как перышко, меня подхватила мама и наградила довольно весомым подзатыльником.

— Негодный мальчишка... Прикажешь еще из-за тебя нервы трепать?! Мало нам одного... Где ты был?

— У девочки одной... Про Павлика узнать.

— У девочки... — сказала мама, остывая. — Ну... узнал?

— Ничего она не знает.

— Тоже додумался! Один, ночью! Мог бы ведь меня позвать!

Я молча разделся и залез под одеяло. «Меня позвать!» Кто слышал, чтобы капитаны, отправляясь в поиски, брали с собой мам?

Я лег, и тут пришла запоздалая обида.

— На улице такой ветрище, — громко сказал я, — такой холод, а она дерется! Драться-то легко...

— Мало тебе еще, — заявила со своей кровати Татьяна.

Я свернул в тугую муфту подушку, чтобы запустить ею в любимую сестрицу. Но тут навалилась усталость, которая не оставила места ни для обид, ни для тревог. Я уснул, как провалился.

Наутро я узнал, что Павлика по-прежнему нет.

— Поторапливайся, — сказала мама.

Мысль об уроках мне казалась дикой. Но маме она дикой не казалась, и меня прогнали в школу.

В школе никто не знал, что Павлик потерялся. То есть учителя, наверно, знали, но ребятам не говорили. Милку я не нашел: видимо, не пришла.

Уроки тянулись с издевательской бесконечностью. Я списывал с доски примеры, писал в тетрадке какие-то слова, смотрел в «Книгу для чтения», а мысль была одна: «Павлик... Павлик... Павлик... Павлик... Павлик... Павлик...»

Может быть, он попал под грузовик? Но тогда мы это уже знали бы. Может быть, его убили грабители? Но зачем его грабить? Пальто все в заплатках, валенки дырявые. Может быть, его похитили шпионы? Но для чего? Если бы у него отец был какой-нибудь важный командир... Но у него и до войны отца не было никакого...

Уроки все-таки кончились. Нельзя сказать, что я мчался к дому стрелой. Я боялся узнать, что еще ничего не известно.

Павлик был дома.

Мама тоже была дома, собиралась в редакцию на ночное дежурство. Она рассказала, что Павлика принес на руках пожилой, хмурый железнодорожник. Он посоветовал тете Ане выдрать своего беспутного сына. Тетя Аня драть Павлика пока не стала, потому что у него болело разбитое колено. Она только заплакала, велела Пашке лежать и ушла на работу.

С Павликом случилось вот что. Вчера на улице он, как и я, увидел моряков. И по-

шел за ними. Моряки шли на станцию. Там на дальних путях стоял эшелон. Морской эшелон. На площадках товарных вагонов стояли матросы с черными автоматами. Пересекая стрелки, выскакивая из-под вагонов, огибая шипящие паровозы, к теплушкам бежали моряки. Вдоль состава пролетел лязгающий грохот. Вагоны тронулись. Видимо, Павлик решил, что сейчас или никогда. Судьба посылала ему удивительный случай. В одну секунду он мог оказаться в мире замечательных людей, черных бушлатов, боевых автоматов. А дальше — стальные настоящие корабли, настоящее море, матросский воротник и звание юнги... Он сжал зубами ручку портфеля и прыгнул на подножку...

Наверно, это было так. Точно я не знаю. Говорить об этом с Павликом не пришлось.

Эшелон шел без остановок до ночи. Он спешил на восток. На Дальний Восток.

Ночью на маленькой станции, когда за Павликом пришли два милиционера, он прыгнул из вагона, не устоял и, упав, ударился коленом о рельс...

Едва дослушав маму, я бросился к двери.

— Не ходи,— строго сказала мама.— Он сейчас спит.— И добавила вполголоса:— Фокусники...

Через полчаса громко ухнула перегородка. Это Павлик, вызывая меня, бросил валенком в стенку...

Он сидел в кровати, укрывшись до пояса одеялом. Там, где у Павлика было колено, рыжее одеяло вздулось, будто под ним лежал футбольный мяч. Столько бинтов намотали.

Я стоял и смотрел на эту одеяльную опухоль. Павлик тоже стал смотреть на нее. Обоим было неловко.

— Болит? — спросил я.

— Сейчас не болит. Вчера здорово болело.

— Как это ты стукнулся?

— Об рельс...

Мы замолчали... Нам впервые трудно было разговаривать. Павлик нехотя спросил:

— Тебе, наверно, все рассказали?

— Ага.

Я видел: ему не хочется рассказывать. Кому приятно говорить о своем поражении?

— Тетя Аня сильно плакала,— хмуро сказал я.

— Знаю... Беспокоилась.

— Думаешь, я не беспокоился? — сердито спросил я.

Павлик спокойно повторил:

— Я знаю. Но это же недолго. Завтра бы Милка все рассказала.

— Милка?!

Он даже вздрогнул.

— Милка? — сказал я.— Она знала?

— Ну... да,— кивнул Павлик.— Она же

со мной была. До самой станции, до вагона. А ты думал, я никому, что ли, не сказал?

Такой был ветер в ту ночь... Наверно, раз в сто лет бывает такой ветер. С ног сбивал. А я шел. Я шел, чтобы правду узнать, а она...

— Что ж она мне наврала? Я же ночью нарочно ходил...

— Она не виновата. Я ей велел два дня никому не говорить.

— И мне?

— Я ей просто сказал: «Никому». Ну, Владька, некогда же было!

— «Некогда»... — сказал я.— Ей, значит, можно было знать, а мне нельзя, да?

— Тебе же лучше. Тут бы из тебя все жилы вымотали: как, да что, да не знаешь ли... А так ты и по правде ничего не знал.

— Думаешь, проболтался бы, да?

(Конечно, молчать было бы трудно, когда видишь, как убивается Пашкина мать. Но он-то этого не знал. Как он смел во мне сомневаться?)

— Врешь ты,— сказал я.— Ты нарочно велел не говорить мне. Скажешь, не нарочно? Ну, скажи «честное морское».

Он молчал.

— Я тебе всегда все говорил,— с горечью сказал я.— А ты...

— «Всегда»... Что ты мне говорил?

— Все говорил! Как в ручей в овраге провалился, говорил! И как два патрона нашел! И как в тетрадке «кол» соскоблил и как...

Я вдруг замолчал. Да, я открывал ему все свои тайны, но что это были за тайны! Подумаешь, «кол» в тетрадке...

Ну, а разве я виноват, что большой тайны у меня никогда не было? Разве бы я скрыл?

Мы оба читали одни и те же книжки — про людей откровенных и надежных, как сталь. Мы оба знали одни и те же законы верности и чести. Оба знали, что в друзьях не сомневаются, не лгут, не предают их. Он нарушил закон.

— Предатель,— сказал я. И это был конец.

— Кого я предал? — спросил Пашка и, шевельнув ногой, сжал зубы. Наверно, от боли.

— Сам знаешь, кого. Конечно, не ее, не Милочку свою. Целуйся теперь с ней, с невестой...

— Заткнись,— внушительно посоветовал Павлик.— Думаешь, если нога болит, так я не встану?

— Встань,— сказал я и ощутил прилив ясного бесстрашия. Обида заливала меня, как спокойная нарастающая вода.— Ну, встань, я не убегу. Не бойся, я маленький. Стукнуть можно, сколько хочешь. Думаешь, я тогда не скажу, что ты предатель?

— Слезки уже капаят,— мрачно заметил Павлик.— Нюня. Правильно, что она не сказала тебе.

Слезы еще не капали, но были уже близко. Чтобы он не видел их, я ушел, захлопнув дверь, которую потом не открывал ни разу.

Один

С этого дня мы стали жить порознь. Каравелла больше не уходила в опасные плавания. Видимо, навсегда она осталась в скучной болотистой лагуне. Обрастали тягучими лианами мачты, ветшали паруса. Киль покрывался наростами из ракушек. Днище точили морские черви торадо...

Милка больше не приходила к Павлику. Может быть, он и с ней поссорился?

От скуки я взялся за Милкину книжку и прочитал всю. «Дюймовочка» мне не понравилась. «Оловянный солдатик» понравился. Это была смелая сказка, хотя и с грустным концом. Я ее читал три раза. А «Дюймовочку» больше не читал — было почему-то грустно.

Иногда я думал о том, как все глупо получилось. Столько было хорошего, а потом один короткий разговор — и все. Разве так бывает, если настоящая дружба?

Но разве была не настоящая?

Временами казалось мне, что ничего не случилось. Особенно по вечерам. Я слышал сквозь тонкую стенку, как Павлик ходит по комнате, двигает поленья у печки, шелестит листами книги. В такие минуты я был почти уверен, что все можно поправить. Надо пройти через кухню, тихо потянуть на себя дверь. Она отойдет с жалобным скрипом. Павлик шагнет из полумрака и тихо скажет: «Пришел... Хочешь хлеба?»

Наверно, так и надо было сделать. Надо было... А я сидел один в своей комнате и листал давно прочитанные книжки.

Однажды Павлик подошел к моей двери.

— Владька...

— Что? — откликнулся я, и сердце у меня подпрыгнуло.

— Ну, открой.

— Зачем? — капризно сказал я. Дурацкое упрямство подавило секундную радость.

— Просто так,— тихо сказал Павлик.

— «Просто так» делает дурак,— холодно сообщил я.

Павлик помолчал. Потом медленно спросил:

— Трудно, что ли, открыть?

— Мне мама не разрешает никому открывать.

Павлик вздохнул, постоял еще и заша-

гал к себе, шлепая по полу оторванной подошвой подшитого валенка. Потом я услышал, как он оделся и ушел из дому.

Я все еще стоял и смотрел на дверь, которую не открыл. Она была в желтых чешуйках облупившейся краски. По чешуйкам, неловко семеня, спешил вверх маленький серый паук.

Я вернулся в комнату, лег на кровать и отвернулся к стене. В доме было тихо и пусто.

Через неделю Павлик с матерью уезжали. Не знаю точно, что случилось. Подруга тети Ани уступила им, не то навсегда, не то на время, маленький свой дом на соседней улице, а сама куда-то укатила.

Я стоял, прижавшись щекой к стеклу, и смотрел, как Павлик уезжает.

День был теплый, но серый и скучный. Низкорослая печальная лошадь подтянула к крыльцу широкие сани. Круглые бока лошади были сырыми. Волос на них слипся в кривые, короткие сосульки.

Где-то среди веток отчетливо и громко кричал воробей: «Чиф!.. Чиф!.. Чиф!..» Лошадь дергала ушами. Ей, наверно, не нравился этот надоедливый крик. Мне он тоже не нравился.

Анна Васильевна и Павлик выносили вещи. Знакомые стулья с «петушиными» спинками, тумбочку с фарфоровым шариком вместо ручки, желтую этажерку. Под открытым небом эти вещи казались маленькими и какими-то беззащитными. Стали хорошо видны их царапины и заплаты.

Павлик вынес одноухого медведя. Он поставил его на облезлый чемодан. Однако чемодан лежал криво, и медведь медленно поехал с желтой клеенчатой спинки. Павлик снова взял его на руки и сам устроился на чемодане, уцепившись локтем за спинку перевернутого стола.

Я торопливо отошел в глубь комнаты: показалось, что Павлик сейчас обязательно взглянет на мое окно. Он не взглянул. Сидел и смотрел на своего медведя, будто в первый раз увидел. Наверно, нарочно. Ну и пусть!

Анна Васильевна тоже села в сани. Вещей набралось немного, ей хватило места. А возчик не сел. Он дернул лошадь за повод и повел со двора. Сани описали на сыром снегу широкий полукруг и поползли в открытые ворота. Павлик зажал медведя между колен и теперь держался за ножку стола двумя руками. Он сидел, съежившись, и я не видел его лица. Видел только серую ушанку с распущенными завязками. Потом сани скрылись за распахнутой половинкой ворот.

— Чиф,— орал бестолковый воробей.— Чиф!

— Дурак,— сказал я ему, чтобы не за реветь.

Пошли одинаковые серые дни.

Нельзя сказать, чтобы грызла меня все время тоска. Нет, ведь надо было и в школу ходить и домашние задания готовить. Надо было и в овраг сбегать, где по-прежнему катались с крутых склонов мальчишки. Погода стояла непонятная: не весна и не зима. Но снег еще держался. Я приходил домой в сумерки, промокший, со снежными крошками в валенках. Уставший и потому сердитый. Раздевался, не отвечая на Танькины упреки. Потом садился на кровать, лицом к стене, и устраивал для себя «кино»: старался так сложить пальцы, чтобы тень от них стала похожа на какого-нибудь зверя. Я хорошо умел показывать орла, зайца, собаку, слона, но одни и те же фигуры надоедали быстро. Я начинал придумывать новые. Не очень веселая была это игра, но все-таки...

Татьяну раздражало мое молчание. Она не выдерживала:

— Ну что за человек! Сопит, молчит весь вечер! Какие-то кукиши показывает! Смотреть тошно...

Если мы были одни, я отвечал, не оборачиваясь:

— Не смотри.

Если дома была мама, я со слезами в голосе требовал справедливости:

— Мама, ну чего она привязывается!

Мама заступалась:

— Не трогай ты его...

— Смотреть тошно,—повторяла Татьяна. Разозлившись, я показывал ей настоящий кукиш.

Однажды я слышал, как мама Татьяне сказала:

— Неужели не понимаешь? Скучает он один. Раньше-то как хорошо было.

Потом она спросила меня:

— А почему Павлик ни разу не пришел? Он ведь недалеко живет.

Если бы она знала! Но она не знала ничего. Не потому, что я привык скрывать. Просто я чувствовал, что мама здесь не поможет.

Павлика я видел в школе каждый день. Издалека видел. И он меня замечал, конечно, только не подошел ни разу. Ну и я не подходил. Просто я был уверен, что старого не вернуть, раз затрещала и пошла ко дну наша каравелла. Раскололась дружба. И Павлик, видимо, решил так же.

«Кино» на стене мне скоро надоело, и я придумал другую игру.

Иногда мама приносила с базара кульки с кедровыми орехами. Ух, как я их любил! Щелкал я их лучше всех, как белка. И не жевал по одному ядрышку, а собирал целую горсть и потом уже отправлял в рот. И все же я понял наконец, что самое ценное в орехах не ядра, а скорлупа. Потому что каждая скорлупка — кораблик.

Я наливал воду в синюю пластмассовую

тарелку, выстраивал вдоль полукруглых берегов ореховые эскадры. Они готовились к схватке, потом сходились в бою. Шли на таран, на абордаж... Наполнившись водой, скорлупки шли на дно, как настоящие корабли.

Тихая была это игра. Если со стороны смотреть, то, наверно, скучная. Но я не скучал. Здесь требовалось искусство, почти как в шахматах. Надо было знать, когда идти в обход, когда бросаться в атаку, когда открывать огонь или уходить под прикрытие мыса Чайная Ложка.

Был в этой игре отголосок наших с Павликом корабельных вечеров. Слабый отголосок...

Особенно мне нравились скорлупки от высохших орехов. Тонкая кожица пустых ядрышек ссыхалась и торчала из скорлупы длинными стерженьками. Как мачты. Такие кораблики с мачтами я ставил во главе эскадр и соединений.

Мама иногда молча, смотрела, как я спичкой передвигаю в синей тарелке боевые корабли. Я чувствовал, что она смотрит, но не оглядывался. Мне казалось, что маме почему-то грустно.

Только один раз мама сказала:

— Капитан ты мой... Вот найти бы тебе грецкий орех. Из него бы получился корабль...

— Какой это грецкий? Греческий?

— Да нет. Просто такое название. Это большие орехи, вот такие.— Мама сложила в кружок пальцы.

Я не поверил. Не бывает таких орехов. Мама улыбнулась:

— Ты забыл. Когда ты был маленький, у нас такие орехи висели на елке.

Ну, если когда маленький, тогда другое дело. Маленьким я был до войны. Тогда, говорят, не было хлебных карточек, был дома папа, а в магазинах продавались настоящие альбомы для рисования.

Мне расхотелось играть. Я сел к окну. В этот вечер не были почему-то закрыты ставни. Я увидел темно-зеленое небо, снежные ветки и маленький желтый месяц. Он сидел на скворечнике, как забравшийся на крышу мальчишка. Я отодвинулся. Месяц прыгнул со скворечника и повис среди мелких звезд, слегка опрокинувшись на спину. Он был похож на половинку золоченого грецкого ореха. Я вспомнил. Вспомнил такие орехи, покрытые золотистой пылью. Среди густой темной хвои они поворачивались на длинных нитках. По ним прыгали крошечные зайчики от желтых свечек. Свечки тихо шептались. Блестели шары. Пахло праздником и сказкой.

Мне бы один такой орех из той сказочной жизни, когда я был маленький. Даже не орех, а скорлупку. Я смастерил бы из нее флагман для своей эскадры, крутобокую бесстрашную каравеллу...

Цунами

Через неделю в комнате Павлика поселилась другая семья: сутулый, вечно кашляющий токарь с номерного завода — дядя Глеб, его жена тетя Ага — толстая продавщица из какого-то магазина и сын Борька по прозвищу Ноздря.

Ноздря был гад. В школе он отбирал у малышей тощие завтраки, продавал поштучно старшеклассникам самокрутки, хвастался новыми хромовыми сапогами и противно ревел, когда его запирали после уроков в пустом спортзале.

Тетя Ага была ему мачеха, но никогда не обижала, заступалась перед отцом. Она таскала Борьке шоколад и махорку, а он спекулировал этим товаром в школе.

Меня Ноздря невзлюбил с первого дня.

Мы «познакомились», когда он, только что приехав, сидел на лавочке, у крыльца, а я возвращался из школы.

— Птенчик ты мой, — заговорил Ноздря с ласковой укоризной. — Знаешь, что я сейчас сотворю?

— Эй ты, фраер, — лениво окликнул он. — Куда прешь?

Я с любопытством, но без боязни поглядел на белобрысого мальчишку с ленивым лицом и бесцветными ресницами. Потом уверенным голосом поставил его в известность, что здесь живу.

— Живешь? — холодно удивился он. — Жил ты здесь, это точно. А сейчас твоя жисть кончилась. Капут.

Спокойной жизни действительно пришел «капут». Подзатыльники, «шалабаны», комки снега за воротом «украшали» мои дни так сильно, что я не видел света. Не было покоя даже дома. Ноздря проковырял в тонкой перегородке дырку и обстреливал меня из резинки проволоочными скобками. Он ухитрялся попадать по ушам, и боль была ужасная.

Учился теперь Ноздря в нашей школе, в пятом классе. На переменах он меня не трогал, но дорога в школу и обратно казалась мне пыткой. Она была полна страха перед новыми Борькиными издевательствами.

Однако бывали и у Ноздри черные времена. Иногда по вечерам дядя Глеб лупил его ремнем за двойки, курение и прочие грехи. Я утыкался лицом в подушку и зажимал уши, чтобы не слышать звуков расправы, но это не помогало. Ноздря пронзительно верещал.

На следующий день Ноздря бывал злым, как сто голодных дьяволов. Он ненавидел меня за то, что я знал о его унижении. Он думал, что я радуюсь его беде.

Особенно возненавидел он меня с тех пор, как я забрал карту. Нашу с Павликом карту. Павлик не увез ее, оставил в пустой комнате. Однажды в коридоре я увидел, как тетя Ага таскает в кладовку чемоданы и корзины. Дядя Глеб и Ноздря помогали ей: тоже носили какое-то барахло. Тут-то я и увидел карту. Ноздря волочил ее, свернутую, по полу.

— Это наша! — крикнул я с внезапной яростью. — Куда тащишь, ворюга?!

Ноздря медленно повернул ко мне рыбье лицо. Сказал шепотом:

— Иди отсюдава... знаешь куда?

Никуда я не пошел. Мертво вцепился в карту и рванул к себе.

— Что за шум? — спросил дядя Глеб.

Чувствуя, что разревусь, я заговорил торопливо и зло:

— Это наша! Мы с Павликом играли! Он мне оставил, а не вам! Не имеете права! Все равно моя...

— Отдай, — сказал Борьке дядя Глеб.

Ноздря выпустил карту, и я полетел с ней спиной вперед к дверям. Тетя Ага вопила вслед:

— А ворюгой нечего лаяться! Ты видел, как он ворует? Видел, а? Интеллигентия вшивая!

Карту я повесил на стену, которая отделяла нашу комнату от Борькиной. Я вбивал гвозди, мстительно грохоча молотком по шатким доскам. Карта закрыла дырки, которые Ноздря проковырял для обстрела. Но он потом все равно провертел одну в карте — в западном побережье Австралии.

Борька спекулировал не только в школе. Видели его не раз и на барахольном рынке — толкучке. А однажды я встретил его рядом с кассами кинотеатра.

Мы оба пришли туда после уроков. Я — чтобы взять билет на картину «Волшебное зерно», Ноздря — по своим делам.

Окошечки касс были на улице. Билетов не оказалось, но неподалеку толклись и шумели ребята. Знакомые, из нашей школы, и чужие.

— Греческие орехи дают! — возбужденно сообщил мне второклассник Володька Одинцов.

«Греческие» орехи «давал» Ноздря. По три рубля за штуку. Покупателей хватало. Все равно билетов не было, и ребята без раздумий отдавали скомканные трешки за невиданное чудо. А разве не чудо? Многие про такие орехи и не слышали. Большие, желтые, они деревянно постукивали в Борькиных ладонях.

— А ну, налетай! Потом пожалеете! У мамы таких не допроситесь!

Я протолкался к Ноздре. Я боялся, что он и здесь не забудет о своей вражде, но не вытерпел. Помнил об «ореховом фламане».

Ноздря не подал вида, что знает меня. Сунул за пазуху деньги, протянул орех и снова призывно заголосил.

Орех был бугристый, скользкий и холодный. Я расколотил его, обломком кирпича на тротуаре. Не очень удачно расколотил: одна половинка скорлупы треснула. Но вторая была совсем хорошей. Я вынул из нее ядро. Вернее, это было не ядро, а темные пыльные крошки. Горькие.

Я снова протолкался к Ноздре:

— Борька! Он же гнилой!

Ноздря бросил на меня стремительный ненавидящий взгляд.

Сказал одними губами:

— Пошел...

Я ушел. Что я мог сделать?

Ладно. В конце концов главное то, что скорлупа была подходящая.

Домой я решил не ходить: боялся, что Татьяна уже вернулась из техникума и будет засаживать меня за уроки. Я отправился на школьный двор. Там за поленницей был мне известен незаметный уголок.

В карманах и портфеле нашлось все, что было нужно для постройки: свечной огазок, нитки, спички.

Я разжевал парафин и белой мякотью заполнил трюм будущей каравеллы. Потом воткнул в парафин две спички-мачты, укрепил на носу спичечный бушприт. Поставил клетчатые бумажные паруса и долго возился, натягивая нитяные штаги и ванты.

А потом вышел на улицу и пустил легонькую крутобокую каравеллу в синий разлив уличной весенней воды.

Каравелла не успела уйти от берега: я заметил Ноздю. Он шагнул в мою сторону. Я торопливо спрятал кораблик в портфель, но сам исчезнуть уже не смог.

Ноздря прижал меня к шаткому заборчику и лениво проговорил:

— К мамочке домой хотел смыться? Фиг тебе. От меня не сбежишь.

Для начала он дернул меня к себе, дал ладонью по шапке и снова прислонил к

скрипучим доскам. Медленным шепотом сказал:

— Стой и не дрыгай никуда, сявка. А то хуже будет...

Этот страшный шепот меня всегда словно заколдовывал. Я стоял, придавленный тоскливым страхом и беспомощностью. Ноздря аккуратно поставил свой разбухший портфель на просохший пятачок у телеграфного столба. Потом из грязных снежных крошек начал скатывать плотный шарик. Я подавленно следил за его работой. Руки у Ноздри были худые, покрытые какой-то серой несмываемой корочкой, с черными полосками ногтей. На костяшках пальцев сидели чернильные капли. На тыльной стороне левой кисти, у большого пальца, был нарисован чернилами кривой якорь. Пока Ноздря мял снег, якорь то сжимался, то растягивался.

Скоро шарик был готов. Скрюченным указательным пальцем Ноздря попытался оттянуть ворот моего пальтишка, но там была крепкая застежка с крючком.

— Ну-ка ты, мамина радость... давай, расстегивай,— сказал он с холодной деловитостью палача.— Видишь, у меня руки заняты.

Он придвинулся вплотную. Я близко увидел его лицо с удивительно чистой, какой-то неживой кожей, бесцветные глаза с покрасневшими веками и гнилые зубы. Мгновенная ненависть перехлестнула страх, и я влепил мокрой варежкой по отвратительной роже.

Наверно, удар был очень слабый. Ноздря даже не качнулся. Секунды две он удивленно моргал, а потом по его лицу расползлась улыбка. Довольная улыбка человека, который добился, чего хотел. Еще бы! Теперь он мог сделать со мной все, что угодно! Была причина.

— Птенчик ты мой,— заговорил Ноздря с ласковой укоризной.— Знаешь, что я сейчас с тобой сотворю?

Я не знал, но догадывался: сотворит что-то ужасное. Помню, что стало больно позвоночнику: так я прижался к забору. Ноздря стал протягивать к моему лицу растопыренную ладонь. Потом рот его округлился, рука остановилась, и он осел к моим ногам.

Тогда я увидел Павлика.

Видимо, он незаметно подошел сбоку и резким ударом «под дых» посадил моего врага на тротуар.

Ноздря пытался вдохнуть и хлопал губами. Павлик, не глядя на меня, поднял его за воротник и за штаны и крепким вратарским ударом отбросил в серое месиво тающего снега. Именно так он выбивал из ворот на школьном дворе круглую обледелую «мяпу». Наверно, мне показалось, но тогда я был уверен, что Ноздря несколько метров летел по воздуху.

С изумлением, еще не успев обрадоваться, я смотрел, как рассыпается в пыль могущество моего мучителя. Павлик, проваливаясь в снег ботинками, подошел к Ноздре и нанес по-настоящему сокрушительный удар. Ноздря, задрав подбородок, воткнулся затылком в снежную кашу. Павлик снова рванул его и выволок на тротуар. Там он сказал Ноздре несколько слов, из которых «фашист» и «шакал» были самыми мягкими. Ноздря сидел, упираясь грязными ладонями в доски, и скулил.

— Исчезни,— велел Павлик.

Ноздря поднялся и заковылял назад, к школе, грозя привести друзей и учинить ужасную расправу. Портфель остался у столба. Ударом ноги Павлик отправил его вслед хозяину. Портфель шлепнулся на тротуар, как громадная жаба. Крышка отскочила. Выкатились на свет две черных печеных картофелины и пачка махорки. Махорка упала в лужу и поплыла размокать...

Что я чувствовал? Шевельнулась вдруг непонятная жалость к побитому врагу, особенно когда увидел две его картофелины. Но радость была сильнее. Я вдруг сразу заметил, какой разноцветный вокруг день. Солнце блестело на светло-зеленой коре тополиных веток. Тротуары были желтыми от яркого света, а тени на них фиолетовыми. А лужи были такими синими, что даже не знаю, с чем их сравнить.

А Павлик? Он отряхивал с колен снежные крошки и на меня не смотрел. Мне тоже было неловко. Что теперь делать? Мириться? А как?

А может быть, Павлик затеял драку не из-за меня? Может быть, у него с Ноздрей были свои счеты?

Больше всего я боялся, что Павлик уйдет. Повернется сейчас и зашагает прочь, будто меня и нет. Он умел так уходить — независимый, прямой, спокойный... Подойти к нему сам я тоже не решался. Подойдешь, а он и не взглянет...

Я отошел на несколько шагов, сел на корточки у края лужи и достал из портфеля кораблик. Он запрыгал по маленьким волнам на краю синей воды, сделал небольшой полукруг и резво побежал на середину лужи, которая разлилась от тротуара до тротуара.

Рядом со мной легла на воду тень, и я услышал голос Павлика:

— Мачты маленько неправильные. Надо повыше.

— Торопился,— хриловато сказал я, не отрывая глаз от каравеллы. Я готов был согласиться с чем угодно, лишь бы Павлик не уходил.

— Ты переделай,— посоветовал Павлик.— Она быстрее будет бегать...

Я кивнул.

Кораблик метрах в трех от берега уткнулся бушпритом в мятую жестяную банку из-под американской тушенки. Желтый бок ее отсвечивал ярким золотом, а на нем, как зловещий знак опасности, чернела буква.

— Вот...— сказал я.— Как теперь переделывать? Его не достанешь...— А сам подумал: «Ну, пожалуйста, не уходи!»

— Достанем,— отозвался Павлик.— Сейчас палку добудем какую-нибудь...

Но добывать палку не пришлось. За поворотом визгливо завыл мотор, и выскочила из-за угла полуторка. Это был лихой грузовичок, заляпанный грязью по самые стекла. Водитель решил с разгона проскочить громадную, на полквартила, лужу. На всем ходу взрезал колесами воду.

— Цунами! — крикнул Павлик непонятное слово.

По тротуару застучали вокруг нас грязные капли. Гребень взбаламученной воды оторвал ореховую каравеллу от банки и вынес к нашим ногам. Положил на борт. Но она, круглая, маленькая, упрямо, как Ванька-встанька, поднялась, покачалась и встала прямо.

Павлик засмеялся, повернул ко мне забрызганное лицо:

— Ух, какой ты разукрашенный!

— А сам-то!

Он поднял кораблик и протянул мне.

— Пойдем к нам, умоешься. А то Татьяна тебя пилить будет.

— Пойдем,— торопливо сказал я.— А что такое цунами?

— Большая волна. Когда на дне моря землетрясение или вулкан, она катит на берег и все разрушает. Корабли выбрасывает, города смывает.

— А-а...— сказал я.

Павлик был рядом. Никакие цунами были не страшны. Он сам сегодня обрушился на Ноздю, как цунами.

Павлик жил теперь в пяти кварталах от нас, в крошечном домике, который стоял в глубине двора. Внутри все было, как раньше: те же стулья с петухами, наша тумбочка, мишка на комоде. Только вместо круглой печки в углу белела плита с узкой дверцей.

На эту плиту, еще не остывшую с утра, Павлик поставил мои размокшие ботинки. Я следил с некоторой тревогой: помнил, как он спалил свои валенки. Ботинки у меня были новые, мама накануне получила их по ордеру.

Павлик притащил сковородку с макаронами. Чиркнул по слипшимся макаронам ножом — пополам. Потом, деловито работая вилкой, спросил:

— А чего этот гад к тебе прискребается?

— Ноздря? А я не знаю. Он давно... Он, наверно, из-за карты...

И я рассказал, как отстаивал нашу карту.

— Ты ее... принеси завтра. Ладно? — вдруг тихо попросил Павлик.

— Завтра?

— Ну да... Разве ты вечером не придешь? Завтра воскресенье как раз...

Я, конечно, приду! Прилечу! С картой? Значит, Павлик хочет, чтобы все было, как раньше?

Неужели можно сделать все, как раньше?

Наверно, можно... Конечно, можно, раз Павлик сказал.

— А сегодня нельзя?

Павлик вздохнул:

— Сегодня у мамы на работе буду весь вечер. Заставляет при ней уроки делать. Ругается...

Я начал натягивать еще сырые, но теплые ботинки. Потом я полувопросительно сказал:

— До завтра...

Не раздумал ли Павлик?

— Ты смотри, обязательно приходи,— неловко попросил он.— А если этот псих еще полезет... А почему ты Дыркнабу не сказал, что он к тебе пристаёт?

— Дыркнабу?

— Ну да! Он же эту Ноздю видеть не может. Он за тебя ему бы башку оторвал.

— Я... не знал... Павлик, а почему его так зовут — Дыркнаб?

— Не знаю. Знал, да забыл.

Я ушел. Я был уже за калиткой, когда Павлик окликнул меня:

— Владька! Постой!

— Что?

— Я знаю. Вспомнил. Его так еще давно прозвали. Он тогда хвастался, что знает, как по-немецки «мальчик». Ну, услышал где-то. А мальчик по-немецки — «дэр кнабэ». Ну вот его так и стали дразнить. А потом это переделалось в Дыркнаба... Ну ты, смотри, приходи.

Я кивнул. Я знал, зачем он догнал меня. Плевать ему на Дыркнаба. Он хотел убедиться, что я обязательно приду.

Вечер

Я вернулся домой. Крепкая, сдержанная радость двигала мной, как тугая пружина. Солнце сделалось ярким, будто ему в два раза увеличили напряжение. Оно дробило в стаканах ослепительные искры и торжественно горело на медном животе самовара. Самовар, казалось, даже помолодел от этого блеска. Часы стучали весело и часто. Видимо, торопились подогнать время к завтрашнему дню.

Я распаковал кастрюлю с вареной картошкой, закутанную в старый ватник, по-

том в сенях отыскал банку со своей порцией молока. Молоко было ледяным, картошка вздымала клубы горячего пара. Обед получился царский.

Затем я добросовестно протер клеенку и разложил тетради. Упражнение по письму было громадным: восемь строчек. Вчера я впал бы в глубочайшую тоску от такого задания. Но сейчас я написал упражнение, посмеиваясь и даже слегка издеваясь над учебником: «Подумаешь, испугал!» Задача и четыре столбика примеров решились словно сами собой. Стихотворение про весну не пришлось даже учить: оно запомнилось с первого раза.

Я кончил готовить уроки и слегка испугался. Куда девать время? День был еще в разгаре. Идти на улицу я не хотел. Не потому, что боялся встретить Ноздю. Теперь-то я его ни капельки не боялся. Но мне казалось, что на улице, среди солнца, среди веселого гвалта воробьев и синего блеска луж моя радость от встречи с Павликом может потускнеть и рассеяться. Счастливое ожидание завтрашнего вечера я боялся растерять среди уличных игр и забот.

К счастью, вспомнил я, как Антонина Петровна говорила, что на Первомайском утреннике мальчишки из нашего класса будут изображать красных конников. До Первого мая было еще ужас как далеко, но я отыскал несколько старых газет и начал клеить красноармейский шлем. Клеил я неторопливо, накрепко, в несколько слоев, смазывая листы вареной картошкой. Когда дело было закончено, я вытащил коробочку с протертыми насквозь кирпичиками красок. Надо было выкрасить шлем в зеленый цвет.

И тут я заметил, что уже не различаю красок. День угасал, и в комнату ползли серые сумерки. Кирпичики в коробочке казались одинаково темными и бесцветными.

Я зажег лампочку и при желтом ее свете развел в блюде зеленую акварель. Выкрашенный шлем мне очень понравился. Правда, газетные буквы проступали сквозь краску, но зато я пришил над козырьком голубую клеенчатую звезду (пришлось отрезать полуоторванный угол столовой клеенки). Я знал, что звезды на шлемах наших кавалеристов были голубыми.

Работа была окончена. Я устало потянулся и с некоторым беспокойством оглядел комнату: всюду обрезки газеты, на полу раздавленная картошка, на столе зеленые лужицы. Пока никто не пришел, надо было браться за уборку. И только тут я сообразил, что прийти-то давно пора. И маме и Тане. За окнами стояла почти полная темнота, стрелки ходиков подползали к восьми. Дом наполняла тишина, состоявшая из тиканья часов и мышиной возни.

Кажется, я снова попал в «утык».

И, представьте себе, впервые в жизни я не испугался. Подумаешь, беда! Заберусь на кровать и буду снова читать сказку про стойкого оловянного солдатика. Или лучше про Дюймовочку. Уж теперь-то ее можно читать без грусти. Так я и сделал: убрал мусор, запер дверь, взял книжку и с ногами залез под одеяло.

Я успел только прочитать, как скользкая жаба утащила Дюймовочку в свое болотное гнездо. В дверь застучали. Забарабанили. Я обрадованно вскочил. Конечно, хорошо читать в тишине сказки, но лучше, когда в доме ты не один. Пусть будет даже Ноздря. Он, разумеется, гад, но все-таки не так уныло себя чувствуешь, если за стенкой есть кто-то живой. А если будет еще привязываться... Ну, пусть попробует!

Я нахлобучил непросохший шлем, сунул ноги в ботинки и, не одевшись, выскочил в сени.

— Кто?

— Ой, Владька, открывай скорее!

Милка? Ей-то что здесь надо? Я сбросил крюк.

При свете коридорной лампочки Милка в сбившемся капоре казалась бледной и перепуганной.

— Беги к Павлику! Он зовет. Да скорее, а то уедет! Да оденься ты, дурак! Скорее, тебе говорят!

Конечно, ничего-ничего я не понял. Одно только понял: бежать надо изо всех сил. Иначе Павлика не увижу совсем. Никогда.

Конечно, пальто не хотело сниматься с вешалки, пряталось под Танькиной телогрейкой. Руки не попадали в рукава. О черт!

«Куда, зачем он хочет уехать? Почему он днем ничего не сказал? Может быть, Милка врет?»

— Может, ты все перепутала, Милка?

— Да скорей ты, тюлень!

Ничего она не врет. Она пришла, а он сидит на чемодане и не хочет на вокзал ехать, пока на старую квартиру не сбежит с Владькой попрощаться! А их уже грузовик ждет. Сплошной крик и слезы.

Что? Почему так сразу? Ну откуда она знает? И ничего не сразу. Просто Анна Васильевна Пашке не говорила, потому что злая на него была. Он все время с ней ругался в последние дни.

Куда едут? Кажется, в Новосибирск. Там брат Пашкиного отца живет, раненый, после фронта. Вещи? Какие у них вещи! Подумаешь, мебель! Оставили. Может, потом заберут...

— Воротник застегни! А шапка?

— Наплевать!

Шапка! Не всё ли равно...

Я мчался по синим сумеречным улицам

и видел, как туманный месяц, похожий на горстку серебряной пыли, летит впереди меня среди голых черных веток. И слышал, как стучат по доскам подошвы. Слышал как бы со стороны: словно кто-то другой в новых, негнущихся ботинках бежит по пустым тротуарам. Что-то шумно трепетало и хлопало рядом с головой. Я не

Ни на что не надеясь, я поднялся на крыльцо. («Тэк-тэк», — ударили по ступенькам подошвы.) Постучал. Стук угас в пустоте покинутого дома. Я всхлипнул, повернулся спиной и ударил в дверь каблуком. От сотрясения замигала надо мной лампочка! Она мигала долго и неуверенно, словно раздумывая: гореть или погас-

Солнце блестело на светло-зеленой коре тополиных веток. А лужи были такими синими...

сразу понял, что это рвутся от встречного ветра крылья бумажной буденовки. Потом я ударил плечом отсыревшую калитку, и она тяжело отошла.

Над крыльцом горела очень яркая лампочка, но дом был темным и глухим. В закрытых ставнях не светила ни единая щель.

нуть? Потом решила все-таки нести службу до конца.

К нижней ступеньке крыльца подступала широкая лужа. Вода казалась черной и маслянистой. Через лужу была перекинута доска. А я и не заметил, как проскочил по ней сюда. Недалеко от доски застыл на гладкой воде крошечный двухмачтовый

кораблик с размокшими парусами. Я узнал свою каравеллу, хотя мачты были другие — и выше и аккуратнее.

Больше я не стучал. Спустился с крыльца и пошел по доске через лужу. Доска прогнулась, шлепнула по воде, и кораблик обрадованно подпрыгнул на коротеньких волнах. Он торопливо закивал мне мачтами. А я прошел мимо со своим горем и обидой.

Я дошел почти до калитки, не думая о кораблике, но зрительная память цепко держала его: как он, бедняга, прыгает на гребешках и машет мачтами-лучинками... Пронзительная жалость к малютке каравелле, брошенной капитанами, толчком остановила меня в полушаге от калитки. Я коротко вздохнул и бросился назад. Снова доска шлепнула по луже, и отражение лампочки разбросало по черной воде золотые зигзаги. Осторожно, чтобы не смять намокший фор-марсель, я притянул к себе кораблик за верхушку мачты...

Потом я нес его в ладонях, как озябшего котенка, и говорил смешные ласковые слова.

Хотелось плакать, но плакать было бесполезно. Поезд с Павликом не даст задний ход и не вернется на нашу станцию.

При этой мысли я вдруг понял одну простую вещь: любая сказка, любая игра, любые хорошие вечера обязательно кончатся. Помните, летним вечером зовут вас с крыльца, а вы просите: «Ну, еще пять минуток!» Но пять минуток проходят, как одна, и все равно пора домой, из-под звезд, из веселой страны игр в скучные комнаты. И, засыпая, вы знаете, что тако-

го вечера больше не будет. Будут другие — хорошие и плохие, но такого не будет никогда.

И вечера с каравеллой тоже кончились. Хорошо, что хоть вспомнить о них можно без горечи. А если бы мы не успели? Если бы сегодня днем не встретились? Я даже остановился на секунду от запоздалого страха...

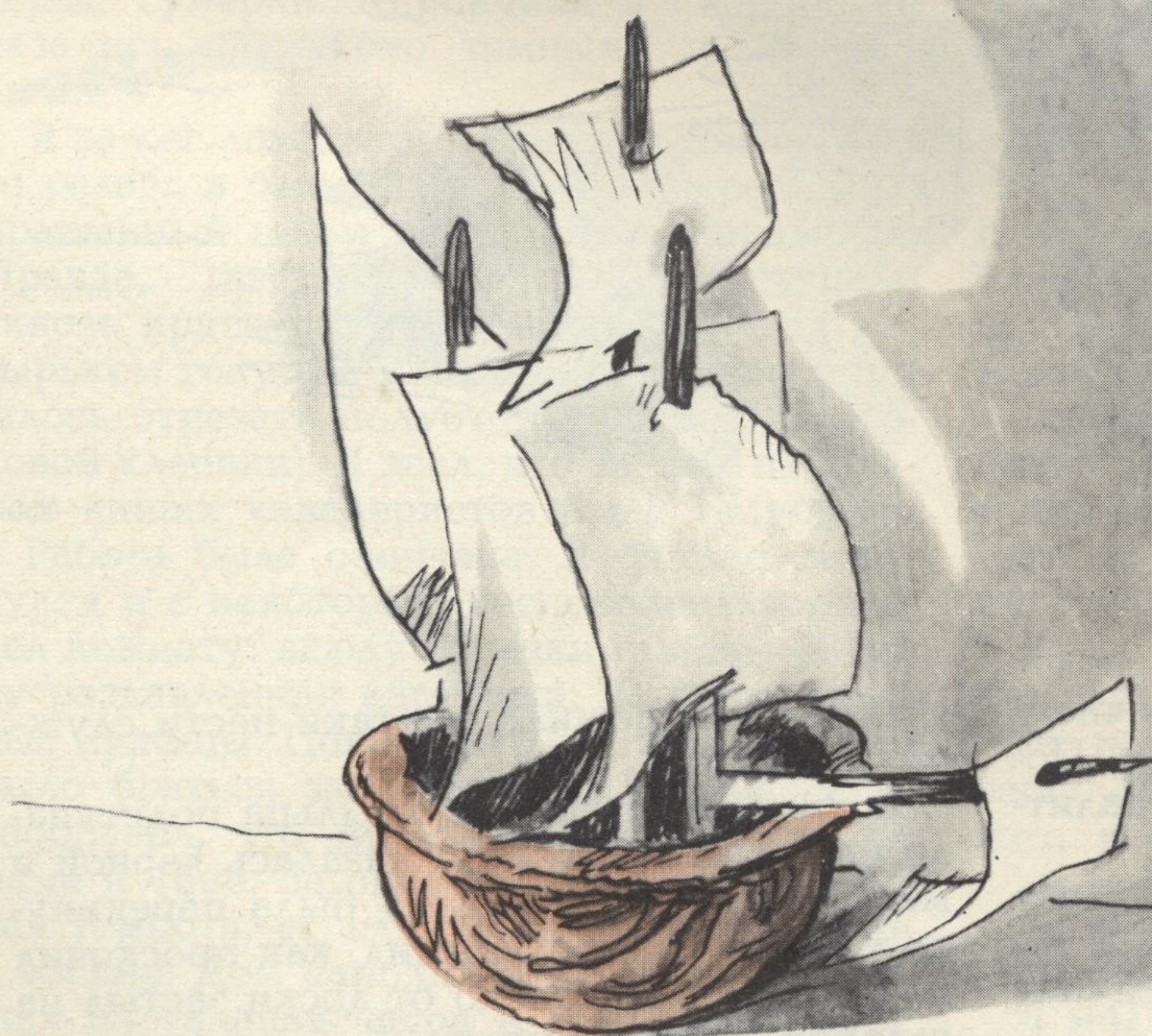
Дома я опустил к столу лампочку. Потом на стопке книг пристроил рядом с ней каравеллу — сушиться. Тень ее выросла и легла на белую оконную занавеску.

Это была стремительная тень корабля, который не собирался отдавать якоря. Он не убрал ни одного паруса, он был в пути.

И тут я подумал, что неправда, ничего не кончилось. Ни паруса, ни тайны, ни сильные ветры. Все еще будет не раз. По-настоящему. А было только начало.

Тень каравеллы ожила и тихо качнулась. Это качнулась занавеска. За окном начинал вздыхать и тяжело раскачиваться влажный ветер. Приподнялся и грохнул на крыше оторванный железный лист. С шумом покатился с поленицы пустой фанерный ящик... Ветер обещал теплые, но бессолнечные дни, когда воздух становится плотным, как сырая вата. Но я вспомнил, что называется этот ветер юго-западным циклоном и приходит он с южных побережий, где таинственно мигают маяки и обросшие ракушками корабли ласково трутся бортами о скрипучее дерево причалов.

Мир опять стал синим и белым, зовущим...

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

По
ВСЕМ
НАПРАВЛЕНИЯМ

-18

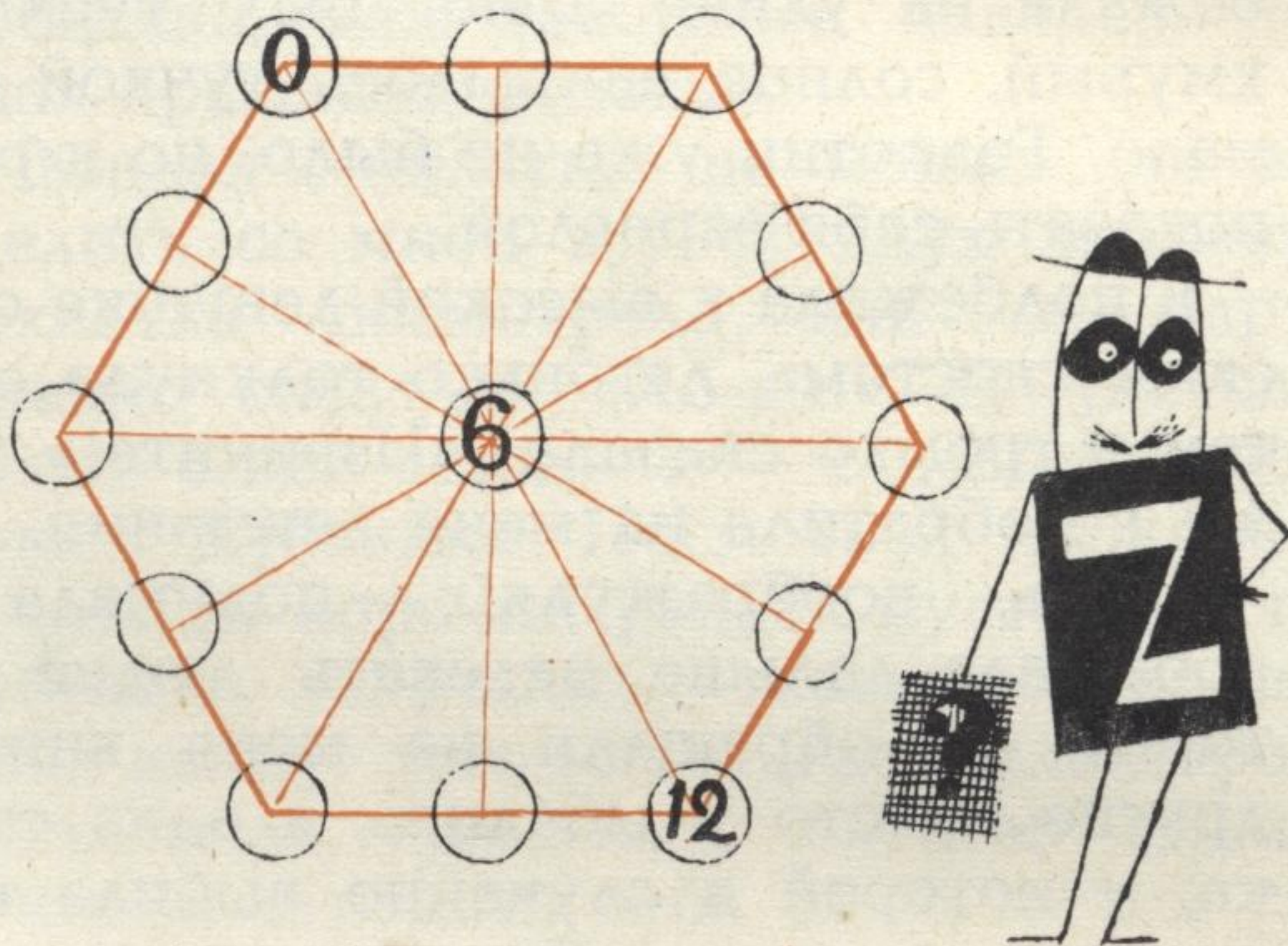
Долго враждовали между собой рыцари одного древнего королевства. Наконец, всем это надоело, и обе стороны согласились на перемирие. Когда рыцари из двух враждующих станов собрались за круглым столом, оказалось, что число тех из них, справа от которых сидит враг, равно числу тех, справа от которых сидит друг. Докажи, что число всех собравшихся за столом делится на 4.

Что
было
на доске?

Известно, что были написаны пять целых чисел. Их сложили попарно и получили вот такие десять чисел: 0, 2, 4, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 15.

Какие же пять чисел были написаны на доске?

Этот простой шестиугольник можно сделать удивительным, если хорошенько постараться. В твоём распоряжении числа 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11. Попробуй разместить их в свободных кружках (в каждый кружок — по одному числу) так, чтобы по всем диагоналям, высотам и сторонам сумма трех чисел составляла 18.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Ответы на задачи, помещенные в № 9

ВЫИГРЫВАЮТ «КРЕСТИКИ»

Начинающий должен поставить первый крестик не слишком близко от границы не ближе, чем на седьмой клетке. Легко понять, что второму игроку лучше поставить первый «нолик» по соседству с «крестиком». Имеются две принципиально разных возможности, изображенные на рисунках 1а и 1б, прочие поворотом листа сводятся к изображенным (цифры

около знаков на рисунках показывают номер хода).

Разберем более трудный второй вариант (рис. 1б). Вторым ход «крестики» Х2 (рис. 2). Ответный ход «ноликов» О2, в любом другом случае «крестики» выиграют через два хода, поставив четыре знака по вертикали. Третий ход «крестики» Х3, теперь «крестики» имеют две свободные «двойки» по диагоналям. Проигрыш «ноликов» неизбежен. Они могут

лишь оттянуть поражение, сыграв О3. После ответа «крестики» Х4 «нолики» проигрывают через два хода по одной из диагоналей.

Случай, изображенный на рисунке 1а, проще. При таком варианте «крестики» выигрывают за пять ходов. Начало партии изображено на рисунке 3.

«СОСЧИТАЙ-КА»

Наибольшее из всех возможных чисел

$$1: // // // // 2: 3: 4: 5: 6: 7: 8: 9: 90720$$

Наименьшее из всех возможных чисел

$$// // // // 1: 2: 3: 4: 5: 6: 7: 8: 9: 362880$$

ЗАДАЧА, КОТОРУЮ РЕШАЛ
ЛОМОНОСОВ

В училище было 44 ученика.

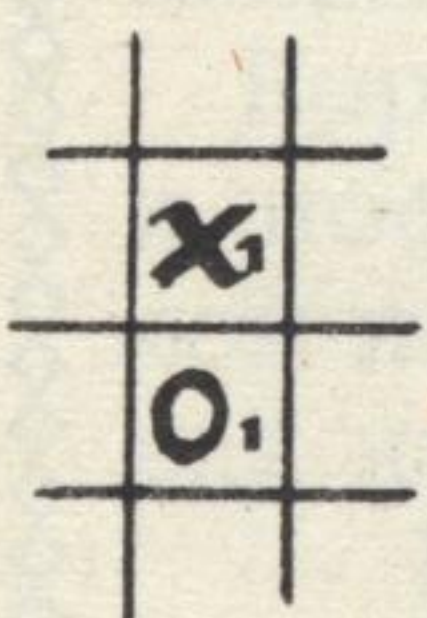

Рис. 1а

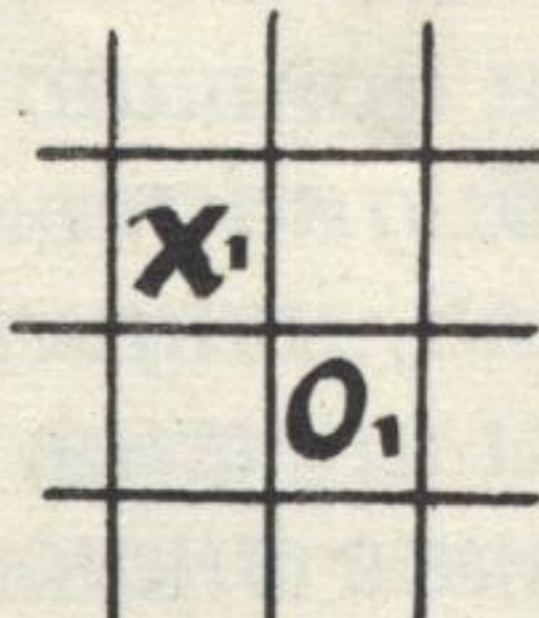

Рис. 1б

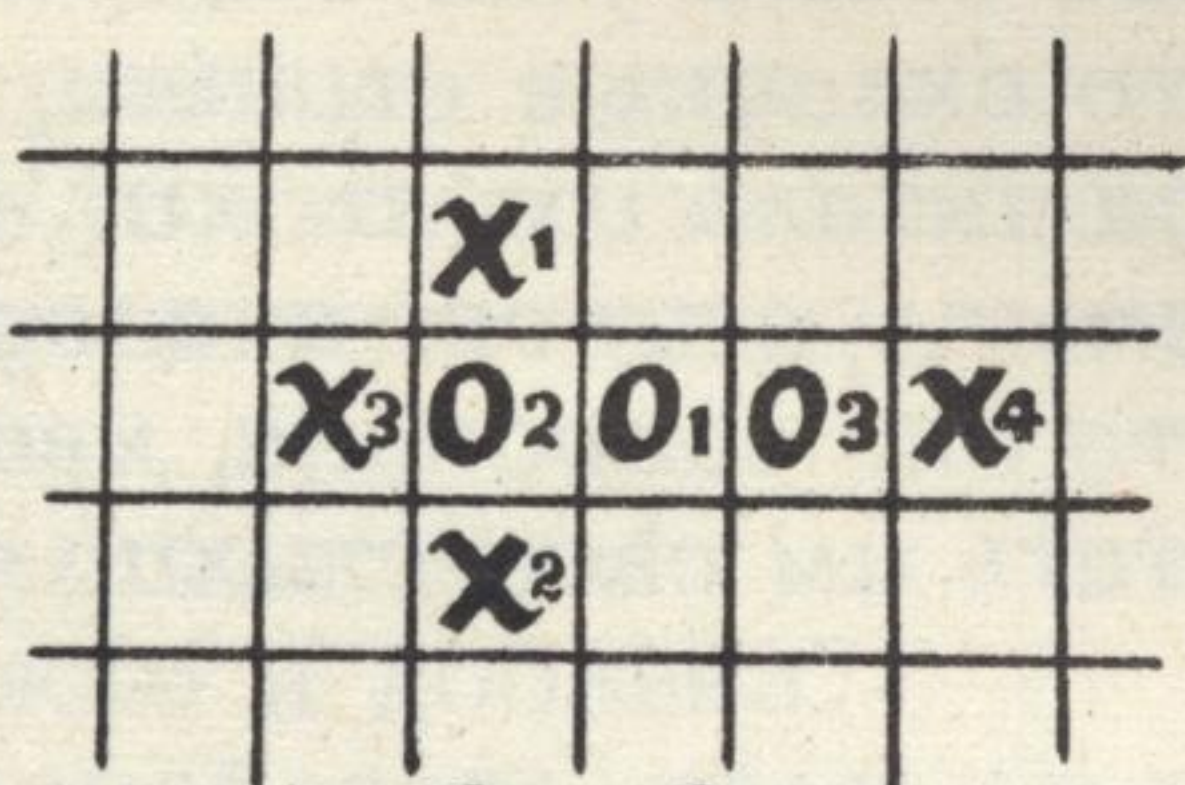

Рис. 2

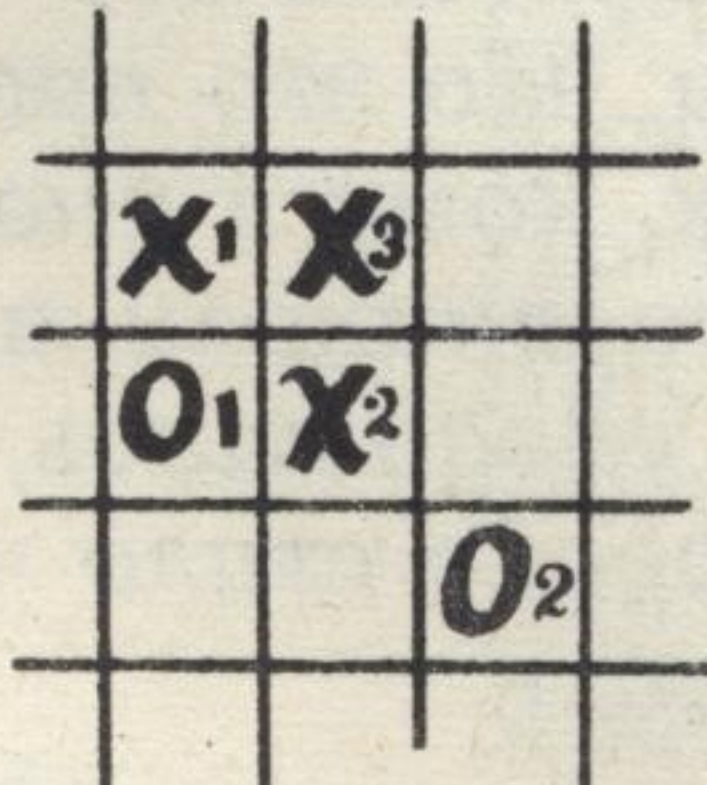

Рис. 3

Письмо к маме

Я знаю, где-то есть такие земли,
Где холод и мороз.
Я знаю, что живут там лишь
пингвины,
К которым ледакол тебя увез.

Алена КЛИМОВИЧ, 11 лет,
г. Измаил.

Как я стала взрослой

РАССКАЗ

Оля ТАЛЪЯНСКАЯ, 12 лет,
г. Львов.

Когда я была маленькой, то каждый день ходила с тетей за руку гулять по улице, которая ведет к парку. Всегда было много народу, прямо настоящая толкотня. Тетя то и дело задевала прохожих и каждый раз говорила: «Извините!» И мне очень нравилась тетя и все люди, которые говорили: «Извините!» Мне они казались по-настоящему взрослыми.

И вот один раз тетя мне разрешила погулять одной. Я очень обрадовалась и побежала на улицу. День был тусклый и хмурый, солнце накрылось тучкой и дремало. Толкотни уже не было, но я решила показать себя взрослой.

Я подбежала к высокой девушке с «конским хвостом», легонько толкнула ее локтем и громко сказала: «Извините!». Та даже не обратила на меня внимания.

«Ишь, воображуля!» — подумала я и побежала дальше задевать людей. Некоторые не обращали на меня внимания, другие просто улыбались, а одна старушка, у которой я случайно выбила из рук сумочку, сказала: «Вот какая теперь молодежь!»

Ручей

Ручей шумит,
Ручей звенит,
Ручей поет и пляшет.
А над ручьем,
А над ручьем
Маринка сумкой машет.

Володя КУЛУШЕВ, 12 лет,
пос. Сотово, Татарская АССР.

Порт

В военном порту и туда и сюда
Снуют катера
и стоят крейсера.
Один раз стоял там линкор боевой
С белой полоской и синей трубой.

Леша МЯГКОВ, 11 лет,
г. Пермь.

ИЗ ПОЧТЫ «КОРАБЛИКА»

Здравствуй, «Кораблик»!

Вот слова из твоего письма: «Если человек пишет стихи от души, то сочиняет он их в те минуты, когда чем-то особенно сильно взволнован, когда сами стихи так и рвутся из души на свободу — и ничем их не удержишь, не уймешь».

Когда я читаю свои стихи своим родным, друзьям, знакомым, слышу всегда такие слова: «Очень хорошие стихи, обязательно пошли их куда-нибудь» — и прочее.

Я сама недавно перечитала все свои стихи уже совершенно с новым взглядом и увидела, что это просто складные стишки, не больше. Мне очень обидно за тех, кому я иногда читала их (стихи). Обидно потому, что они совсем не вникали в смысл стихов, а следили, видимо, только за рифмой и, убедившись, что она сохранена, хвалили меня.

Мне совсем неинтересно стало читать им свои стихи: я уже знаю заранее, что они ответят.

Таня СОЛОМИНА, 14 лет, г. Новосибирск.

Море летом

Летом море голубое
Посинело от жары.
И ребят здесь много стало,
Городских и деревенских.
Море радостно шумело
И ребят к себе звало.
И ребята приходили
И купались целый день,
Потому что посинело
Наше море от жары!

Вася СВИНЦОВ, 12 лет, аул Кошехабль,
Краснодарского края.

Кубышкина корочка

РАССКАЗ

Оля НЭМЕНИ, 13 лет,
г. Москва.

Воробей Кубышка нашел корочку. «Хорошая корочка!» — подумал Кубышка. Он выбрал в корочке место помягче и клюнул. Проглотил. Опять клюнул.

От наслаждения Кубышка даже захлопал крыльями. Но в это время показался человек. Кубышка мигом взлетел на ветку, но человек прошел мимо и не обратил на Кубышку равно никакого внимания.

— Ха-ха! Испугался! — засмеялся Кубышка. — Он на меня даже внимания не обратил! Стоило из-за него бросать такую вкусную корочку! Хотя, впрочем, нет! Мне мамаша говорила, что человек — враг: он умеет притворяться. Правильно я сделал, что улетел. Ну, ладно! Полечу к корочке.

Кубышка слетел с ветки и вдруг увидел около своей корочки другого воробья. Тот воробей был меньше Кубышки. У него был очень маленький клювик, а перья были какие-то выцветшие. Словом, воробьишка невзрачный. Но этот невзрачный воробей преспокойно клевал Кубышкину корочку.

— Эй, ты! Это моя корочка! — закричал Кубышка.

Воробьишка закрыл один глаз, приподнял лапку, а другой глаз прищурил и посмотрел на Кубышку, как бы раздумывая, стоит ли разговаривать. Потом, видимо, решил, что не стоит, так как открыл глаз, опустил лапку и клюнул корочку.

— Ты что, не слышишь?! — возмущенно закричал Кубышка.

Воробьишка широко раскрыл оба глаза и посмотрел на Кубышку, удивляясь такой наглости. Затем важно сказал, показывая на корку:

— Была твоя — стала моя!

Подумал немножко и добавил:

— Разрешаю попробовать, если уж тебе так хочется. Я не жадный.

Кубышка от удивления не мог вымолвить ни слова, кроме: «Каков нахал!» Но, оправившись от удивления, Кубышка распушил перья, что было у него признаком боевой готовности, и, призывая мир в свидетели, собрался сделать из этого нахала лепешку — и вполне вероятно, что с успехом выполнил бы свое намерение, если бы в это время не появился человек, то есть я.

Я решила предотвратить назревавшую ссору, так как знала, что в минуту опасности воробьи забывают все обиды. Так и случилось.

Маленький воробей и Кубышка одновременно пискнули: «Летим!» — и одновременно подумали о корке. Они схватили корку и полетели к сугробу.

Я снова спряталась. Опасность миновала. Кубышка забыл обиду, и бывшие враги мирно клюнули злополучную корочку. Но в это время сверху раздался голос:

— Хо-хо, Кубышка!

Кубышка посмотрел вверх и увидел знакомую воробьику Хохлатку. У этой воробьики была особенность в том, что она вместо удивления, радости, приветствия говорила: «Хо-хо!» Кубышке нравилась Хохлатка только за эту особенность, так как на вид она была невзрачной.

Кубышка, как вежливый кавалер, похлопал крыльями и сказал:

— Милая Хохлатка, не можете ли вы разделить со мной эту скудную трапезу?

Хохлатка посмотрела вниз и вдруг обиженно сказала: «Хо-хо!» И улетела. «Что это с ней сегодня?» — с недоумением подумал Кубышка. Посмотрел на корочку и вместо корочки увидел пустое место.

Кубышка округлил глаза, осторожно обошел вокруг того места, где была корочка, похлопал крыльями, словом, сделал все, чтобы оградить себя от нечистой силы, но корочка не появилась.

— Где моя корочка? — удивленно спросил Кубышка, и в ответ услышал смех.

Кубышка посмотрел вверх и увидел того маленького воробья, который стащил корочку. Воробей смеялся:

— Ротозей, Кубышка! Ха-ха-ха!

Насмешник клюнул корочку, взял ее клювом и улетел, а Кубышка еще долго смотрел вслед корочке, так неожиданно улетевшей от него.

На велосипеде

Едет, едет мой велосипед.
Я педали не кручу —
Просто так лечу.
В колесе не видно спиц,
Обгоняю всех я птиц,
Вниз с горы лечу крутой.
Я несусь стрелой.

Инна ФИЛОНЕНКО, 12 лет,
г. Могилев.

ЭКСПЕДИЦИЯ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
Девчонкам и мальчишкам!
Важное сообщение!

Каждый, кто умеет видеть,
каждый, кто умеет делать,
каждый, кто умеет передать
ДЕЛО, НУЖНОЕ ВСЕМ,

Рисунки А. БОРИСОВА

ПЯТЬ ПЛЮС ПЯТЬ

Мы ярославцы. Наша средняя школа находится в селе Середа, а учатся в ней ребята из девяти окрестных деревень.

Поскольку отрядов у нас много, много и вожатых. А главком у нас Владимир Васильевич Соловьев, преподаватель литературы и физкультуры.

Есть среди вожатых и выпускники нашей школы. Вот, скажем, Володя Богданов. Сейчас он студент Ярославского пединститута, но каждое воскресенье (и, конечно, все каникулы) он проводит с нами. Ждем его всегда с нетерпением — хочется, чтобы он поскорее получил диплом и вернулся к нам насовсем.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Дел у нас столько, что скучать некогда. Особенно летом, когда мы выбрасываем на колхозные поля и фермы трудовой десант.

Трудовой десант — это часть общешкольных соревнований. В зачет входят не только спортивные состязания (легкая атлетика, волейбол, стрельба), но и состязания в труде. Профессий мы освоили несколько. Есть среди нас трактористы, шоферы, плотники, животноводы, электрики, полеводы.

Как проводятся наши соревнования? Вот, например, соревнуются льноводы. За полчаса они должны связать лен со своих делянок в снопы. После этого — метание гранаты и бег. И знаете, ведь не всегда побеждает тот класс, в котором больше рослых и сильных ребят. Бывает, что в игре человек глядит сокомом, а в работе у него руки-крюки.

ЗДРАВСТВУЙ!

торопись прислать на опорную базу экспедиции «Здравствуй!»

ДОНЕСЕНИЕ
Откуда вы?
Кто вы?
На что вы готовы?
Чем мы поможем вам?

кто дружит с нами

Проходили у нас недавно соревнования животноводов, от каждого класса участвовало по пять человек. И победителем, всем на удивление, вышел товарищ Куварзин из третьего класса Сидоровской восьмилетней школы, а его, товарища Куварзина, хоть в микроскоп разглядывай. Верно говорит пословица: «Хоть и маленький, да удаленький».

Затеяли мы еще и такое дело. Назвали его «5 + 5». Каждый класс, начиная с третьего, выставляет на семейные соревнования пятерых отцов и пятерых ребят (не обязательно одних мальчиков!). Отборочные соревнования для третьих — пятых классов — это стрельба из духовой винтовки, бросание мяча и преодоление полосы препятствий. Для старших классов — стрельба из мелкокалиберки и пистолета системы Марголина.

Здесь, кстати, нам хотелось бы рассказать об удивительном человеке, с которым нас связывает крепкая дружба. Этот человек сделался для нас примером стойкости и мужества. В девятнадцать лет его постигло страшное несчастье, он ослеп. Но, подобно Николаю Островскому, Михаил Владимирович не склонил головы перед жестокой участью. Он стал конструктором стрелкового оружия, он научился на слух (на слух!) производить пристрелку своих пистолетов, а детали для них вытачивал ощупью.

Стреляя из его оружия, советские спортсмены впервые стали чемпионами мира.

Вот такой у нас друг, на которого нам хочется походить хоть капельку — быть закаленными, выдержанными и скромными. В честь приезда Марголина мы устроили соревнования «5 + 5». Многие из отцов были солдатами в Отечественную войну. И, надо сказать, сыновьям не пришлось краснеть перед старшими. Среди участников соревнований особенно отличились отец и три сына Мякуновы (7-й, 9-й и 10-й классы). Сережа Жуков с отцом (сын — отличник в учебе, отец — отличный работник, фельдшер), отец и сын Вороновы...

Хватает дел и в праздничные и особенно в предвыборные дни — в дни звездной эстафеты. Наши отряды разносят по деревне бюллетени, проводят беседы с колхозниками и дают концерты. Ну, а если нужна какая-то деловая помощь — заготовить дров для клуба, перевезти сено на ферму, — мы и тут стараемся не подкачать.

Мы пока помощи не просим. Впрочем... нельзя ли прислать нам препарат «антиапатин» (говорят, появились такие таблетки)? Маются у нас этой хворью (у нее симптомы сонной болезни) некоторые товарищи, правда, их можно пересчитать по пальцам, но ведь на них, бедных, глядеть — жалость берет.

Члены совета дружины Середской средней школы.
Члены спортивного клуба «Старт».

Это было в сентябре прошлого года. Следопыты Долматовского Дома пионеров (Курганская область) узнали, что Свердловский партийный архив разыскивает письмо, написанное по поручению Владимира Ильича Ленина. Письмо это было отправлено 22 апреля 1922 года в Екатеринбургский губком и адресовано М. Н. Поповой. Ребята насторожились: среди друзей долматовских следопытов есть старая коммунистка по фамилии Калининкова-Попова и зовут ее Маргарита Николаевна! Ребята познакомились с ней лет пять тому назад, знали, что она была организатором первой комсомольской и первой партийной ячейки в их родном городе, что она участвовала в боях с белыми, была партизанкой... Но вот о письме из Совнаркома Маргарита Николаевна никогда не упоминала. А вдруг оно у нее и хранится?

Ребята тут же написали Маргарите Николаевне (она живет в Москве).

Маргарита Николаевна окзалась той М. Н. Поповой, которая в феврале 1922 года написала Ленину о неполадках в Шадринской партийной организации. Владимир Ильич был в то время нездоров, и Маргарите Николаевне ответила по его просьбе секретарь Совнаркома Л. А. Фотиева — сообщила о том, как губком исправляет допущенные ошибки. Вот это-то письмо, важный исторический документ, отыскивали долматовские пионеры.

наш поиск

наша находка

дела, нужные всем

ДЕЛО

КОТОРОМУ
ПОМОЖЕШЬ ТЫ

К ВАМ, КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ, ОБРАЩАЕТСЯ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранится рукописная книга, заведенная в секретариате В. И. Ленина 7 сентября 1920 года и оконченная в 1924 году. На обложке ее нет заглавия, на первой странице рукой Лидии Александровны Фотиевой написано: «Поручения Владимира Ильича». В эту книгу записано около двух с половиной тысяч писем, указаний и поручений В. И. Ленина. Около двух тысяч из них в течение сорока пяти лет существования института уже обнаружены, собраны и хранятся в нашем архиве. А некоторые до сих пор не найдены. Мы уверены, что некоторые документы могли бы помочь найти и сегодняшние пионеры!

Мы обращаемся к вам, следопыты города Ленина! Известно, что 7 октября 1920 года в Петроградский комитет партии была направлена с припиской Ленина просьба Сиббюро ЦК КП РКП выделить из петроградских рабочих двадцать человек на помощь сибирякам для налаживания общественного питания в Сибири.

Совместно с партийным архивом Ленинграда ОК КПСС мы искали это письмо. Мы знаем, что оно пришло в Петроградский комитет партии и обсуждалось на его заседании. Может быть, оно тоже сохранилось у кого-либо из работников губкома? 22 ноября 1921 года в Петроградский Совет народного хозяйства было послано письмо о перестройке автосаней «Конгресс». Возможно, и эти строчки попадут в руки ленинградских следопытов?

ОНЕСЕНИЕ

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ДРУЗЕЙ

Наш лагерь не просто летний лагерь, а лагерь дружбы. А для дружбы нет сезонов: она живет круглый год.

Ребята трех республик Прибалтики — Литвы, Латвии, Эстонии — съехались в эстонский городок Вильянди. Лагерь организовали сами. Сами, все сами от начала и до конца. Вот наше дело!

Где разместились? В школе-интернате, опустевшей на лето. Сами следили за чистотой, за цветами в саду и по кухне дежурили.

Как подружались? Девочки из Литвы поселились в одной спальне с эстонскими девочками. А ребята-латыши — с эстонцами. В столовой утром говорили «спасибо» — по-литовски, в обед — по-эстонски, в ужин — по-латышски. Все научились пес-

ням своих друзей. А расставались — плакали, вот до чего жаль было, что кончился лагерь!

Где взяли деньги? А осенью работали в колхозах. Многие школы — на картошке, на уборке яблок. И договорились, какой отряд в году окажется лучшим, тот и поедет в Вильянди. Работали все, а поехали не все. Ну и что? На будущий год другие поедут.

кто нам помог

Кто помогал? Учителя, вожатые, райком комсомола. Денег немного не хватило — райком добавил. А учителя и вожатые все время были с нами — и осенью, когда работали в колхозе, и зимой, когда планы строили, какой будет наш лагерь, и летом, когда все съехались к нам и открылся наш лагерь. А Ирма Петровна Кюнану, наша учительница, заботилась о нас во всем: кому кеды жмут, кто селедку любит — все знала.

Какие были дела? Конечно, поход. А еще выставка марок, костры с песнями, концерты национальных песен и плясок. А еще? Еще конкурс песен, которые сочинили сами. Правда, текст оценить оказалось трудно: он же был у каждого на своем языке. А приз единодушно присудили песне, сочиненной на русском языке (его знают все).

Что будет дальше? Думаете, погрузили, расстались — и все? Ничего подобного! На будущий год лагерь опять поднимет флаги. Теперь уже не в Эстонии, а в Литве, в городе Кедайняй. Весь год надо готовиться. Так решил совет лагеря дружбы.

Эва Кипу, Наташа Цветкова, Регина Вакутите.

г. Вильянди, Эстонская ССР

* * *

дело, которое нам поможет

Они вручили мне это донесение и просили передать его «Пионеру». Я была у них в лагере, слышала, как красиво поют они, видела, какие все веселые, нарядные — эстонские ребята в голубых рубашках и синих шортах, литовцы — в сером, латыши — в желтых рубашках. У всех яркие пилотки, эмблемы на рукаве.

В тот вечер они шли в город смотреть кукольный театр. Сначала долго наряжались, гладили галстуки, спорили, какая юбочка красивее — совсем короткая или подлиннее.

А потом построились, и впереди всех пошли четыре горниста, а за ними — четыре барабанщика. И когда загредел марш, четкий, громкий и радостный, ребята зашагали по городу, все в ровном строю, все в ногу. Подбородки гордо вздернулись вверх, а загорелые ноги печатают шаг.

И выглядывали из окон люди — хорошо, когда вот так шагают ребята легким шагом под торжественную и немного озорную барабанную дробь.

Л. Матвеева

ДЕЛО
КОТОРОЕ
ПОМОЖЕТ
ТЕБЕ

Мальчишки из города Килинги-Нимме сообщают:

«Мы организовали у себя в школе клуб мальчишек. Устраиваем соревнования по плаванию и велосипедные гонки, ходим в далекие, трудные походы и занимаемся боксом, играем в футбол, стреляем из лука.

Недалеко от нашего города стоял заброшенный домик. Летом мы отремонтировали его сами и теперь собираемся в своем доме. Даже вывеску сделали: «Клуб мальчишек».

А девочки собираются отремонтировать свой клуб, чтобы было не обидно».

Вопрос редакции: а мальчишки им помогут?

Лемана Абибулаева из Самарканды рассказывает:

«В нашем дворе (Театральная улица, дом 3) много малышей. Мы стараемся придумывать для них разное интересное. Показываем диафильмы, проводим соревнования, объявляем конкурсы на лучший рисунок, ставим спектакли кукольного театра, устраиваем концерты. Нам помогают старшие девочки Аля Константинова, Наташа Самбикина и родители. На праздники мы приглашаем всех жителей нашего двора. Малышам все это нравится, и они с нетерпением ждут нас».

Ребята из Риги советуют:

«Конкурс на лучший рисунок интересно провести на большой площади города. Мы собрались на площади Даугавпилс. Расчертили асфальт на квадраты, и тут же триста человек (самому младшему — три года, старшему — четырнадцать лет) взяли в руки цветные мелки.

Нарисовали картины, посмотрели выставку, жюри решило, чьи рисунки лучше, и победители получили призы — наборы акварельных красок».

Из Владивостока рапортуют:

«Городской Дом пионеров предложил пионерам всех школ создать общую передвижную игротеку. Затея ребятам понравилась, и они стали собирать, придумывать и мастерить разные игры и игрушки. А потом был веселый праздник и конкурс — чья игра интереснее, в какую на празднике играло больше ребят?»

А. ШАРОВ

РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ II про СТРАННЫЕ СТРАННОСТИ

Рисунки С. ОСТРОВА

МАТЬ И ДОЧЬ

Она — я говорю о матушке Медузе — похожа на раскрытый зонтик. Она плывет по морским волнам очень медленно, но, если ей сказать об этом, ответит:

— Пожалуй, вы правы... Но зато разве я не применяю самую лучшую технику? Когда люди придумали ракетные двигатели? Десять... ах, простите, даже сто лет назад?! А я двигаюсь, как ракета, только выбрасываю не горящий газ, а воду — уже десять, нет сто миллионов лет.

В ясную погоду она подплывает к самому берегу, поднимаясь на гребень каждой волны.

Кажется, что она высматривает кого-то, ищет и не может найти.

Кого она ищет?

Ну, конечно же, свою дочь!

Если ты спросишь матушку Медузу на ее родном медузьем языке, как, когда и почему она потеряла дочь, то услышишь грустный рассказ:

— Видите ли, мы, медузы, плаваем. Всегда, от самого рождения. Конечно, это сопряжено с беспокойством, даже опасностями. Нет, штормов мы не боимся, но каждую из нас может проглотить большая рыба или перерезать нос корабля. И все-таки... Какое все-таки это счастье — плавать, пересекать море, видеть новые места...

А дочь моя, как только родилась, сказала: «Хватит, я устала». Подплыла к берегу, прикрепилась к скале и не двигается с места. Вот какие бывают СТРАННЫЕ СТРАННОСТИ.

— Но, может быть, и вам... На старости лет...

— Нет, нет! Я так и умру — в море, плавая. Какой же без этого смысл в жизни?

Попробуем отыскать ее рассудительную дочь. Вот она. Она похожа не на зонтик, как матушка Медуза, а на... Да, больше всего она напоминает баскетбольную сетку, крепко прикрепленную к скале. Волны бросают в нее вместо мячей всякую мелкую морскую живность, которую она подхватывает щупальцами.

Подождем, пока она позавтракает, и спросим:

— Вы дочь матушки Медузы?

— К сожалению, — ответит она грубо. — Я дочь этой бродячей неугомонной особы. Но имя мое Полип! Можете меня называть Полипа Медузовна.

Спросим:

— Счастливы ли вы, Полипа Медузовна?

— Хм... Разумеется. Поскольку я не делаю глупостей, как матушка... Счастлива, но...

Она не закончила... Почему она не договорила? Присмотрись, и, может быть, ты догадаешься.

Что это набухает на ее теле?

Маленький зонтик! Крошечная медуза.

Она растет, растет. Вот она оторвалась от Полипы Медузовны и быстро поплыла.

Не оглядываясь! В море, в море!

— Куда ты, дочка?! — тоскливо окликнет Полипа Медузовна.

— Плавать. Прощай! — отзовется маленькая Медуза. — Какое это счастье — плавать в открытом море.

Она плывет все дальше и дальше. Вот ее и не видно больше с берега в синем безбрежном море.

Издали доносится песня матушки Медузы:

Проплыла я семь океанов,

Девяносто семь морей.

Я видала очень странных

рыб поющих,

птиц молчащих,

рыб летящих

И удивительных зверей (даже китов!).

Ах, не надо!

Ах, не надо!

Не зовите вы меня!

Есть ведь в мире...

Сине-сине-сине-сине

И еще синее даже — НЕИЗВЕСТНЫЕ МОРЯ.

Я слушал эту песню, стоя на берегу моря вместе с моим мальчиком, школьником, между прочим, отличником по географии.

— Но, — сказал мальчик, — на земном шаре ведь всего три океана: Тихий, Атлантический и Ледовитый, — и морей тоже, не знаю, сколько, только гораздо меньше, чем девяносто семь. А матушка Медуза говорит, что...

«Она не «говорит», а поет, — подумал я. — Это разные вещи — говорить и петь. И она никогда не держала в своих руках, то есть щупальцах, глобуса. И географические карты размокли бы в море. Нет, не стоит сердиться на матушку Медузу, даже если она немножко преувеличивает».

Да, мы с моим мальчиком совсем ни капельки не сердились на нее. Мы стояли на берегу, прислушивались к песне и следили за тем, как Медуза-внучка спешила на голос бабушки.

Нам самим хотелось поплыть вслед.

СМОТРИТЕЛИ ПОЛЮСОВ

Старший Смотритель Полюсов бежал в своих семимильных сапогах что есть сил. Ему надо было поспеть вовремя — пока не проснулись путешественники, корабли и самолеты, — стереть пыль с Южного и Северного полюсов, чтобы они блестели как новенькие, да смазать земную ось, чтобы она не скрипела.

Дорога от дома не близкая — десять тысяч километров, да еще с гаком.

Бежит Старший Смотритель, торопится и вдруг видит: стрелка компаса, который он держал в руке, чтобы не сбиться с пути, качнулась и — вот странная странность — стала показывать не на север, как надо, а вниз, В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ.

— Вздор! — пробормотал Старший Смотритель. — Не станет очень важный человек, который видел в жизни разные разности, обращать внимание на странные странности. А я ведь очень важный человек.

И он побежал дальше. Взглянул на компас через несколько минут: все хорошо, стрелка показывает как нужно — СЕВЕР.

На службу он поспел вовремя и получил благодарность от начальства.

— Вот что значит быть очень ученым и важным человеком и не обращать внимания на всякий вздор, — сам себе сказал Старший Смотритель.

...И Младший Смотритель Полюсов — совсем еще мальчишка, между прочим, — бежал в семимильных сапогах что есть силы

той же дорогой. Надо было перепрыгнуть Полюс Недоступности из Арктики в другое потаенное местечко в Антарктиде. И проверить все холодильники на Полюсе Холода и включить все магниты на Магнитном Полюсе.

Вот сколько дел!

Бежит он и вдруг видит, что стрелка компаса, который он держал в руках, чтобы не сбиться с пути, качнулась и — вот странность — показывает не на север, как положено, а вниз, В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ.

— Удивительно! — сам себе сказал Младший Смотритель. — Не может любопытный человек пробежать мимо такой странной странности. А я, что греха таить, очень любопытен.

Остановился Младший Смотритель и думает.

Думал, думал и надумал:

— Должно быть, там, в глубине земли, много железа. Так много, что оно притягивает сильнее, чем магнитный полюс.

Обрадовался Младший Смотритель, нашел телеграф, разбудил телеграфистку и послал телеграмму:

МОЛНИЯ!!! ВСЕМ ЛЮДЯМ!!! ТУТ ОЧЕНЬ МНОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЖЕЛЕЗА, ИЗ КОТОРОГО МОЖНО СДЕЛАТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ: КОРАБЛИ, ПАРОВОЗЫ И ВЕЛОСИПЕДЫ — ДВУХКОЛЕСНЫЕ И ТРЕХКОЛЕСНЫЕ!!! ПРИЕЖДАЙТЕ СКОРЕЕ!!!

На работу в тот день Младший Смотритель немного опоздал.

И не очень хорошо перепрыгнул Полюс Недоступности. И получил тройку по поведению.

Но ничего, к концу года он свои отметки исправил.

УМНЫЙ УГОРЬ

Плыли, плыли рыбы, пока путь им не преградила ЗЕМЛЯ.

Летучая рыба поднялась в небо, посмотрела и сказала:

— Это очень большая земля, она называется МАТЕРИК, ее не перелетишь. Поплы-ву-ка я домой.

Злая рыба АКУЛА сказала:

— Ну, что ж, чем больше кусок, тем лучше. Глупый ни с чем поплывет домой. Дорогу себе проложит ЗЛОЙ!

Дай-ка, я проглочу этот МАТЕРИК.

Сказала и стала разевать пасть. Все шире и шире разевала, пока не лопнула.

А сильная рыба КИТ, которая и не рыба вовсе, подумала: «Глотать я этот МАТЕРИК не стану, а ударю-ка я плечом посильнее, он и отодвинется».

И ударила — раз, другой раз и третий раз — с разбегу, изо всей силы. Но материк не отодвинулся. Только сама она чуть не разбилась.

А хитрая рыба-МЕЧ решила: «Нет, глотать я материк не стану — не проглотишь, и плечом отодвигать не стану — не отодвинешь, а разрежу я его своим острым мечом на две половинки, как масло, и поплыву».

Собралась она с силами. Острый меч глубоко вонзился в землю. Но материк не разрезался на две части, как масло. И меч свой

рыба-МЕЧ не смогла вытащить из берега. Так она и сейчас лежит в океане — меч в береговой скале, а сама она в воде.

А рыба УГОРЬ вспомнила, как ей мать говорила:

Там, где не проплывет сильный,

НЕСОМНЕННО,

Там проплывет умный

НЕПРЕМЕННО!!!

Пораскинула умом и решила:

«Водолаз надевает водолазный костюм — и в глубине моря вокруг него воздух. Дай-ка я изловчусь и надену воздухолазный водяной костюм».

Дождалась раннего утра, выползла на берег, доползла до луга и вывалялась в росистой траве, так что всю ее — и жабры тоже — покрыли крупные капли чистой росы. И поползла, поползла по лугу. А жаркий день пролежала во встречном ручейке: до вечера, пока снова выпала роса. Так и ползла она — от ручья к речке, от речки к озеру, от озера к другому ручью — в замечательном своем воздухолазном костюме, сшитом то из капель росы, то из дождевых капель.

И проползла так через весь материк, до другого океана, где ее ждала мама. Та самая, которая учила УГРЯ:

Там, где не проплывет сильный,

НЕСОМНЕННО,

Там проплывет умный

НЕПРЕМЕННО!!!

Ответственный дежурный
Н. РАЗГОВОРОВ

Сломаю голову

— Я был у герцога Фуркундского, — рассказывал барон Мюнхаузен своим гостям, — когда примчавшийся гонец сообщил, что на Фуркундию идут полчища какого-то неизвестного нам противника. Необходимо было немедленно обскать двадцать пять расположенных в окрестности замков, чтобы передать вассалам герцога приказ явиться под его знамена. Нельзя было терять ни секунды.

Герцог разложил передо мной карту. Бросив на нее взгляд, я сразу же определил, какого маршрута мне следует придерживаться, чтобы побывать во всех замках, ни разу не проделывая дважды одного и того же пути, и самому вернуться к герцогу с последним из оповещенных мною рыцарей. Собственно говоря, я мог осуществить это двумя разными способами, как вы легко убедитесь сами, изучив копию карты, которую подарил мне впоследствии герцог.

Соврал ли барон Мюнхаузен? Найдите на карте маршруты, о которых говорил хитроумный барон.

Из газет и журналов будущего

Ключ еще не найден

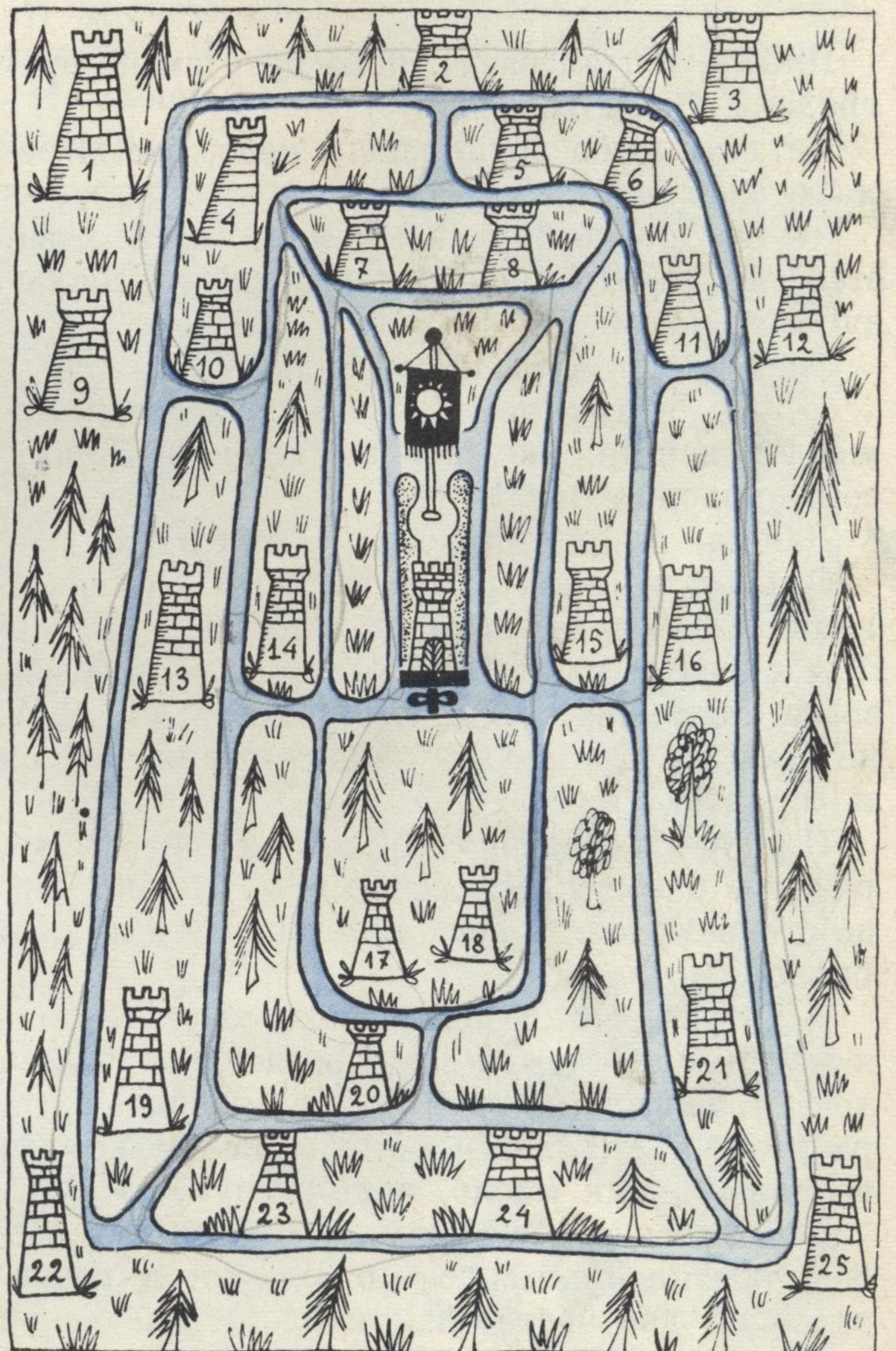
Продолжаются исследовательские работы в районе Карунского озера, где — как мы сообщали — обнаружены следы приземления та-

инственного космического корабля. Ученые предполагают, что этот корабль прибыл на Землю с одной из планет нашей солнечной системы. Вблизи места посадки найден кусок металла с выгравированной надписью, которая воспроизведена на нашем снимке. В настоящее время космологи заняты ее расшифровкой.

«Знание — сила», октябрь 1986 г.

Не попробуете ли и вы прочитать это письмо из космоса?

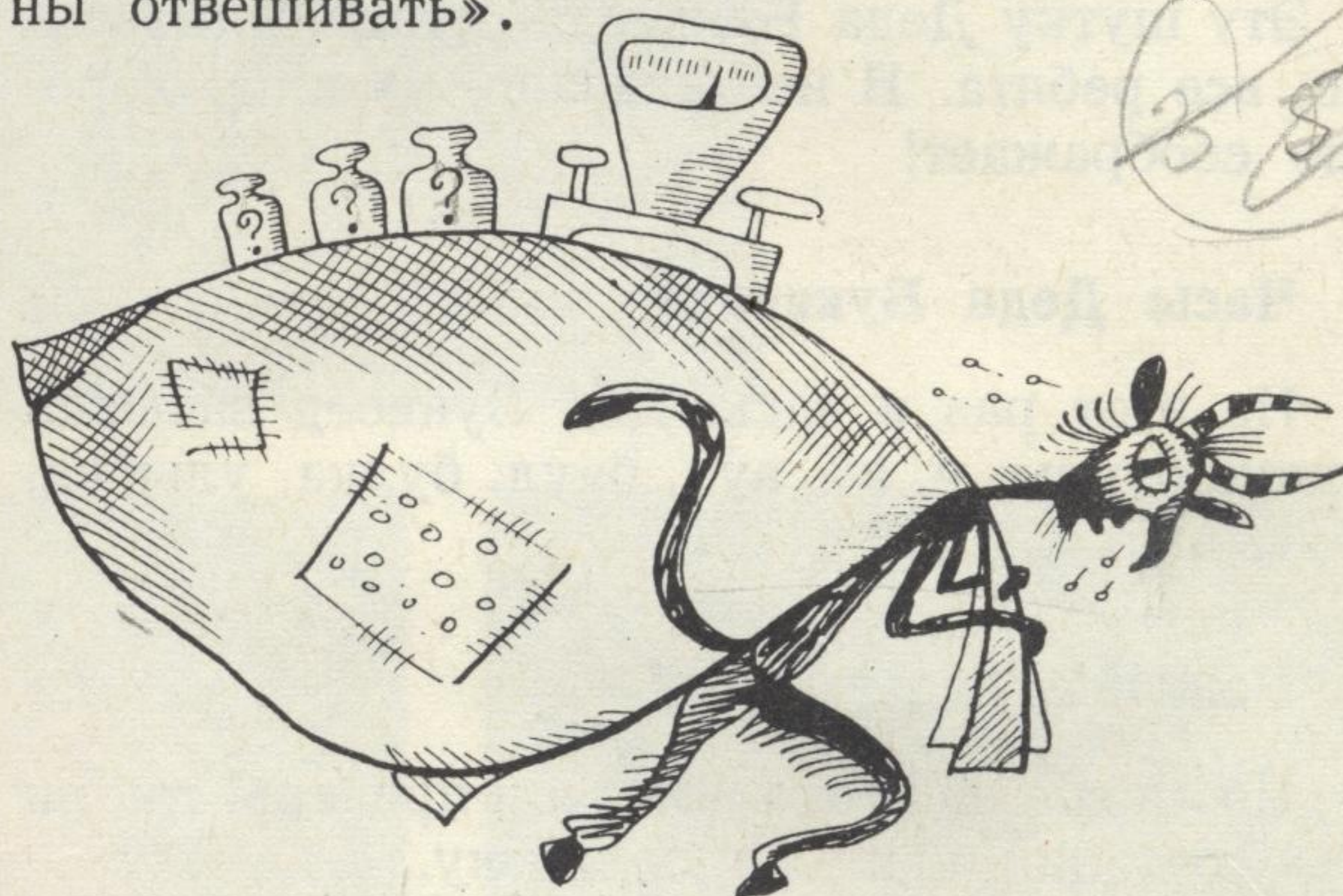

Чертova дюжина

Посылали чертенка из пекла на рынок печеной картошкой торговать. Продашь, говорят, картошку, купишь новые сковороды. Большущий мешок печеной картошки набрали, а сверху еще весы и гири кладут.

«Положите, пожалуйста, гирь поменьше, — просит чертенок, а то, боюсь, не дотащу». «Сколько же класть-то?» «Отберите три гири, таких, чтобы мог я ими любое количество килограммов от одного до чертовой дюжины отвешивать».

Стали такие гири подыскивать, а чертенок сидит, печеную картошку уплетает, сил набирается.

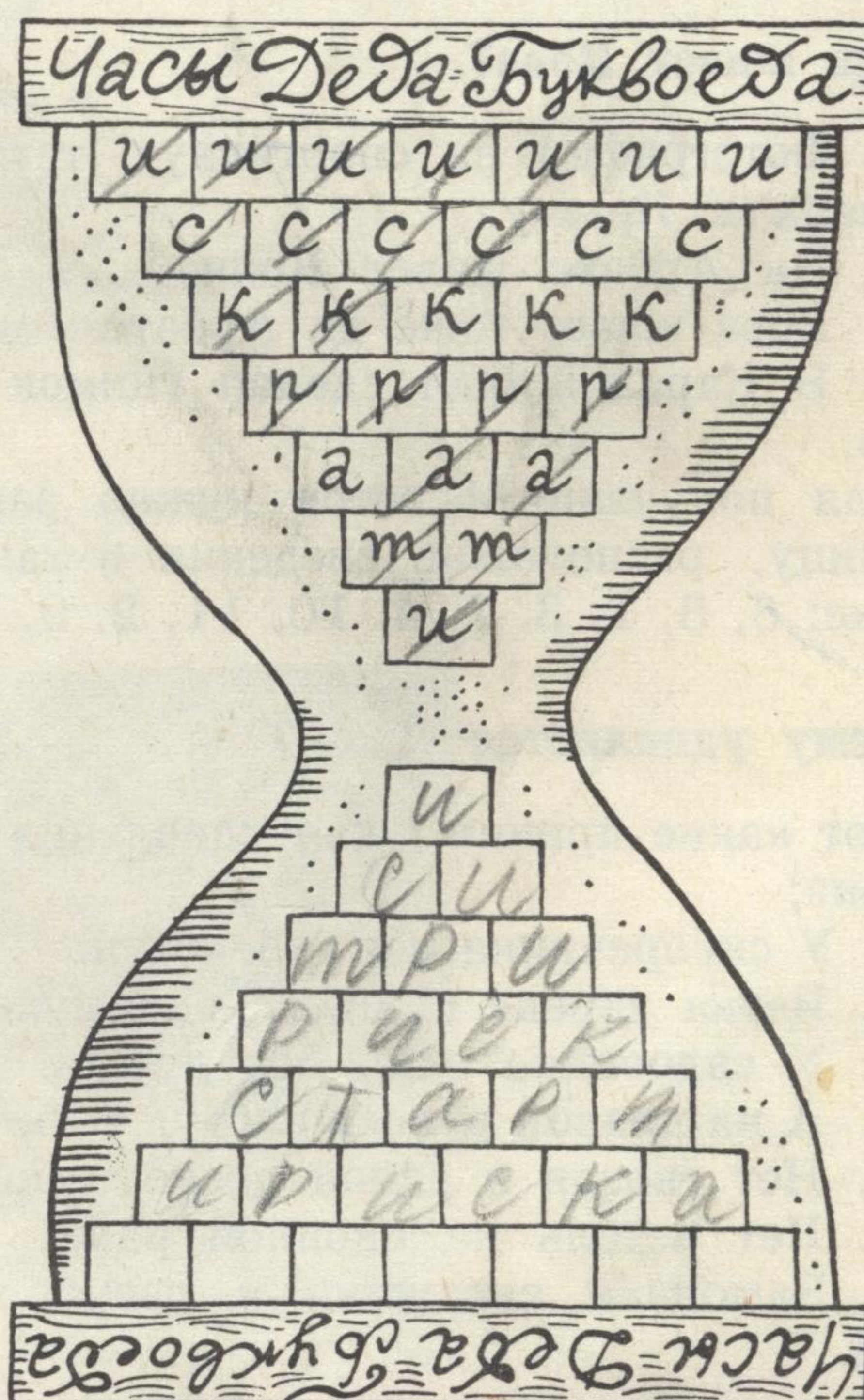
Какого же веса должна быть каждая из трех гирь, чтобы можно было с их помощью, по-разному ставя их на чашки весов, за один раз отвешивать любое количество килограммов от одного до тринадцати?

Ахум

Художник А. Кисточкин не только отлично рисует, но и сочиняет веселые стихи-загадки. Недавно он написал такое стихотворение:

Я — дрессировщик очень ловкий,
Есть у меня талант и ум,
Львов подвергал я дрессировке,
Но спасовал перед ахум.
Ахум все делает как хочет,
Ахум любого изведет
И здесь вам голову морочит.
Гуляя задом наперед.

Художник изобразил себя рисующим иллюстрацию к этому стихотворению. Но его рисунок куда-то задевался. Когда Кисточкин нарисовал себя в своей мастерской еще раз, нашелся его первый набросок. Сравните оба рисунка и обнаружьте на них десять несовпадающих деталей.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО.

Ответы на задачи из № 9

Чудеса в решете

Задание, как подсказывает висятая в классе таблица, состоит в том, чтобы из букв, которые входят в названия цифр, составить слова.

В третьем примере не хватает слова «решето». Четвертый пример решается так: $1\ 000 + 40 + 2 + 7 = \text{часы} + \text{дрова} + \text{кость} + \text{семя}$.

Лично всем!

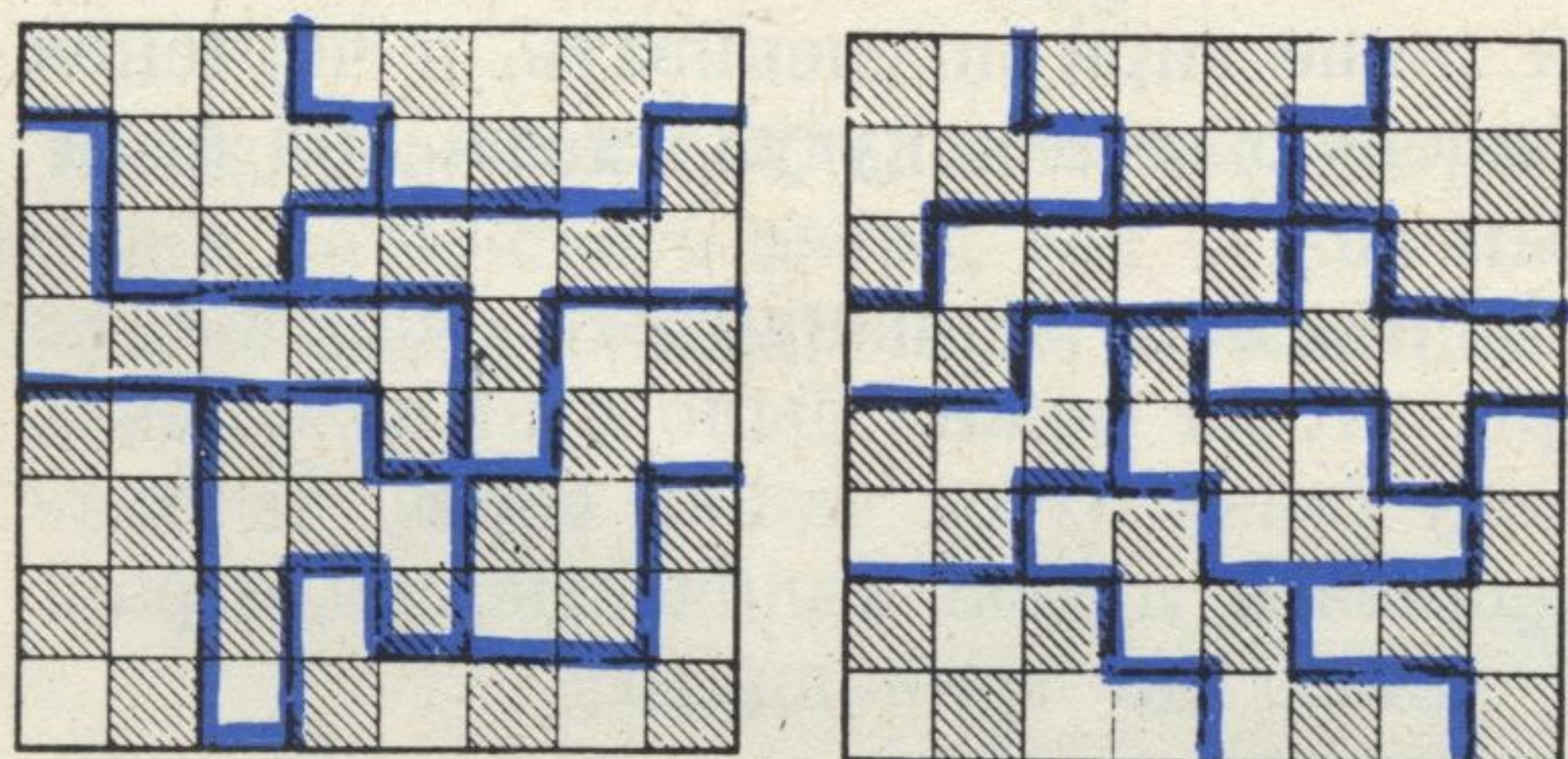
Эту шутку Деда Буквоеда отгадали, конечно, все ребята. В ней сказано: умница, хорошо соображает!

Часы Деда Буквоеда

На этот раз в часы Дед Буквоед засыпал такие буквы: у, ау, аул, баул, булка, улыбка, бутылка.

Решение судьи

Посмотри на этот рисунок и проверь, так ли ты составил шахматную доску.

Где живет Вова?

1. Фотография на спортивную тему была сделана в Крыму.
2. На Арбате живет Коля.
3. Вова живет тоже на Арбате.
4. В Карелии был сделан снимок животного.

Для получения ответов нужно заполнить таблицу, расположив сведения в таком порядке: 5, 8, 1, 3, 7, 4, 10, 11, 2, 9, 6.

Чему удивляется Джон?

Вот какие причины для удивления были у Джона:

1. У скворечника нет отверстия.
2. Ветка дерева повисла в воздухе.
3. У садовника очки без дужки.
4. А на правой руке у него четыре пальца.
5. Нет гвоздя в одной доске забора.
6. Нет петель на оконной раме.
7. Замочная скважина в двери перевернута.

СОДЕРЖАНИЕ

Комсомолу!	1
Вперед, вперед, и не сдавайся! — Б. Медовой и Т. Яковлев. Рисунки Е. Медведева	2
Лето наших открытий.— В. Константинов	17
Рассказы о тех, кто рядом с тобой	20
Рассказ верхолаза Ивана Тимофеевича Субботина о внутреннем напряжении.— Ю. Качаев	22
В морском дозоре.— Б. Холопов. Фото автора. Рисунок Н. Степанова	24
А я продаю игрушки...— С. Федоров. Рисунки И. Галанина	28
Путешествие Левы Ермолаева.— В. Аксенов	31
Заброшенный колодец.— Рассказ Э. Корпачева. Рисунки Ю. Вечерского	34
Новые стихи.— Э. Мошковская. Рисунки И. Галанина	42
Умелые руки, верный глаз, рабочая сметка.— А. Некрасов. Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого. Фото А. Геринаса	44
Мальчикам иных веков.— С. Артамонов и Ф. Светов	49
Тень каравеллы.— Повесть В. Крапивина. Окончание. Рисунки А. Крылова	52
Встречи с тремя неизвестными. Рисунки Б. Кыштымова	67
«Кораблик».— Ведет В. Лапин	68
Экспедиция «Здравствуй!» — Рисунки А. Борисова	70
Разные разности про странные странности.— А. Шаров. Рисунки А. Острова	74
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки В. Стацинского	78

На обложке:

Комсомолу 50 лет. Рисунок Ф. Лемкуля.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

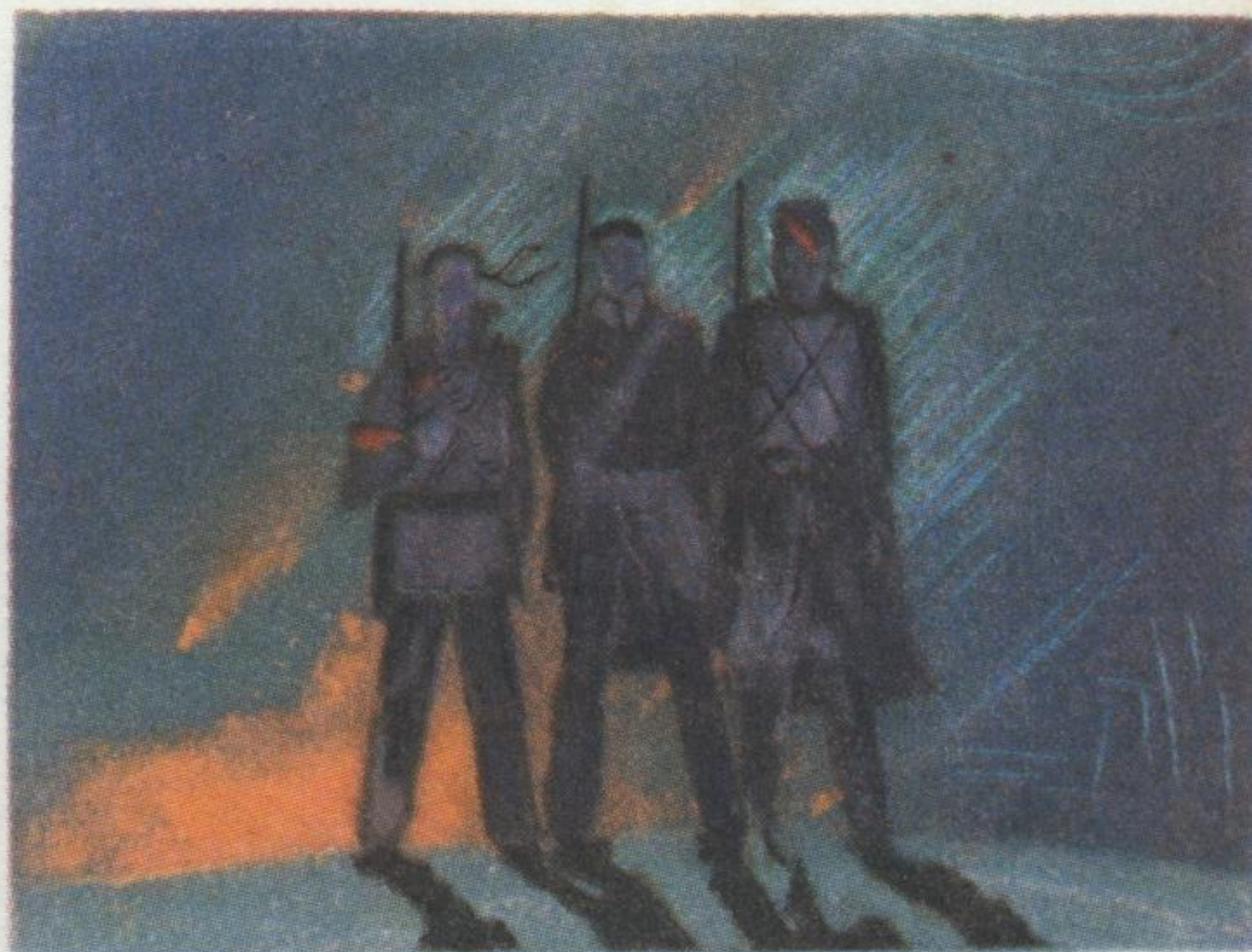
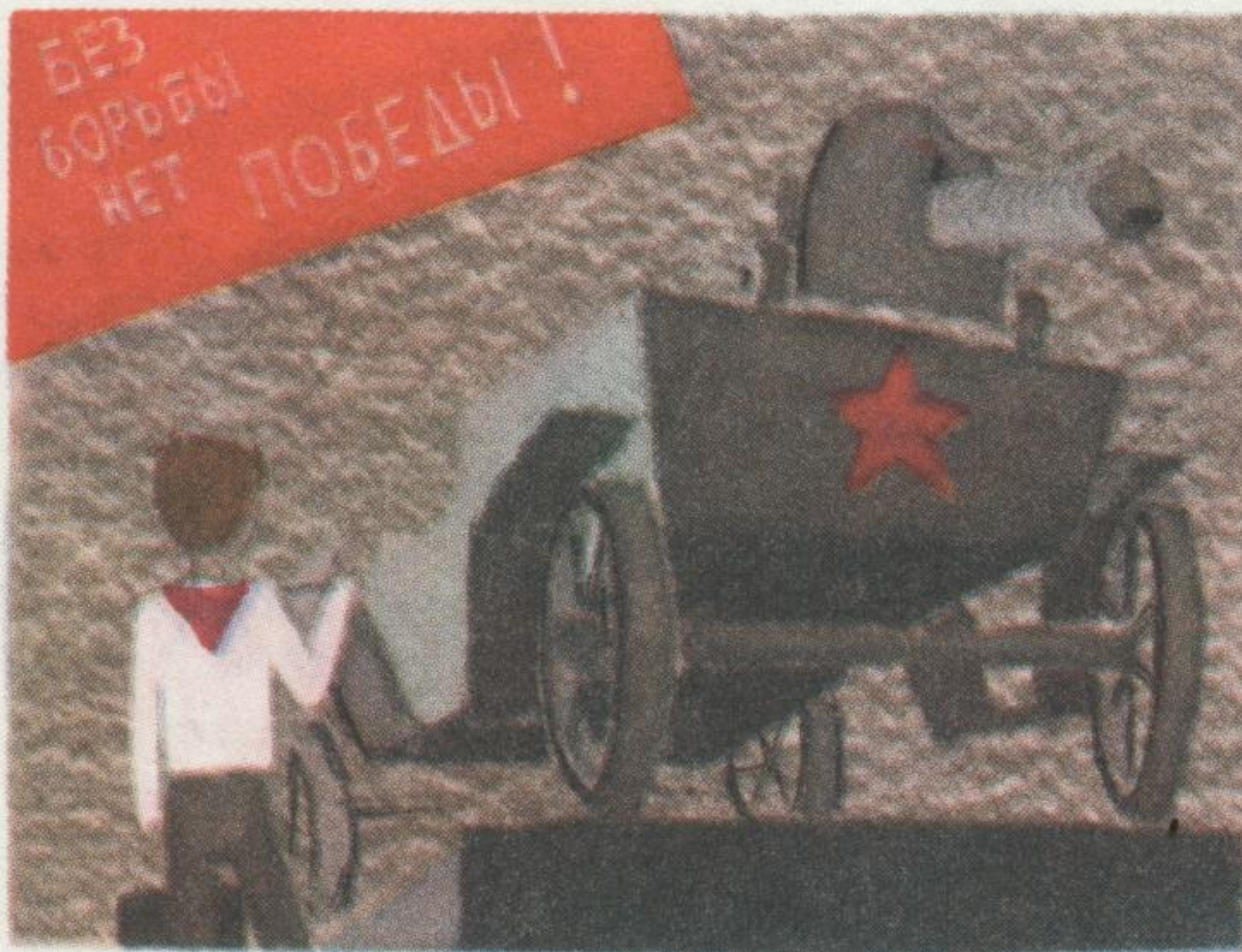
Рукописи не возвращаются.
Технический редактор В. Пархоменко.

А 00151. Подписано к печати 30/VIII 1968 г.
Формат бумаги 60×84¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 912 800 экз. Изд. 1802.
Заказ № 2262.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды», 24.

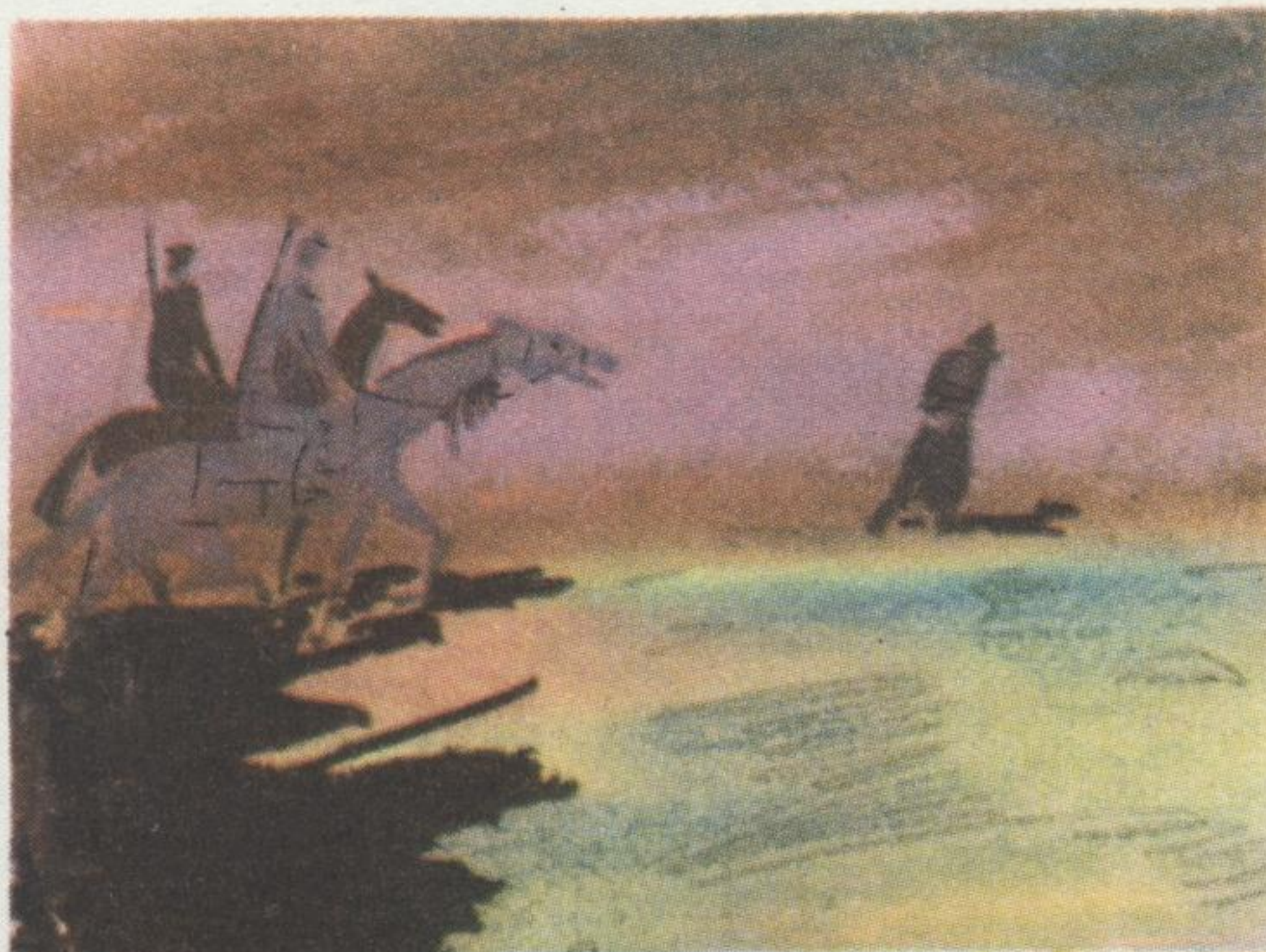
Орленок

Так называется фильм о Пионере и его друге юном Трубаче, и об их необыкновенной встрече на полях гражданской войны.

Началась эта история очень просто: Пионер пришел в Музей Революции и увидел там знаменитую тачанку. Сел в нее — и очутился в легендарном 1918 году. Встретился Пионеру патруль Революции. «На хитрость не поддашься? Пули не испугаешься? Не струсил?» — спросили красногвардейцы.

Белые схватили юного Трубача. Схватили, связали. Неоткуда ему ждать помощи...

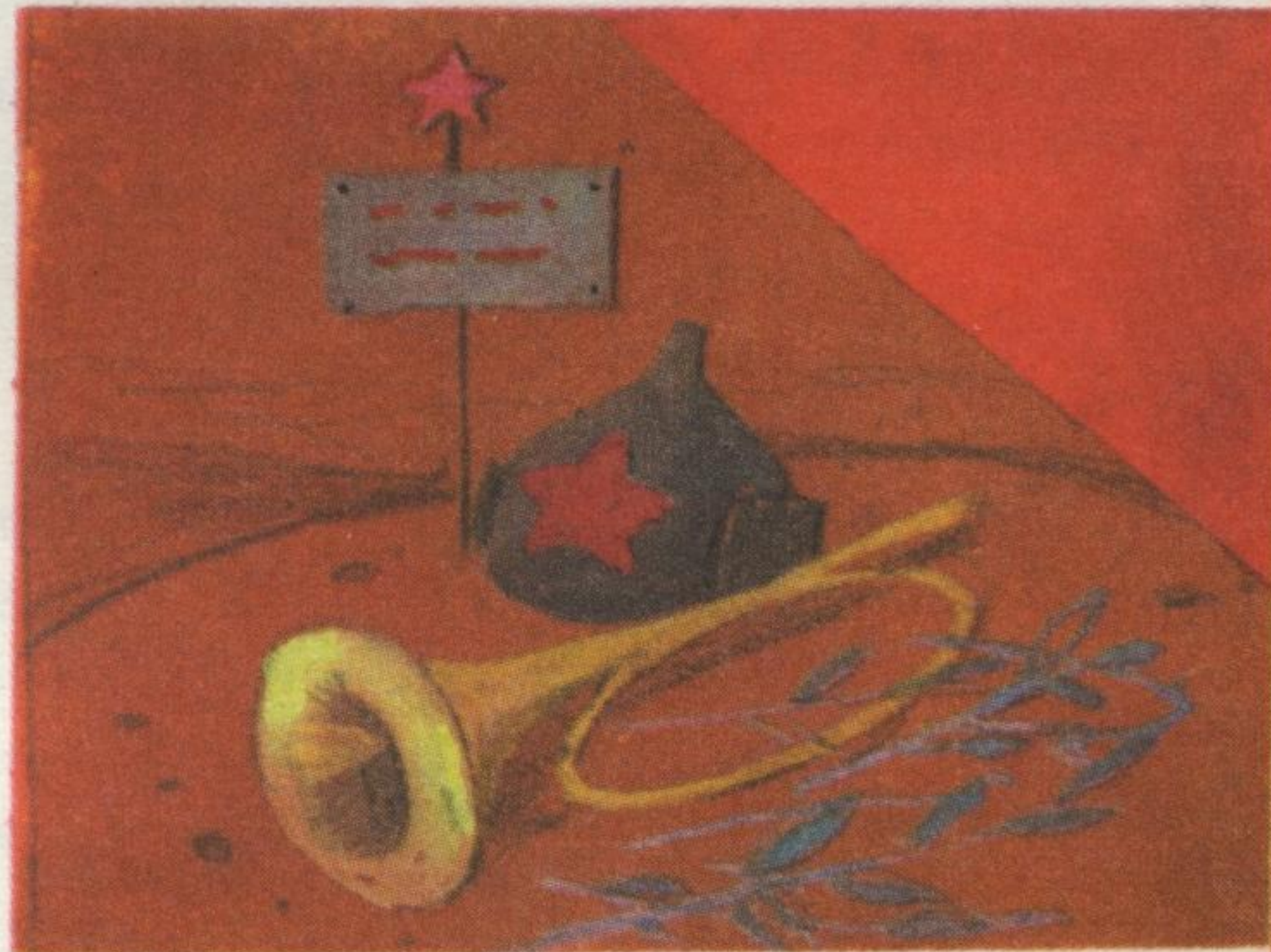
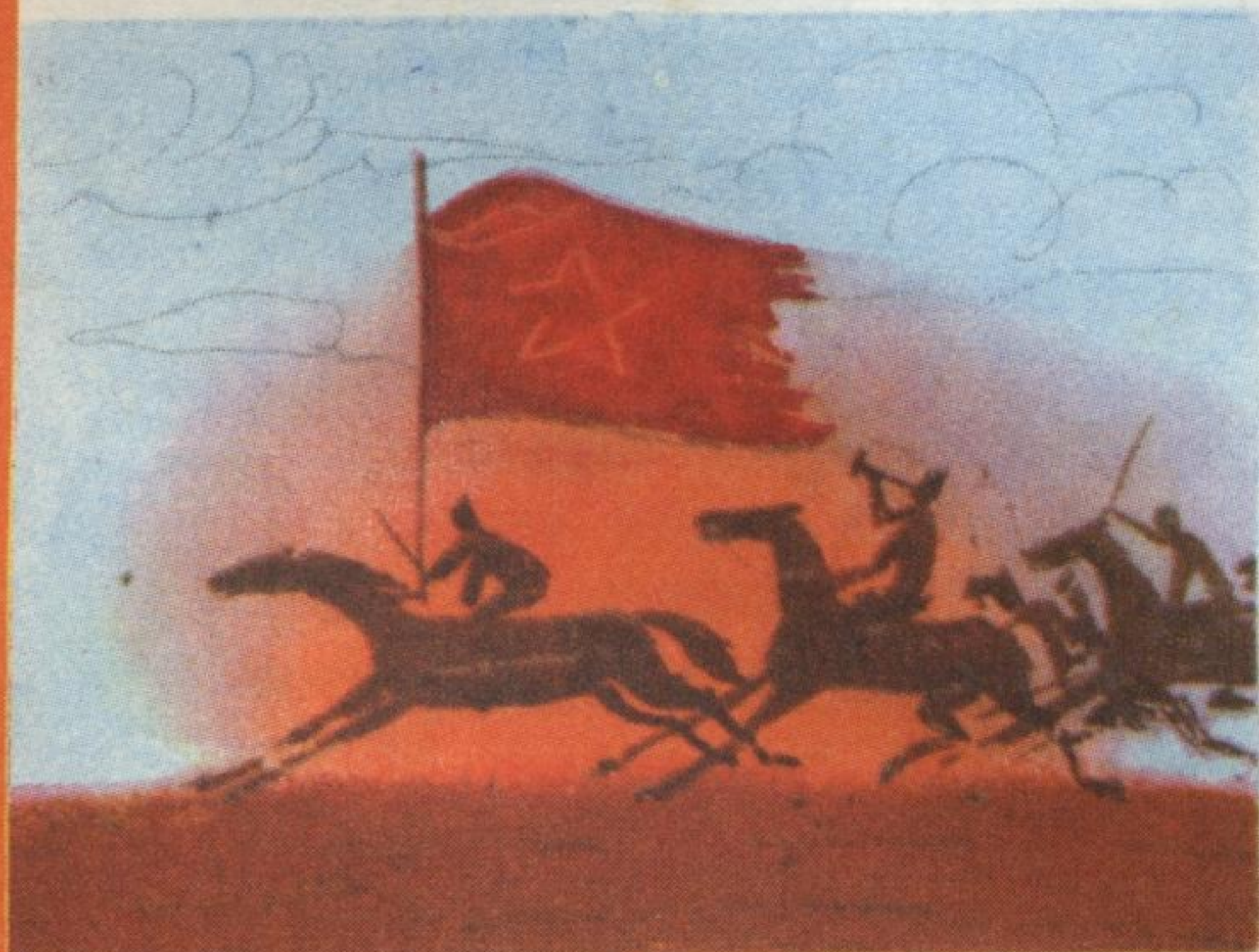

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

Но что это! Откуда застрочил пулемет! Птицей вылетела тачанка. И в страхе разбежались белые. Так встретились мальчишки разных времен. И Трубач рассказал Пионеру о себе и о том, что утром ему надо быть в отряде. Но белые не дремлют. Вот она, вражеская засада. Пионер помог Трубачу скрыться, а его самого схватили и повели на допрос к

Главному белогвардейскому высочеству. Бросили Пионера в темницу, но не сказал он ни слова. А наутро Трубач привел в город красный отряд, и открылись двери самых темных темниц. Вражеская пуля сразила Трубача. Грустно Пионеру, хотя вокруг него друзья. «Выше голову, Пионер,— сказал командир отряда.— Без борьбы нет победы!»

Фильм «Орленок», который вы скоро увидите на экранах, режиссер В. Я. Бордзиловский, сценарист Ж. Витензон, художник В. Тарасов и другие художники-мультипликаторы, операторы и артисты подарили Комсомолу в день рождения.

